

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

ОГИЗ
СОЦЭКГИЗ
1935

Содержание вышедших номеров журнала „Проблемы экономики“ за 1935 г.

№ 1

Памяти В. В. Куйбышева — Гобеда социализма и усиление революционной бдительности. — И. Большаков — О народнохозяйственном плане на 1935 г. А. Мендельсон — К итогам 1934 г. Г. Нейман — Отмена карточек, развертывание товарооборота и укрепление рубля. И. Абрамов — Победный путь советской металлургии. Ш. Лиф — Картельная политика фашизма в области промышленности. **Из истории развития экономической мысли.** — А. Реуэль — Экономические воззрения Герцена. — Неопубликованное письмо Рикардо к Мальтусу. **Конъюнктура мирового хозяйства.** — Д. Минц — Уголь и борьба за Саар. Н. Захаренко — Основные итоги работы ж.-д. транспорта за 1934 г. А. Цукерник — Рабочие кадры и производительность труда в угольной промышленности Донбасса. **Практика передовых предприятий.** — Инж. А. Абрамов — Технические и экономические сдвиги на заводе «Серп и молот». **Экономическая хроника.** — Основные предприятия пищевой промышленности, вошедшие в эксплуатацию в 1933 — 1934 гг. **Библиография.** — И. П. — По поводу книги Отмара Шпанна «Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre». С. Партигул — Люди Сталинградского тракторного. С. Флистович — А. А. Зворыкин. Красная книга «Шахта Артема» — лучшая в СССР. Л. Белин — За учебное пособие по политекономии докапиталистических формаций. Я. С. — Буржуазная экономическая литература.

№ 2

Г. Крумин — В борьбе за выполнение плана второй пятилетки. Э. Квинринг — Проблемы освоения. Л. Гатовский — О советском рубле и советской торговле. М. Кривицкий — К вопросу о методологии изучения уровня жизни рабочих. А. Мендельсон — О конъюнктурной рубле в СССР. А. Герценштейн — Освежение новой техники и производительность общественного труда. И. Учитель — К вопросу о преодолении сезонности в земледелии. Акад. С. Струмилин — Химическая промышленность СССР. А. Подгорный — О периодизации истории СССР. **Проблемы современного капитализма.** — А. Амо — О депрессии особого рода. Н. Снежко — Италия за период экономического кризиса и депрессии особого рода. **Методология и история экономических наук.** — А. Рубинштейн — К вопросу об экономических взглядах Р. Люксембург. И. Бровер — Г. В. Плеханов о капиталистических кризисах. **Некролог** — Роман Ефимович Вайсберг. **Библиография.** — С. Вейнгер — Д. Розенберг — «История политической экономии», ч. I.

№ 3

А. Мендельсон — Полугодие крутого подъема. И. Мирошников — О советских деньгах. Г. Нейман — Единая цена. И. Блюмин — К вопросу о равномерном размещении производительных сил. Г. Биргер и Д. Тумаркин — Развитие промышленности искусственного волокна в СССР. Б. Волон — Борьба за транспорт и задачи транспортного машиностроения. Г. Кара-Мурза — Экономическая политика китайских советов. Э. Гурвич — Влияние монополии на движение цен в США. **Методология и история экономических наук.** — Амо Арутинян — Учение Митчелля об экономических циклах. Б. Смудевич — «Теория народонаселения» Зомбарта. **Народное хозяйство СССР.** — Д. Меерзон — Концентрация крупной промышленности в СССР в первой и второй пятилетках. М. Фейгельсон — За рентабельную советскую металлургию. **Библиография.** — Г. Косяченко и М. Шпндлер — Э. Я. Брегель. Ленинский этап в теории воспроизводства. И. Блюмин — Дж. Б. Кларк. Распределение богатства. А. Рубинштейн — Журнал «Der Kampf» в 1935 г. Я. Сегалл — «Collectivist Economic Planning». И. Ципкин — «Кредит и хозрасчет».

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
34	1 снизу	стр. 119	стр. 139
48	2 и 3 "	стр. 18	стр. 18 (цитир. газета „La Estampación“)
67	8-9 сверху	продовольственных ресурсов.	продовольственных ресурсов для рабочего снабжения.
79	15 снизу	производства	хозяйства
84	2 "	стр. 160	стр. 100
90	16 сверху	формулу	форму
92	6 снизу	достигнет	достигает
143	27 "	Закрепительные	Запретительные
178	1 "	изд.	изд. 9-е
109	В таблице рубрики „I квартал“ и „январь—май“ относятся к 1935 г.		

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

О Ц Э К Г И З

1935

Фридрих Энгельс
1820 1895

К Сорокалетию со дня смерти Фридриха Энгельса

Д. РОЗЕНБЕРГ

Развитие экономических взглядов Энгельса

Энгельс рано имел возможность практически знакомиться с капиталистической экономикой. Отец его, крупный фабрикант, даже не дал ему окончить гимназию и за год до ее окончания взял его к себе в контору. А в 1838 г. — Энгельсу было тогда всего 18 лет — будущий соратник Маркса поступил на службу в экспортную контору одного из бременских друзей своего отца.

Раннее знакомство с «мастерской жи» (так в свое время назвал торговлю Фурье) пробудило у юного Энгельса интерес к социально-экономическим проблемам. Уже в своих «Письмах из Вупперталя» (начало 1839 г.), рисуя быт народных масс, Энгельс подчеркивает деморализующее влияние фабрики. «Свежая, здоровая народная жизнь, — читаем мы в первом из названных писем, — как она существует почти везде в Германии, здесь (в Эльберфельде. — Д. Р.) совсем не чувствуется; правда, на первый взгляд кажется иначе: ежевечерне по улицам тянутся веселые компании и горланят свои песни, но это — самые площадные, пьяные песни, отвратительнее которых трудно себе представить... Все кабаки переполнены, особенно в субботу и воскресенье, а вечером к одиннадцатому часу, когда их запирают, пьяные толпами высыпают из них, большинство замертво падает тут же в дорожную канаву... Причины этого явления совершенно ясны. Прежде всего этому очень много опосредствует фабричный труд. Работа в низких помещениях, где люди вдыхают больше углекислоты и пыли, чем кислорода, — и в большинстве случаев начиная уже с шестилетнего возраста, — как будто предназначена для того, чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности»¹.

В «Письмах из Вупперталя», как и в других работах раннего периода своей литературно-политической деятельности, Энгельс еще выступает как революционный демократ и борец против религиозного мракобесия, пиетизма и мистицизма. Экономистом он стал немного позже. Однако экономические условия жизни людей уже привлекают, как мы видели, его внимание, и он даже делает попытки — правда, они еще носят характер беглых замечаний — объяснить этими условиями такие явления, как мистицизм и пьянство. «Одиночки-ткачи, — пишет будущий теоретик исторического материализма, — сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и сушат себе спинной мозг у жаркой печки. Удел этих людей — мистицизм или пьянство»².

В 1842 г. Энгельс переезжает в Англию, в Манчестер — центр английской текстильной промышленности — на службу в контору текстильного предприятия, одним из компаньонов которого был его отец. Это дает ему возможность практически ознакомиться с торгово-промышленной жизнью такой передовой, капиталистически раз-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 5.

² Там же.

витой страны, как Англия. Но Энгельс уже не ограничивается одним практическим опытом, он сочетает его с основательным изучением политической экономии. Здесь он написал «Очерки критики политической экономии» и «Положение рабочего класса в Англии».

В то время в Англии промышленный переворот в основном был завершен и его последствия были налицо: колоссальный рост богатства на одном полюсе и не менее колоссальный рост нищенства — на другом. Промышленный переворот принес с собой разорение мелких производителей, массовую безработицу и периодические кризисы перепроизводства. Буржуазия старалась свалить вину за создавшееся положение на лендлордов, мешавших ей осуществить ее евангелие экономической свободы, которое она резюмировала в лозунгах: «Laissez faire, laissez passer». Лендлорды не оставались конечно в долгу: ведя контратаку, они обвиняли буржуазию в отсутствии патриотизма, алчности и жестокости в отношении... к меньшим братьям.

Энгельс приехал в Англию в разгар борьбы между двумя фракциями господствующих классов: между фритредерами и их противниками из лагеря земельных собственников. Фритредеры с фабрикантами Кобденом и Брайтом во главе организовали в 1836 г. «Лигу против хлебных законов», старавшуюся своей демагогией привлечь на свою сторону народные массы, уверяя, что свобода торговли избавит от всех бедствий и что после ее осуществления наступит тысячелетнее царство. «Лига» шумно выступала против монополии, но тщательно скрывала ту монополию, на которой держится капиталистическое производство — монополию капиталистов на средства производства.

Но промышленный переворот не только вызвал разорение и безработицу, — создавались предпосылки и для организации боевой силы пролетариата, для превращения его из «класса в себе» в «класс для себя». Этот процесс был длителен и мучителен. Энгельс первый классически изобразил его в своем «Положении рабочего класса в Англии». Ленин об этой книге писал: «Книга эта была ужасным обвинением капитализма и буржуазии. Впечатление, произведенное ею, было очень велико. На книгу Энгельса стали всюду ссылаться как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса» (т. I, стр. 412). К началу 40-х годов рабочий класс в Англии, освободившись от многих иллюзий и изведав предательство буржуазии, создал партию под знаменем чартизма.

В эпоху промышленного переворота возник и английский утопический социализм. Творцом его был Роберт Оуэн (1771—1858), который, как и другие великие социалисты-утописты, апеллировал не к рабочим массам, а к благоразумию, просвещенности и гуманности... сильных мира сего. Не в классовой борьбе он искал силы для осуществления своего идеала. Наоборот, в революционных выступлениях пролетариата он видел помеху, ставшую на его пути, мешавшую «благодетелям» человечества проявить свои «благодейния». Однако утопический социализм имел и революционное значение.¹ Во-первых, своей резкой критикой буржуазного общества он доставил материал для агитации и пропаганды среди рабочих, т. е. содействовал той самой классовой борьбе, которая им отрицалась и порицалась. Во-вторых, утописты ложно указывали путь к социализму, но социалистические идеи все же распространяли. А противопоставив социализм

капитализму, они нанесли сокрушительный удар постулату буржуазной политической экономии, в том числе и классической, рассматривающей капиталистические отношения как естественные и вечные.

Но по мере развития капитализма и обострения его противоречий утопический социализм стал терять свое значение. Известно следующее указание авторов «Коммунистического манифеста»: «Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически отрицательное к ней отношение»¹.

Это писалось к концу 40-х годов, но и в начале десятилетия, т. е. ко времени приезда Энгельса в Англию, утопический социализм уже лишился «всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания». Действительно, оуэнизм, игравший значительную роль в первую половину 30-х годов, по мере развития чартистского движения сходит с общественно-политической арены. Он, с одной стороны, повторяет лишь пройденное, а с другой — выдвигает на первый план этические и антирелигиозные задачи².

В обратном отношении к историческому развитию стоит и буржуазная политическая экономия. С завоеванием буржуазией политической власти и развитием классовой борьбы — практической и теоретической — «пробил смертный час для научной буржуазной экономики» (Маркс). Господствующее положение заняла вульгарная экономия, которая «толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа»³.

Различие между классической экономией и вульгарной впервые проведено было Марксом, до него это различие не делалось. Буржуазия естественно не видела ничего вульгарного в писаниях Сея, Джемса Милля и им подобных; наоборот, этих экономистов она ставит выше Смита и Рикардо, которые не приспособили к ее домашнему обиходу «грубейшие явления экономической жизни». Что касается социалистов, то они смотрели на политическую экономию как на науку, оправдывающую и увековечивающую ненавистный им буржуазный строй. И с этой точки зрения они не видели и не могли видеть разницы между классиками и вульгарными экономистами.

Вообще в рассматриваемую эпоху экономисты и социалисты были антиподами: политическая экономия и учение о социализме считались несовместимыми. Превратить политическую экономию из науки буржуазной в науку пролетарскую — такая задача не ставилась. Ее поставил и разрешил при активном участии Энгельса Маркс. Не видя в капиталистическом способе производства подготовляющихся объективных и субъективных факторов социалистической революции, социалисты домарковского периода не могли ставить себе задачу вскрыть закон развития этого способа производства, не могли следовательно и ставить задачу преобразовать политическую экономию

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 511.

² Об оуэнизме и его роли см. нашу работу «История политической экономии», т. II, стр. 16.

³ Маркс. Капитал, т. I, стр. 39, изд. 8-е.

и использовать для этой цели имевшиеся в ней благодаря классикам научные элементы. Последние остались незамеченными, как осталась незамеченной историческая миссия капитала.

Уже в «Очерках критики политической экономии» имеется много ценных и новых мыслей, которые были впоследствии развиты в трудах Маркса и Энгельса и заняли центральное место во всей их теории. В «Очерках» Энгельс высказывает следующую мысль: «Если бы Мальтус не смотрел на вопрос так односторонне, он должен был бы увидеть, что избыточное население или рабочая сила всегда связана с избыточным богатством, избыточным капиталом и избыточной земельной собственностью. Население бывает слишком велико лишь там, где слишком велики производительные силы вообще»¹. В этих словах дается уже гениальный набросок «всеобщего закона капиталистического накопления».

В «Очерках» же Энгельс формулирует положение о взаимообусловленности конкуренции и монополии. Это положение, ставшее затем важнейшим элементом марксо-ленинского учения, всячески оспаривается социал-фашистами, ревизионистами всех наименований, фальсифицирующими историю во славу капитала. Полемизируя с экономистами, особенно с либеральными, Энгельс говорит, что главной, решающей монополией является частная собственность, которую сознательно обходят и замалчивают апологеты. Таким образом уже в этой работе Энгельс достиг глубокого понимания сущности капитализма, его основы.

Чрезвычайно важной является характеристика политической экономии, даваемая Энгельсом. Последнюю он называет «наукой обогащения» и доказывает, что возникновение и развитие ее обусловлены возникновением и развитием частной собственности. Он вскрывает классовый характер этой «науки» и разоблачает мальтузианство как теорию, служащую интересам класса капиталистов. Огромный интерес представляют взгляды молодого Энгельса на промышленные кризисы, высказанные им в «Очерках». Он устанавливает, что кризисы неизбежно сопутствуют капитализму, что они являются важнейшим фактором концентрации и централизации, что они наиболее глубоко выражают неустойчивость и преходящий характер капитализма.

Все же на «Очерках» лежит еще печать утопического социализма, и это сказывается уже в самой трактовке политической экономии. Правильно разоблачая классовый характер последней, Энгельс вместе с тем слишком суживает ее значение, относясь к ней отрицательно-враждебно в духе утопического социализма, не ставившего себе задачу, как мы уже заметили, преобразовать ее и вооружить ею пролетариат.

«Политическая экономия, — читаем в «Очерках», — явилась естественным последствием распространения торговли, и с ней на место простого ненаучного шарлатанства выступила развитая система дозволенного обмана, целая наука обогащения». И дальше: «Эта политическая экономия, или наука обогащения, возникла из взаимной зависимости и жадности купцов, носит на своем челе печать самого отвратительного эгоизма»².

Печать утопического социализма лежит и на следующих заявле-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 314.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 293 (подчеркнуто мною.—Д. Р.), Читатель помнит, что в «Анти-Дюринге» Энгельс иначе определяет политическую экономию, но об этом дальше.

ниях автора «Очерков»: «Вечное колебание цен, создаваемое условиями конкуренции, окончательно отнимает у торговли последние следы нравственности. О стоимости нет более и речи». И дальше: «Та самая система, которая, казалось, придает такое значение стоимости, которая признает за абстракцией стоимости честь особого существования в форме денег, эта самая система разрушает путем конкуренции всякую внутреннюю стоимость и изменяет ежедневно и ежечасно отношения стоимостей всех вещей друг к другу»¹.

Социалисты того времени видели противоречие между стоимостью и рыночной ценой: первая, мол, — выражение справедливости, вторая — ее нарушение. В последующих своих работах Энгельс критикует социалистов за непонимание того, что колебание рыночных цен происходит именно по закону стоимости. Но в «Очерках» он еще сам считает отклонение цен от стоимости нарушением последней.

Однако, трактуя еще категорию стоимости и другие категории политической экономии в духе утопического социализма, Энгельс в то же время подчеркивает их исторический характер, указывая, что они предполагают частную собственность и конкуренцию. Обвиняя буржуазных экономистов в абстрактности, он имеет в виду именно то, что ими не вскрыты указанные предпосылки категории политической экономии. Фактически молодой Энгельс уже вплотную подходит к проблеме соотношения логического и исторического, но еще не формулирует этой проблемы, классическое решение которой им будет дано позже.

«Положение рабочего класса в Англии» является следующим этапом в развитии экономических взглядов Энгельса. Сильные стороны «Очерков» находят свое дальнейшее развитие в «Положении», а слабые стороны продолжают лишь появляться в виде остатков еще окончательно непреодоленных прежних воззрений.

Если в «Очерках» Энгельс говорит о неизбежности в условиях капитализма кризисов и избыточного населения, то в «Положении рабочего класса в Англии» он устанавливает взаимозависимость этих двух явлений, увязывая их в единое целое: движение избыточного населения теснейшим образом связано с кризисами; в свою очередь промышленные циклы, с их подъемами, без избыточного населения были бы невозможны. В дальнейшем это положение полностью развито в «Капитале». Опирируя громадным фактическим материалом, Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» уже намечает контуры будущей классификации форм промышленной армии безработных, которая так блестяще разработана в I томе «Капитала».

Давая блестящее описание положения рабочего класса в Англии, Энгельс рассматривает его как результат исторического развития английской экономики, тех изменений, того переворота, который он назвал промышленной революцией и поставил в один ряд с Великой французской революцией.

Во-первых, мы здесь уже имеем развернутое понимание исторического материализма. Промышленный переворот — переворот в производительных силах — рассматривается как основа, предопределяющая собой переворот во всех общественных отношениях. Дана следовательно идея — и в конкретном применении ее — «б а з и с» и «надстройка».

Во-вторых, оценка промышленного переворота Энгельсом принципиально отличается от оценок, которые давались мелкобуржуазными

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. II., стр. 310.

экономистами, как Сисмонди, и социалистами-утопистами. И те и другие смотрели на промышленный переворот односторонне: видели в нем главным образом лишь отрицательную сторону — разорение мелких производителей, порождение нищеты и безработицы, рост анархии и кризисов. Энгельс увидел и другое — появление революционного рабочего класса — носителя социализма. Ленин писал, что Маркс и Энгельс оба «сделались социалистами из демократов, и демократическое чувство ненависти к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно» (т. I, стр. 415).

Пролетариат представлен не только как продукт крупной промышленности, но и как могильщик буржуазии. Подход к капитализму совсем иной: он не только осуждается, но и вскрываются силы, призванные его уничтожить. Дано и иное, новое для того времени понимание социализма: последний рассматривается как выражение интересов рабочего класса. Ленин писал: «И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат сам поможет себе. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью политической борьбы рабочего класса» (т. I, стр. 412).

Совместная работа обоих основоположников научного социализма началась с конца 1844 г. С этого времени развитие экономических взглядов Энгельса происходит под могучим влиянием Маркса, но это не лишает Энгельса ни самостоятельности, ни оригинальности.

Рассматриваемый период в значительной мере является переходным: окончательно преодолеваются остатки прежних воззрений, вырабатываются новый метод и новое понимание политической экономики, ведется беспощадная борьба против «истинного социализма» и «философии самосознания» младогегельянцев, провозглашаются принципы научного социализма, получившие свое классическое выражение в «Коммунистическом манифесте», о котором Ленин писал: «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира» (т. I, стр. 413).

Первым совместным трудом Маркса и Энгельса было «Святое семейство» или критика «критической критики» против Бруно Бауэра и К^о, вышедшее в 1845 г.

В «Святом семействе» объявляется беспощадная борьба абстрактному схематизму, требуется конкретное изучение капиталистической действительности. Не менее беспощадная борьба объявляется «критической личности», противопоставляющей себя массе и считающей себя творцом истории.

«Господа Бауэры, — пишет Ленин, — свысока судили о пролетариате как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества»¹.

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 412—413.

Отрывок, написанный Энгельсом в «Святом семействе» против Фаухера (1820—1878), замечателен тем, что в нем дается убийственная критика пустых абстракций и схематизма в истории и политической экономии. Большой знаток истории английской промышленности, Энгельс саркастически высмеивает Фаухера, рассуждавшего о последней не на основании действительного ее изучения, а по измышленным им схемам. «В действительности, — пишет Энгельс, — на английских фабриках имеются все градации заработной платы, начиная с 1½ шилл. и кончая 40 и больше; в критике же (в писаниях Фаухера. — Д. Р.) существует только одна ставка заработной платы — 11 шиллингов. В действительности машина заменяет ручную работу, в критике же — мышление... В действительности фабричная работа чрезвычайно утомительна и вызывает своеобразные болезни...; в критике же «чрезмерное напряжение не может препятствовать работе, ибо силу поставляет машина». В действительности машина есть машина; в критике же машина обладает волей»¹.

Эти страницы не потеряли своей актуальности и поныне. Припомним историческое постановление ЦК партии и Совнаркома о преподавании истории, бичующее голые абстрактные концепции. Марксизм — злейший враг схематизма, — этому учили Маркс и Энгельс еще в своих ранних работах; этому изменили теоретики II Интернационала, как они изменили всем принципам марксизма. Они умудрились и марксизм превратить в схему и формулы, выхолостив революционное содержание научного коммунизма. Ленин и Сталин, восстановившие и дальше развившие учение Маркса и Энгельса, беспощадно борются против опошляющего это учение схематизма.

Прямым продолжением и дальнейшим развитием «Святого семейства» является «Немецкая идеология», написанная Марксом и Энгельсом в 1845—1846 гг. во время их пребывания в Брюсселе. В «Немецкой идеологии» дается последовательная критика послегегелевской и фейербаховской философии как теоретической основы «истинного социализма». Для развития политической экономии эта работа важна прежде всего тем, что в ней уже даны в развернутом виде основы марксистской политической экономии, рассматривающей каждую общественную формацию как естественноисторический процесс, вскрывающий закон движения ее.

Что касается буржуазной собственности, то она рассматривается как продукт капиталистического производства и проходит ряд ступеней «прежде чем превратиться в современный порожденный крупной промышленностью и всеобщей конкуренцией капитал, в чистую частную собственность, отбросившую всякую видимость коллективности и устранившую какое бы то ни было воздействие государства на развитие собственности»².

Решающей особенностью буржуазной собственности является то, что «на одной стороне находятся действительные частные собственники, а на другой — лишенные собственности коммунистические пролетарии. Эта противоположность обостряется с каждым днем и непреодолимо ведет к кризису»³.

Вскрыто не только своеобразие буржуазной собственности, но и закон движения ее: выраженная ею классовая противоположность с

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 29—30 (все подчеркивания Энгельса),

² Там же, т. IV, стр. 52.

³ Там же, стр. 463.

каждым днем обостряется «и непреодолимо ведет к кризису»; т. е. к победе пролетариата и уничтожению этой противоположности. Пролетариат, отметим, назван коммунистическим, чем и подчеркивается роль его в буржуазном обществе как носителя коммунизма.

Ценным и актуальным является сделанный Марксом и Энгельсом вывод. «Поэтому, — заключают они, — если теоретические представители пролетариев желают достигнуть чего-нибудь своей литературной деятельностью, то они прежде всего должны постараться покончить со всеми фразами, которые ослабляют сознание остроты этой противоположности, с фразами, которые затушевывают эту противоположность и даже позволяют буржуа приблизиться ради своего спасения к коммунистам на почве филантропических мечтаний»¹.

Социал-демократические теоретики то и делали — даже тогда, когда выступали под флагом «ортодоксии», — что всячески ослабляли и затушевывали «остроту этой противоположности». Только большевики, воспитанные Лениным и Сталиным, беспощадно боролись и борются против всякого рода попыток ослаблять и затушевывать противоположность между пролетариатом и буржуазией.

О великом значении «Коммунистического манифеста» для развития политической экономии говорить много не приходится. Классическая характеристика капиталистического способа производства со всеми присущими ему противоречиями, наиболее резко проявляющимися в периодических промышленных кризисах; провозглашение, что «история всего предшествующего общества есть история классовой борьбы»; определение места и роли буржуазии и пролетариата как двух основных классов капиталистического общества; учение о диктатуре пролетариата как о периоде переходном от капитализма к коммунизму; уничтожающая критика всех разновидностей социализма — все это в отношении к теоретической экономии означало коренное изменение понимания ее предмета как ее категорий, ее задач и ее метода. Политическая экономия превратилась из науки над исторической, как ее трактовали буржуазные экономисты, и из науки торгашеской («обогащения»), как ее трактовали социалисты, в науку о законе движения экономических формаций, в первую очередь — в науку о законе движения буржуазного общества.

Мы уже отметили, что прежние социалисты противопоставляли свои учения политической экономии. Маркс и Энгельс своими работами, результаты которых резюмированы в «Коммунистическом манифесте», уничтожили эту противоположность. Наоборот, основной задачей политической экономии они сделали обоснование диктатуры пролетариата и неизбежность коммунистической революции. Коммунизм должен получить в политической экономии свое теоретическое обоснование.

Это обоснование дал Маркс в своем гигантском труде «Капитал» при активном участии Энгельса.

Каутский, Гильфердинг и др. полностью извратили теорию Маркса и Энгельса, выхолостив из нее учение о диктатуре пролетариата. И неудивительно: им нужно было искать водораздел, отделяющий марксистскую политическую экономию от буржуазной, в производных и второстепенных моментах. Восстановлена и дальше развита марксистская политическая экономия в трудах Ленина, Сталина, единственно

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 463.

правильно применивших ее к новым условиям — условиям империализма, Октябрьской революции, социалистического строительства СССР.

Энгельс был величайшим комментатором учения Маркса, и не только комментатором, но и оригинальнейшим самостоятельным мыслителем-теоретиком, давшим много нового и ценного и в области политэкономии и ее методологии.

Проблема соотношения логического и исторического давно уже занимала мысли Энгельса. Ряд высказываний его по этому вопросу имеется и в его «Очерках» и в «Святом семействе», но блестящую, поистине классическую формулировку он дает в своей рецензии на произведение Маркса «К критике политической экономии».

«С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собою не что иное, как зеркальное отражение исторического процесса, принимающее отвлеченную и теоретически последовательную форму: отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать на высшей точке его развития, в его полной зрелости и совершенстве»¹.

Впоследствии буржуазная политическая экономия по вопросу об историческом и логическом разбилась на два враждебных лагеря — историческую и австрийскую школы. И та и другая метафизически и вульгарно понимали различие между теорией и историей, а потому не видели и их единства. Историческая школа изгнала из политической экономии всякую теорию, а австрийская школа стала на путь надуманных абстракций, ничего общего не имеющих с реальными историческими процессами. Марксистская политическая экономия — и это наиболее полно формулировано Энгельсом, — не отрицая различия между историей и теорией, видит в них единство. Это положение Энгельс в названной рецензии формулирует еще так: «В сущности это (т. е. логический метод. — Д. Р.) тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей»².

Энгельс показывает, как в «К критике» это единство проводится. Маркс свой анализ экономической структуры буржуазного общества начинает с того, с чего начинается и ее история, т. е. с товара. Продукт труда, предназначенный для обмена, становится товаром «только потому, что с вещью, с продуктом, связывается отношение двух лиц или общин»³. Анализ этого отношения вскрывает внутреннее противоречие товара, которое разрешается в деньгах. Марксов анализ восходит от товара к деньгам, но и исторически деньги возникли из товара в результате расщепления товарного мира на товар и деньги. Следовательно развитие теории — ее движение от простейшего отношения к более сложным отношениям — есть «не что иное, как зеркальное отражение исторического процесса».

А рассматривая товар как отношение, Маркс, по указанию Энгельса, вскрыл, что «политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами,

¹ Маркс, К критике политической экономии, стр. 208, изд. 1933 г. (рецензия Энгельса).

² Там же.

³ Там же, стр. 209 (подчеркнуто Энгельсом).

но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи»¹.

Маркс превратил политическую экономию в историческую и общественную науку тем, что он увидел в отношении вещей отношения людей и в конечном счете отношения классов.

Энгельс также показывает, как Марксом критически использован был гегелевский метод. «Превосходство способа мышления Гегеля над способом мышления всех других философов было в том огромном историческом чутье, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию мировой истории, и последняя, собственно, должна была служить только проверкой для первого»².

Энгельс подчеркивает «огромное историческое чутье» Гегеля, но у последнего оно облекалось в крайне абстрактную и идеалистическую форму. У Маркса историзм — в диалектическом понимании как развитие через противоречие — принял ту форму, которая вытекает из его природы, т. е. материалистическую. Так историзм понимает и Энгельс, который еще в своих ранних работах проявил «огромное историческое чутье».

Итак, рецензия Энгельса является не только наилучшим комментарием к работе Маркса, но имеет большое самостоятельное значение: во-первых, она проливает свет на ряд важнейших вопросов марксистской политической экономики; во-вторых, она характеризует развитие экономических воззрений Энгельса, которое шло в полнейшем контакте с развитием воззрений Маркса. Энгельс сумел так мастерски комментировать взгляды Маркса потому, что это были и его взгляды.

В рецензии дано и более полное, чем в «Очерках», определение политической экономики. Оно гласит: «Политическая экономика есть теоретический анализ современного буржуазного общества и предполагает поэтому наличие развитых буржуазных отношений...»³. Здесь еще нет разграничения между политической экономией в «узком смысле» и политической экономией в «широком смысле», но приведенное определение есть шаг вперед в сравнении с определением в «Очерках», сводящим политическую экономию только к «науке об обогащении».

Отметим еще, что, исходя из нового определения политической экономики, Энгельс объясняет, почему в Германии экономическая наука не могла развиваться, почему последняя для немцев является «импортным товаром». Объяснение дано в основном такое же, какое дает Маркс в предисловии к I тому «Капитала»: в Германии отсутствовали развитые буржуазные отношения, которые являются предпосылкой самостоятельного развития экономической науки.

Рецензия, состоящая из двух статей, заканчивается следующим обещанием: «В третьей статье мы перейдем к экономическому содержанию самой книги». Формально Энгельс своего обещания не выполнил: третья статья не появилась. Но фактически оно выполнено было после выхода I тома «Капитала». Энгельс написал конспект последнего и, излагая содержание I отдела «Капитала», он в сущности излагает и содержание «К критике».

¹ Маркс. К критике политической экономики, стр. 209, изд. 1933 г.

² Там же, стр. 207.

³ Там же, стр. 201.

Конспект, написанный в 1869 г., замечателен тем, что он передает не только результаты исследования, но и самый ход мыслей Маркса, представленный как «зеркальное отражение исторического процесса»¹.

Хотя конспект имел своей задачей популяризацию «Капитала», в письме к Марксу от 16 сентября 1868 г. Энгельс говорит: «Не представляется ли действительно необходимым популярное краткое изложение содержания твоей книги для рабочих?»². Однако Энгельс справедливо полагал, что и в популярной работе нельзя ограничиваться изложением готовых истин, а необходимо показать весь ход мыслей и вскрыть факты, отражением которых они являются.

В середине 1869 г. Энгельс ликвидирует свои коммерческие дела и, освободившись из «египетского пленения», переселяется в Лондон. Основная задача предыдущего периода была выполнена: I том «Капитала» вышел в свет (1867 г.), и политическая экономия из оружия в руках буржуазии превращена была в оружие пролетариата против буржуазии. Создан был I Интернационал, которым руководил Маркс и в котором живое участие принимал Энгельс.

На первом плане стояла задача внедрения марксизма и марксистской политической экономии в массы, борьбы против враждебных течений и против мелкобуржуазных рецидивов среди собственных сторонников. Из работ Энгельса, относящихся к данному периоду и имеющих непосредственное значение для нашей темы, возьмем «Жилищный вопрос» и «Анти-Дюринг».

В «Жилищном вопросе» Энгельс полемизирует с Прудоном и его последователем Мюльбергером. Как первый, так и второй не понимают сущности капиталистической эксплуатации. Если Прудон заострил внимание на проценте, то Мюльбергер концентрировал внимание на эксплуатации домовладельцами квартиранимателей и имел некоторое влияние на часть немецких рабочих. Это и заставило Энгельса разоблачить скрытого прудониста.

Но в этой работе, полемической по форме, мы имеем прекрасное изложение основ марксистской политической экономии, образец правильного понимания сущности капиталистической эксплуатации.

Энгельс доказывает, что в своей неудержимой погоне за прибавочной стоимостью капитализм все более и более расширяет область капиталистических отношений. Не чем иным, как товаром является в условиях капитализма жилище рабочего. Сдача — наем квартиры представляют обычную торговую сделку, регулируемую законами капиталистических отношений. Этот товарный характер найма квартиры не может стать иным до тех пор, пока сохраняются капиталистические отношения. В этой же работе Энгельс рассматривает вопрос о противоположности между городом и деревней, которая также определяется законами капитализма. В противовес Мюльбергеру и другим буржуазным экономистам, утверждавшим, что прогресс смягчит ее, Энгельс считал, что, наоборот, противоположность эта будет все более и более усиливаться с развитием капитализма, с углублением процесса классовой дифференциации.

Глубочайшая правильность этого тезиса доказана практикой социалистического строительства в СССР. В борьбе с контрреволюционным троцкизмом и правым оппортунизмом наша партия создает на основе

¹ К сожалению, конспект не доведен до конца — проконспектированы лишь первые четыре отдела I тома «Капитала».

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 94.

построения бесклассового социалистического общества действительные условия ликвидации противоположности между городом и деревней.

Основной теоретической работой Энгельса в рассматриваемый период является «Анти-Дюринг». В своем экономическом исследовании Энгельс исходит из: 1) единства производства, обмена и распределения; 2) различия их внутри единства; 3) примата производства над обменом и распределением.

Исследуя капиталистический способ производства, Энгельс показывает, как противоречия между производством, обменом и распределением двигают капитализм вперед, одновременно все более и более обостряются и в конце концов должны привести капитализм к его революционному краху. Он анализирует форму стоимости и показывает, что уже в ней содержится зародыш всех противоречий развитого капитализма.

Основное противоречие — это противоречие между общественным характером производства и частным присвоением: «Это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, включало в себе зародыши всех современных противоречий. И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех наиболее значительных отраслях труда, во всех наиболее влиятельных в экономическом отношении странах, чем дальше оттеснял он незначительные остатки единичного производства, тем резче должна была выступать несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением». Это же противоречие «проявилось в антагонизме между пролетариатом и буржуазией». Оно же «выступает наружу как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе».

В развернутом и развитом виде это противоречие проявляется в кризисах, приводит к кризису всей капиталистической системы и делает ее революционную гибель неизбежной.

«Следовательно, — резюмирует Энгельс, — с одной стороны, капиталистический способ производства сам обнаруживает свою неспособность к дальнейшему управлению производительными силами, с другой стороны, сами производительные силы с возрастающей силой стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от своих капиталистических свойств, к фактическому признанию их характера — характера общественных производительных сил»¹.

«Анти-Дюринг», как и «Жилищный вопрос», вызван был необходимостью бороться против враждебных течений, пытавшихся проложить себе путь в шедшее под флагом немецкой социал-демократии рабочее движение. Мелкобуржуазный идеолог Дюринг, вообразивший, что им совершен переворот во всех науках, в том числе и в политической экономии, выступил в социал-демократической печати резко против Маркса, противопоставляя марксизму свое путаное и вредное для пролетариата учение. Однако он нашел сторонников среди части интеллигенции, примкнувшей к рабочему движению и занимавшей в последнем руководящие посты.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 280 (подчеркнуто Энгельсом).

Борьбой с Дюрингом и с современными ему мелкобуржуазными идеологами не исчерпывается революционное значение «Анти-Дюринга». Он направлен своим острием и против нынешних социал-демократов — Каутского, Гильфердинга и др.

В письме от 15 октября 1884 г. Беккеру Энгельс пишет: «На протяжении всей моей жизни я делал то, к чему я был призван. Я играл вторую скрипку и полагаю, что выполнил свое дело сносно. Я радовался, что у меня есть такая знаменитая первая скрипка, как Маркс». И дальше: «Теперь внезапно в области теории я должен заступить место Маркса и играть первую скрипку; это не может проходить гладко, и я чувствую это сильнее, чем кто бы то ни было».

Это характеризует величайшую скромность Энгельса и присущую ему самокритику. Но опасения его не оправдались. Он полностью оказался на высоте выпавших на его долю после смерти Маркса задач.

Энгельс трогательно и с любовью относился как к самому Марксу, так и к его теоретическому наследству. Ленин писал об этой замечательной дружбе: «Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе... Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу» (т. I, стр. 414).

Творчество Энгельса не прекратилось до последних дней его жизни. Он продолжал двигаться по восходящей линии и развивать марксизм и марксистскую политическую экономию дальше. Им написана такая классическая работа, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства», подготовлены к печати и изданы II и III томы «Капитала». Написан ряд замечательных статей и предисловий к старым работам. Энгельс не перестает следить за развитием капитализма, и это нашло свое теоретическое освещение как в статьях, письмах, так и в вставках и примечаниях к изданным им томам «Капитала».

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс привлек богатейший фактический материал. Пользуясь методом диалектического материализма, он проанализировал весь пройденный человечеством путь от состояния дикости до современной капиталистической цивилизации.

Произведя ряд глубоких обобщений, Энгельс резюмирует всю историю развития общества в двух крайних полюсах: первобытный коммунизм и буржуазный строй. Последний является отрицанием первого. Но уже в самом себе он несет предпосылки своей собственной революционной гибели. Исследование таких институтов и явлений, как частная собственность, обмен, разделение труда, деньги, торговый и ссудный капитал, представляет собою блестящий образец применения диалектического материалистического метода.

Вместе с соответствующими исследованиями Маркса — исследованиями докапиталистических отношений — «Происхождение» образует прочное ядро политической экономии в широком смысле. Энгельс, еще в своих ранних работах боровшийся против схематизма, надуманных абстракций, игнорирования фактов, а с другой стороны, высоко ценивший теорию, последовательность развития мысли, дает в «Происхождении» непревзойденные образцы единства теории и

истории. Путем применения диалектического метода дана теория развития «дописанной» и возникновения «писанной» истории, но теория, действительно являющаяся «зеркальным отражением исторического процесса».

Еще в своих ранних работах Энгельс разоблачал классовую природу частной собственности, государства и современной семьи — этих трех китов буржуазного общества; но в «Происхождении» вскрыты их меняющиеся и развивающиеся экономическое содержание и исторические формы. Исследование докапиталистических формаций, начатое в «Немецкой идеологии», продолженное Марксом в «Капитале», а Энгельсом в «Анти-Дюринге» и других работах («Крестьянские войны» и др.), получает свое дальнейшее развитие в «Происхождении».

Основной своей задачей в области теоретической экономики Энгельс считал подготовку к печати и издание остальных томов «Капитала».

«Работы над этими двумя томами, — пишет Ленин, — потребовалось очень много. Австрийский социал-демократ Адлер верно заметил, что изданием II и III томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса»¹. Несомненно, Энгельс сильно преуменьшает свою роль в создании этих двух томов «Капитала», когда со свойственной ему замечательной скромностью пишет, что он «ограничился по возможности буквальным воспроизведением рукописей, изменяя в стиле лишь то, что изменил бы сам Маркс, и вставляя лишь кое-какие пояснительные предложения и переходы там, где это было абсолютно необходимо и где сверх того смысл не вызывал никаких сомнений»². Конечно он относился бесконечно бережно к оставленным Марксом рукописям, но тем труднее была его задача. «Подготовить к печати, — пишет он в том же предисловии, — вторую книгу «Капитала» и притом так, чтобы она представляла, с одной стороны, связное и по возможности законченное произведение, а с другой стороны, произведение исключительно автора, а не издателя, — было нелегкой работой»³. Эту «нелегкую работу» Энгельс выполнил блестяще.

Энгельс пережил Маркса на 12 лет. За эти годы капитализм перешел к своей новейшей и последней фазе — к империализму. Наблюдая империализм на его заре, Энгельс дал много чрезвычайно ценного для характеристики и понимания его.

Но ввиду той огромной важности, которую представляют высказывания Энгельса о явлениях, характеризующих переход к империализму, мы их рассмотрим особо, в отдельной статье в одном из следующих номеров «Проблем экономики».

Энгельс высоко держал знамя революционного марксизма и превосходно играл после смерти Маркса «первую скрипку». Он не только беспощадно боролся против малейшего извращения марксизма и протаскивания чуждых, враждебных последнему элементов, но и неуклонно двигал марксистскую науку, в том числе и марксистскую политическую экономию дальше. Достигал он этого тем, что неизменно оставался верен своему тезису: марксизм — не догма, а руководство к действию. Применяя это единственно научно обоснованное руко-

¹ Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 50.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVIII, стр. 1.

³ Там же.

водство к изучению непрерывно развивающейся действительности, он непрерывно развивал марксизм.

Энгельс, как и Маркс, воспринял и развил революционную сторону философии Гегеля. Рассматривая диалектику как науку об общих законах движения, протекающего в противоположностях, Энгельс совместно с Марксом отстоял ее от разгрома и подвел под нее материалистическую базу. «Мы с Марксом, — писал он, — были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы» (цит. по Ленину, т. XVIII, стр. 10). И метод диалектического материализма стал ведущим фактором во всех работах Энгельса, и прежде всего в его экономических работах. Этот метод особенно помог Энгельсу творчески развить марксизм. Надо в этой связи отметить, что Энгельс проделал огромную работу по разработке диалектического метода. Маркс, Ленин и Сталин отмечали особые заслуги Энгельса в разработке материалистической диалектики. Достаточно назвать бессмертную книгу «Диалектика природы», которая по опубликовании всесторонне оплодотворила все области знания — в том числе и экономическую науку — революционным методом диалектического материализма.

Созданный Марксом и Энгельсом научный коммунизм, в том числе политическая экономия пролетариата, поднят на новую ступень действительными их последователями и гениальными учениками — Лениным и Сталиным.

Энгельс о положении рабочего класса в Англии

1. Анализ и прогноз

«С одной стороны, чтобы обосновать социалистические теории, с другой — чтобы дать твердую почву суждениям о праве этих теорий на существование и чтобы положить конец всем мечтаньям и фантазиям pro и contra, изучение положения пролетариата является неизбежной необходимостью»¹. Так писал Энгельс в марте 1845 г. в предисловии к книге «Положение рабочего класса в Англии», — книге, являющейся ярчайшей иллюстрацией к марксовой теории обнищания и имеющей огромное международное значение, хотя она и исследует положение рабочих в одной стране.

Через 40 лет, в марте 1885 г., в статье, помещенной в лондонском журнале «Commonweal» и переведенной на немецкий язык в «Neue Zeit», Энгельс пишет следующие пророческие слова: «А рабочий класс? Если даже во время неслыханного подъема торговли и промышленности от 1848 г. до 1868 г. он жил в такой нищете, если даже тогда для громадного большинства рабочих в лучшем случае наступило лишь временное улучшение положения и только незначительное привилегированное... меньшинство достигло прочного улучшения, то что же будет, когда этот блестящий период придет безвозвратно к концу, когда... это усилившееся состояние мертвящего застоя станет хроническим, нормальным состоянием английской промышленности? Истина же такова: покуда продолжалась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс до известной степени принимал участие в выгодах этой монополии... С падением монополии это привилегированное положение английского рабочего класса исчезнет»².

Таков гениальный прогноз, данный Энгельсом в 1885 г.

Неизбежный в капиталистическом строе процесс обнищания пролетариата совершается неравномерно и скачкообразно. Для Англии эта неравномерность, обусловившая «временное улучшение... только незначительного привилегированного меньшинства», была связана с ее монопольным положением на мировом рынке. Кончилось последнее, и «мертвящий застой» стал «хроническим нормальным состоянием английской промышленности».

В период всеобщего кризиса капитализма английская безработица приняла такие размеры, что даже в относительно лучшие периоды — периоды вершины цикла, как например в 1924—1927 гг. — она стояла на уровне предвоенных кризисов, а в период последнего кризиса и депрессии особого рода она поднимается до чудовищных размеров.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 298.

² Статья процитирована по предисловию ко 2-му немецкому изданию; русский перевод в издании «Положение рабочего класса» 1928 г.

И дело не только в том, что около 30% рабочих не имеют работы на сегодняшний день, а еще и в длительности периодов безработицы. Безработица сделалась именно «хроническим нормальным состоянием английской промышленности». Значительная часть тех, кто потерял работу, потерял ее на долгие годы. Резервная армия труда превратилась в постоянную армию безработных.

И это в особенности относится к так называемым «старым» отраслям промышленности, когда-то создавшим монопольное положение Англии на мировом рынке.

Старые отрасли тяжелой и добывающей промышленности Англии, ее судостроение и ее текстильное производство уже не являются технически передовыми и конкурентоспособными. Продукция их задолго до кризиса была выбита с мировых рынков более молодыми промышленными странами. И именно здесь стал прежде всего расти контингент хронически безработных. И если в судостроении, одной из старейших отраслей английской промышленности, во время кризиса процент безработных подымается до 60, то в «лучшие» времена после войны он составлял 40.

По официальной терминологии в стране насчитывается несколько так называемых «районов депрессии» — это именно районы наибольшего развития «старых» отраслей. Официальные обследования выявили там картину беспросветной нищеты, голода, бездомности, заброшенности. Книга т. Аллена Хэта «Положение рабочего класса в Англии» с ужасающей четкостью описывает всю глубину обнищания этих районов. Так сбывается для Англии прогноз, данный Энгельсом. Конечно и «новые» отрасли, как химическое производство, производство электроэнергии, автомобилей, радио и т. д., т. е. отрасли, лишь недавно развившиеся в Англии, развиваются по тем же законам, которые открыли Маркс и Энгельс и которые развили и дополнили для империалистической эпохи Ленин и Сталин.

Работая отчасти на военное ведомство, отчасти на внутренний рынок, они менее зависели от положения Англии на внешнем рынке и все же, за исключением лишь непосредственно работающих на подготовку войны, они имеют ту же хроническую безработицу, ту же постоянную незагруженность. Потеря монополии бьет конечно и по ним, а кризисы они переживают с особой силой. А помимо того как более новые отрасли они гораздо сильнее механизированы и «рационализированы» — рост их продукции не влечет за собой роста занятости.

«Английская промышленность, — пишет Энгельс, — должна иметь всегда, за исключением коротких периодов высшего расцвета, целые резервы безработных»¹. Увы, времена, когда еще возможны были «короткие периоды высшего расцвета», давно прошли. Теперь, в период общего кризиса капитализма, можно говорить не о расцвете, а лишь о депрессии особого рода. В этом отношении представляет большой интерес таблица, сопоставляющая довоенные и послевоенные проценты безработных по кварталам года и составленная по официальным, т. е. преуменьшенным данным (см. стр. 22).

«Низшие» точки безработицы за весь послевоенный период превышают для каждого квартала высшие точки предвоенных кризисов. В период же депрессии особого рода соответствующие цифры вдвое выше.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 378.

	Предвоенные кризисы		Послевоенное «благополучие» 1927 г.	Высшие точки кризиса 1932 г.	Депрессия особого рода 1934 г.
	1892 г.	1908 г.			
Март	8,2	6,4	9,9	20,8	18,0
Июнь	7,9	7,9	8,9	22,1	16,4
Сентябрь	9,3	9,3	9,4	22,7	16,4
Декабрь	9,1	9,1	9,8	22,1	17,0

В свое время Энгельс рукой мастера нарисовал положение английских безработных: «Вот эти-то резервы, в эпохи кризисов возрастающие неимоверно и в периоды, которые можно принять за нечто среднее между расцветом и кризисом, тоже насчитывающие изрядное число людей, и составляют «избыточное население» Англии; оно попрошайничает и крадет, метет улицы, собирает лошадиный навоз, перевозит клади на ручных тележках и на ослах, занимается мелкой розничной торговлей и всякими мелкими случайными работами поддерживает свое жалкое существование»¹. Картина во всех деталях верна и по сей день. И даже больше: сегодня она более мрачна. Безработица достигла огромных размеров. Резервная армия превратилась в настоящую армию хронически безработных.

2. В Англии и в СССР

Одна из самых потрясающих глав книги Энгельса озаглавлена «Фабричные рабочие в тесном смысле». Здесь в ярких красках нарисовано положение хлопчатобумажной промышленности Англии. Это — повесть о том, как «часть рабочего класса впервые была вырвана из прежних условий своей жизни введением новых машин», повесть о «все новых и новых улучшениях», которые оказались бичом для рабочих. «При нормальном социальном строе, — пишет Энгельс, — все эти улучшения можно было бы только приветствовать; но там, где бушует война всех против всех, отдельные лица присваивают себе все выгоды и тем лишают большинство средств к существованию»². И далее: «При современных социальных условиях... каждая новая машина приносит с собой безработицу, нужду и нищету, а в такой стране, как Англия, в которой и без того почти всегда имеется «излишнее население», потеря места является в большинстве случаев самым худшим, что может постигнуть рабочего»³.

Дело обстояло бы иначе при «нормальном социальном строе». Это пишет Энгельс в 1845 г., а в 1935 г. группа английских рабочих осматривает высоко механизированную текстильную фабрику в СССР и с изумлением констатирует, что механизация не только не вызывает безработицы, но что, наоборот, в ином социальном строе, где нет и не может быть «излишнего населения», постоянные требования роста продукции таковы, что даже и при механизации нехватает рабочих рук. И вот вспоминается родной Ланкашир, где так много безработных, но где однако механизация не идет вперед, где почти нет ни высоко автоматизированных нортропов, ни мощных прядильных ватермашин; уровень механизации там застыл, но фабрикант продолжает делать свое дело с помощью «современных» приемов рациона-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 378.

² Там же, стр. 424—425.

³ Там же, стр. 428—429.

лизации. Там, где дряхлеющий английский капитализм не может больше механизировать труд, он его «рационализирует», а для текстильной промышленности это означает одновременное обслуживание большего числа машин с таким пересмотром расценок, чтобы соответствующая интенсификация труда не покрывалась возрастанием зарплаты. Конечно эта «рационализация» означает в то же время и сокращение числа занятых, а в кризисных условиях неполную рабочую неделю для тех, кто не выкинут с фабрики. Недаром же обеспечение так называемой *Fallback wage* или известного гарантированного минимума оплаты при переходе на большее число станков — это требование, которое обычно выдвигается теперь при стачках в текстильных районах Англии.

Ибо, как говорит Энгельс, «фабриканту не хочется бросить свою старую машину, но ему и убытка терпеть не хочется; не может же он возмещать свои убытки на мертвой машине, и вот за них должен платиться живой рабочий, всеобщий козел отпущения»¹.

Рабочие из Ланкашира, осмотревшие текстильную фабрику в СССР, не читали быть может Энгельса, но именно их мысли и чувства он передал в этих вещих словах. Для них было чудесной новостью то, что они видели в Стране советов: напряженное внимание всей массы рабочих к успехам производства, радость и гордость свободного труда. Ибо это ведь про них писал Энгельс еще в 1845 г.: «Если добровольная производительная деятельность есть высшее из известных нам наслаждений, то работа вынужденная есть самое жестокое, самое унижительное мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра и до вечера делать то, что тебе противно! И чем рабочий более развит, более человечен, тем более он должен ненавидеть свою работу, чувствуя всю вынужденность ее, всю бесполезность ее для него самого»².

Не только нищету, голод и вырождение рабочих Англии описал Энгельс, но и эту величайшую человеческую трагедию — трагедию подневольного труда. И именно эта трагедия сквозила в глазах ланкаширских рабочих, увидевших картину свободного и радостного труда в СССР.

3. Углекопы прошлого и настоящего

И английскому горняку — этой характернейшей фигуре английского пролетариата — посвящает Энгельс специальную главу. «Во всей Британской империи, — пишет он, — нет отрасли труда, в которой так часты были бы несчастные случаи, как именно здесь. Каменноугольная копь является ареной множества самых ужасных случаев, и именно их следует прямо отнести на счет алчности буржуазии»³. Об этом же пишет Маркс, анализируя «экономия на постоянном капитале» и в частности «экономия в условиях труда за счет рабочих».

Но количество несчастных случаев в современных условиях, несмотря на огромное развитие с тех пор техники безопасности, превосходит цифры, приводимые Энгельсом и Марксом для их эпохи. «Около 1860 года, — пишет Маркс, — в английских каменноугольных копях еженедельно убивались в среднем 15 человек. По данным отчета о *Coal mines accidents* (6 февраля 1862 г.) за десять лет — с 1852

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 429.

² Там же, стр. 410.

³ Там же, стр. 528.

по 1861 г. — было убито в общей сложности 8 466 чел.»¹. А вот современные данные: в 1931 и в 1932 гг. в среднем в неделю убивалось 17 чел., в 1933 г. — 16. За десятилетие 1924—1933 гг. убито 9 796 рабочих. Число жертв возрастает.

Энгельс объясняет причины несчастных случаев в копях. Это, с одной стороны, взрывы из-за воспламенения рудничного газа, а с другой — скопление углекислого газа в низких местах; он «заполняет их выше человеческого роста, и всякий, кто туда попадает, задыхается». Но эти на первый взгляд технические причины имеют социальные корни. Суть дела заключается именно в последнем: «Если бы копи хорошо вентилировались при помощи вентиляционных шахт, это вредное действие обоих газов было бы совершенно устранено, но на это буржуа тратить денег не станет..., а между тем, если бы буржуа устроил хорошую вентиляцию, взрыв стал бы почти невозможным. Очень часто случающиеся в штольнях обвалы, полные или частичные, хоронят под собой рабочих или придавливают их. В интересах буржуа выбирать уголь из горизонтальных пластов по возможности дочиста, а это вызывает обвалы. Канаты, по которым спускаются рабочие в шахту, часто бывают плохи и рвутся, и несчастные рабочие падают на дно шахты и разбиваются»². Но вина всегда падает на голову рабочих: «Почти во всех округах жюри для освидетельствования умерших находится в зависимости от владельцев копей, а там, где этого нет, произносится уже в силу привычки вердикт: «смерть от случайности»³.

Просто, ясно, беспощадно. Но почитайте письма углекопов в «Daily Worker» — органе английской компартии — в наши дни и вам покажется, что в этих строках Энгельс пишет в изумительно отчетливой, сконцентрированной форме именно о том, что волнует углекопов старой Англии на сегодняшний день: «Когда смотришь на людей, возвращающихся из шахт, то кажется, что это процессия людей, выпущенных из госпиталя... Руки, ноги, глаза, посмотришь на них — прямо-таки парад калек, и все это результат ужасного состояния, в котором находятся копи».

Другой рабкор пишет еще образнее: «В 1925 г. шахты Виндзорской угольной компании перешли к монополии Пауэль-Дэфрин. Была введена конвейерная система... И в результате из 5 000 взрослых рабочих и подростков осталось лишь 800 человек... В дикой погоне за барышами углекопов заставляют работать с «шееломательной»⁴ быстротой. На безопасность не обращают никакого внимания, и это приводит к несчастиям... Так дает себя знать капитализм в нашей маленькой долине во всей его обнаженности и ужасе».

Что капитализм должен дать себя знать именно так «во всей его обнаженности и ужасе», это доказали Маркс и Энгельс почти за 80 лет до того, как эти строки были написаны рабкором из «маленькой долины». Но число сознательных рабочих с тех пор значительно выросло. И этот рост был предсказан Энгельсом. Он дает описание стойкой стачечной борьбы углекопов — этих будущих организаторов всеобщих забастовок в Англии XX в. Говоря о стачке углекопов Нортэмберленда и Дэргэма, Энгельс пишет:

¹ Маркс, Капитал, т. III, гл. V, стр. 82, изд. 1931 г.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 528—529.

³ Там же, стр. 529.

⁴ Буквальный перевод слов «at break-neck speed».

«Так кончилась... великая пятимесячная борьба углекопов с их хозяевами, — борьба, которая велась угнетенными с выдержкой, мужеством, сознательностью и рассудительностью, вызывающими величайшее изумление»¹. И далее: «Так рабочие с каждым днем все лучше и лучше понимают, что, объединившись, они образуют достаточно солидную силу... Вот это-то сознание, результат рабочих движений, сошло у всех углекопов Англии благодаря союзу и стачке 1844 г... Так, шаг за шагом, подкапывается почва под ногами буржуазии, и очень скоро все ее государственное и общественное здание рухнет вместе с фундаментом, на котором оно стоит»².

Энгельс подметил у истоков, как начал формироваться один из самых боевых отрядов английского рабочего движения, доставляющий в наши дни столько хлопот английской буржуазии. Его слова оказались подлинно пророческими, ибо на всем протяжении XX в. — в 1908, в 1912, в 1921, в 1926 гг. — стачки углекопов звучали грозным предостережением английской буржуазии, «подкапывали почву» под ее ногами.

4. Буржуазия и пролетариат

Все главы книги Энгельса высоко актуальны. Но особенно важно актуальное в данный момент значение заключительной главы, где Энгельс говорит об «отношении буржуазии к пролетариату». Набросав яркими штрихами характеристику отдельных личностей из класса буржуазии, Энгельс переходит затем «к рассмотрению тех случаев, когда буржуазия выступает против пролетариата как партия или даже как государственная власть»³.

Сначала классическая фигура отдельного «буржуа из Манчестера», с которым Энгельс говорит об ужасающем антисанитарном состоянии рабочих кварталов этого города и который «все это спокойно выслушал и, прощаясь со мной на углу улицы, сказал: *and yet there is a great deal of money made here.* — А все-таки здесь зарабатывают страшно много денег. До свидания, сударь!». Для английского буржуа, — прибавляет Энгельс, — все измеряется деньгами и все, что не приносит денег, — глупости, непрактичность, идеалистическая затея. Вот почему и политическая экономия, наука о способах наживания денег, — любимейшая наука этих торгашей. Каждый из них политико-эконом»⁴. Теория превращается в практику; политэкономия становится базой для классового законодательства. «Что все законодательство направлено к защите имущего от неимущих, ясно само собой. Только потому, что есть неимущие, необходимы законы»⁵.

И какие законы! От кровавого законодательства против экспропрированных и законов с целью понижения зарплаты, о которых писал Маркс, через построенный на теории народонаселения Мальтуса «новый закон о бедных», так беспощадно разоблаченный Энгельсом, прямая дорога до нынешнего «закона о безработных». Так называет его «национальное правительство», но рабочие массы Англии называют его «законом о рабстве».

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 535.

² Там же, стр. 537.

³ Там же, стр. 558.

⁴ Там же, стр. 554.

⁵ Там же, стр. 558.

«Мальтус, — писал Энгельс 90 лет назад, — объявляет бедняка... лишним и потому преступником, которого общество должно карать голодной смертью. До такого варварства комиссары, правда, не дошли... Хорошо, сказали они, вы, бедные, имеете право существовать, но только существовать... Вы бич народный... вас необходимо держать в узде, лишить вас возможности производить других «излишних»... Вы можете жить, но только как предостережение всем тем, которые могли бы иметь повод тоже сделаться излишними. Они предложили новый закон о бедных, принятый парламентом в 1834 году... Все вспомоществования деньгами или продуктами были отменены; допускалась одна только помощь — прием в работные дома»¹.

Прошло 100 лет, и в 1934 г. английская буржуазия издает аналогичный закон, приспособленный к современным условиям. В период подготовки этого закона «Times» и «Economist» поместили ряд статей о том, что нельзя же платить безработным деньги зря. «Помощь должна быть обусловлена, и получающие ее должны взяться за выполнение в случае необходимости 1) любой работы (общественной или частной) с оплатой по рыночным ценам и 2) работы, даваемой в качестве вспомоществования, оплачиваемой по ставкам безработных». Так писал «Economist» вскоре после пришествия к власти «национального правительства». «Любая» работа означает на деле работу штрейкбрехера, а «оплата по ставкам безработных» — это открытая война ставкам профсоюзов, ибо в этом состоит теперь руководящий принцип «политэкономии» английской буржуазии. Ллойд-Джордж открыто проповедует теперь замену зарплаты «пособиями».

Лозунг был дан, и английская буржуазия принялась организовывать современные «работные дома» под новыми названиями — «трудовых лагерей», которые один английский министр, проболтавшись, назвал «концентрационными». Их называют также «лагерями обучения», «воспитательными центрами» и т. п. Употребляется даже — так велико лицемерие английской буржуазии — термин «социальные центры». Во всех этих заведениях труд является, по официальной терминологии, «обязательным» (task work), так же как и подчинение определенному режиму, включая ношение казенной одежды.

Закон 1934 г. узаконил и систематизировал всю эту практику. Существующий с 1911 г. закон о социальном страховании, на основе которого выплачивались пособия по безработице, был переработан в корне. Новый закон делит безработных на 3 категории: тех, кто получает еще пособие на прежнем основании, тех, кто уже исчерпал свое право на пособие (после определенного срока выплаты его), и тех, кто считается уже согласно официальной терминологии «за бортом промышленности».

К первой категории относятся счастливы, работающие в привилегированных отраслях и чьи сроки безработицы не так мучительно длинны. Ко второй те, кто осужден на долгие годы безработицы, а к третьей те, кто уже потерял надежду получить работу. Принадлежащий к двум последним категориям «застойной» безработицы не может получить пособия. Чтобы не умереть с голоду, он должен работать в одном из заведений принудительного труда, перешедших теперь полностью в ведение министерства труда. Там он должен рабо-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 563

тать без зарплаты, а семья его может получить жалкое пособие, лишь пока он там. Отказ от пребывания в трудлагере лишает семью последней помощи. Отказавшегося вторично привлекают к суду за «отказ от содержания семьи» и направляют на этот раз уже в «рабочий дом» старинного образца.

Буря протеста, поднявшаяся против нового закона и в особенности против жесткого снижения ставок пособий, привела к кажущейся капитуляции правительства: в начале 1935 г. после ряда демонстраций в крупных городах страны прежние ставки были восстановлены. И это избавило часть безработных от необходимости стучаться в двери трудлагерей.

Часть традиционной мудрости английской буржуазии в том ведь и состоит, чтобы сделать во-время небольшую уступку и тем самым сохранить основные позиции.

Даже и после «уступки» правительства принцип Ллойд-Джорджа все же торжествует. Создаются значительные резервы дешевого труда, для которых мизерное пособие или полуголодная жизнь в лагере давно уж заменили зарплату по ставкам профсоюзов. Это не временные, а хронические, застойные резервы, угрожающие и тем, кто еще живет по ту сторону черты, но кому все же английская буржуазия стремится платить в лучшем случае «по рыночным ценам» вместо ставок тредюнионов, а в худшем — по «ставкам безработицы». И к теперешним законодателям полностью применимы слова Энгельса: «Хорошо, — сказали они, — вы, бедные, имеете право существовать, но только существовать; но вы не имеете права размножаться и тем более не имеет права на человеческое существование»¹. Таков смысл теперешнего «нового закона» о безработных, таковы и по сей день политэкономия и юриспруденция буржуазии.

5. Английские лейбористы о положении пролетариата

Но у современной английской буржуазии есть кроме творцов буржуазной политэкономии и права еще один союзник: социал-демократические вожди помогают ей своими теориями и практикой, доказывая, что все обстоит благополучно, что никакого обнищания нет и не может быть и что социальная революция отнюдь не неизбежна. И делается это не как-нибудь, а с целью показать, «что Маркс на самом деле хотел сказать». Под этим заглавием известный теоретик лейбористской партии Джон Коль выпустил в 1934 г. книгу², значительная часть которой посвящена критике теории обнищания. Окажется, Маркс и не доказывал, что пролетариат при капитализме неизбежно нищает, а ежели и доказывал, то ошибался.

Конечно, говорит Коль, если речь идет о «некоторых группах квалифицированных ремесленников», то им капитализм принес разорение. «Но из этого отнюдь не следует, что историческим эффектом капитализма было понижение уровня жизни беднейших классов в целом. Такого рода взгляды были бы совершенно немарксистскими и несомненно явно бессмысленными» (стр. 48). Мало того: такие взгляды «основаны на сентиментализме, а не на объективном изучении фактов» (стр. 51). Эти строки взяты из главы «Развитие капитализма», в главе же «Экономические классы» имеется специальный

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 563.

² G. D. H. Cole, What Marx really meant, London 1934.

раздел, посвященный «Теории возрастающей нищеты» (в подлиннике слова «возрастающая нищета» взяты в кавычки). Здесь Коль признает, что теория относительного обнищания не выражает взглядов Маркса и что согласно последним «тенденция капитализма к понижению уровня жизни рабочего класса находится уже в действии и следует ожидать, что она сделается еще более выраженной с дальнейшим развитием капиталистической продукции». Однако, прибавляет Коль, «что этот взгляд... совершенно неверен, доказывают факты» (стр. 112).

Поэтому Коль считает, что следует дать теории Маркса иную «интерпретацию», которая состоит в том, что положение рабочего класса могло улучшаться, «пока капитализм продолжал быть развивающейся системой, совместимой с дальнейшим развитием производительных сил. Тенденция к возрастанию нищеты становится действительной только, когда это условие перестает существовать и капитализм превращается в оковы развития производительных сил» (стр. 112—113).

Такая интерпретация теории Маркса, утверждает Коль, «совместима и с тем, что говорил Маркс, и с последующей эволюцией Маркса» (стр. 113). Однако и тут Коль спохватывается и заявляет, что хотя в Англии «рост международной конкуренции» и явился препятствием к росту зарплаты и причиной падения реальной зарплаты, однако и это относится лишь к «отдельным группам рабочего класса». Означает ли это однако, что «загнивание капитализма приведет пролетариат полностью к социализму? Разве нет другой альтернативы? И если даже нет, то окажется ли пролетариат как таковой способным низвергнуть капитализм и ввести вместо него социализм?» Чтобы ответить на этот вопрос, автор предлагает заняться изучением «классового строения современного капиталистического общества» (стр. 115).

В главе, посвященной «пролетариату», он занимается этим вопросом и приходит к выводу, что «невозможно... вообще точно определить, кто входит в состав пролетариата... ясно, что между зарплатой и жалованием служащего нет существенной разницы... Было бы абсурдно исключить получающих жалование из рядов пролетариата» (стр. 146). Но этого мало: «Пролетариат может быть и в передовых странах часто бывает одновременно собственником небольших капитальных ресурсов... от вкладов, находящихся в сберкассах, или паев в кооперативных обществах до владения домом или даже промышленными акциями или государственными бумагами» (стр. 148).

Итак вот в чем дело! Об обнищании пролетариата как класса не приходится вообще и говорить; да и самый класс-то вряд ли существует.

В таком же духе рассуждает и другой лейбористский «вождь» — Брэйльсфорд. В своей книге «Мир или собственность»¹ он заявляет, что Маркс ошибался, когда утверждал, что «пролетариату нечего терять кроме своих цепей. Он может потерять гораздо больше: дома, купленные на выплату, а в Америке автомобили... в прибавку к своим цепям он имеет текущие счета в сберкассах. Его цепи приняты на деле именно такую форму» (стр. 256).

Нетрудно понять смысл этих утверждений теоретиков английского реформизма. Пролетариат не становится могильщиком капиталистического общества — вот что они стремятся доказать.

¹ H. N. Brailsford, *Property or Peace*, London 1931.

Конечно теория обнищания, созданная Марксом и Энгельсом, не может быть принята ими. Обнищание как неизбежный результат капиталистического накопления, неизбежность создания и роста промышленной резервной армии, закон, согласно которому в капиталистическом обществе «положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата»¹ — все это для них книга за семью печатями. Стремясь предотвратить социальную революцию, они отрицают не только теорию обнищания, но и факты обнищания вопреки суровой действительности, хотя ряд буржуазных источников, синие статистические тетради министерства труда, официальные обследования «районов депрессии» — вынуждены констатировать нищету, голод, бездомность и вырождение английского пролетариата. Правда, статистические таблицы пытаются всеми средствами преуменьшить размеры безработицы и нищеты, но отрицать ее они все же не могут. Даже буржуазные документы и показания опровергают утверждения Коля о том, что «теория возрастающего обнищания» будто бы не соответствует фактам.

До чего нужно дойти, чтобы говорить в 1934 г. о паях, акциях, сберкнижках и даже домах, якобы принадлежащих рабочим, якобы заменивших их цепи. Давно проедены все сбережения, если они когда-либо имелись, давно отобрали у рабочих жалкие домишки, за которые они выплачивали много лет часть своей зарплаты. Для одних «домом» стал трудлагерь, для других — «палатки из картофельных мешков», в которых ютятся повсюду безработные; безработные, жившие прежде в рабочих поселках, изгнаны из домишек, принадлежащих владельцам фабрик, заводов или шахт, другие изгнаны из городских квартир за невзнос квартирной платы. Тяжелые цепи нищеты и бесправия несет на себе рабочий класс Англии, те самые цепи, о которых писали Энгельс и Маркс 90 лет назад. Но Маркс и Энгельс звали рабочих на борьбу, а Коля, Брэйльсфорд и их друзья во что бы то ни стало хотят удержать рабочих от этой борьбы. Вот почему они и применяют аргументы такого рода.

6. Революционное значение книги Энгельса

Теория Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — не догма, а руководство к действию.

Ярким прожектором осветила эта теория все будущее капиталистического общества — неизбежность обнищания, неизбежность роста революционного сознания пролетариата, неизбежность социальной революции.

Десятью лет назад, в конце книги о «Положении рабочего класса в Англии», Энгельс писал: «Мирный выход из создавшегося положения уже невозможен: слишком поздно! Общественные классы все резче и резче обособляются друг от друга, дух протеста все более и более охватывает рабочих, ожесточение растет, отдельные партизанские стычки разрастаются в более крупные сражения и демонстрации, и скоро достаточно будет небольшого толчка для того, чтобы привести лавину в движение»².

Отдельные стычки разрастаются в более крупные сражения.

Именно так обстоит дело в современной Англии.

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 515, изд. 1932 г.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 573.

Всеобщая забастовка 1926 г., восстание во флоте в 1931 г., голодные походы, стачки, демонстрации, все нарастающая волна классового протеста, рост влияния компартии и ее борьба за единый фронт — так осуществляется прогноз Энгельса для Англии наших дней.

И более чем для какой бы то ни было капиталистической страны являются для нее верными пророческие слова «Коммунистического манифеста»: «Рабочий становится нищим и нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство. Все более делается очевидным, что буржуазия неспособна оставаться далее господствующим классом... Она неспособна к господству потому, что она не может обеспечить своему рабу даже его рабское существование... Общество не может более жить под ее властью, другими словами — жизнь буржуазии несовместима более с жизнью общества»¹.

Именно так. В индустриальной Англии, как и в других капиталистических странах, буржуазия не способна обеспечить рабочим, составляющим большинство населения, «даже рабское существование». И потому как бы медленно ни изживалась отсталость рабочего движения Англии, какими бы приемами ни пытались обманывать его, наступит день, когда английский пролетариат усвоит уроки великих учителей и когда «господствующие классы» Англии «содрогнутся перед коммунистической революцией».

¹ Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, стр. 60, изд. 1930 г.

Энгельс и аграрно-крестьянский вопрос

Аграрно-крестьянскому вопросу Маркс и Энгельс уделяли огромное внимание — в мелкотоварном крестьянстве они видели резерв и союзника в борьбе пролетариата против капитализма, они приковывали внимание революционного пролетариата к крестьянству как одной из важнейших движущих сил в борьбе против остатков помещичьей эксплуатации и феодального абсолютизма. «Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства»¹.

Переписываясь с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати против Лассаля, не видевшего двойственности крестьянства, считавшего крестьян только собственниками и «реакционерами» и потому мирволившего помещикам, Энгельс весьма резко характеризует эту позицию. Говоря о лассальянском отношении к крестьянству и их эксплуататорам-помещикам, Энгельс пишет, что низко в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством².

Устремляя в эпоху буржуазно-демократической революции все внимание пролетариата «на развитие демократической энергии крестьянства», Маркс и Энгельс разъясняли рабочим историческое значение борьбы крестьянства за землю для конечных целей пролетарского революционного движения.

Буржуазно-демократическая революция, считали Маркс и Энгельс, при известных исторических условиях в своем движении должна перерасти в революцию социалистическую. «Мы вполне признаем, — писали они в «Манифесте против Криге» (1864 г.), — историческое право движения американских национал-реформистов. Мы знаем, что это движение стремится к такому результату, который, хотя и действует в данный момент индустриализму современного буржуазного общества, может, однако, лишь явиться результатом пролетарского движения, покушением на земельную собственность вообще, а в частности, при существующих в Америке условиях, по своим собственным последствиям должен вести к коммунизму»³.

Рассматривая мелкобуржуазное крестьянское движение, ведущее лишь к развитию капиталистических отношений, диалектически, в связи с его прошлым и будущим, Маркс и Энгельс видели объективную революционную сторону этого движения, видели, что в общей цепи революционного движения оно является звеном движения к коммунизму. «Если бы Криге, — писали Маркс и Энгельс, — изобразил движение освобождения земли как необходимую при известных условиях первую форму пролетарского движения, которое необходимо

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 30.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 239.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 99.

должно развиваться в коммунистическое вследствие жизненных условий того класса, который его породил; если бы он показал, как эти коммунистические тенденции в Америке первоначально должны были проявиться в кажущейся враждебной всякому коммунизму аграрной форме, то против этого ничего нельзя было возразить»¹.

Энгельс вместе с Марксом решительно боролся против объявления крестьянского движения «непосредственно социалистическим». Он саркастически высмеивал и бичевал воззрения Криге на крестьянское движение как на движение, направленное к непосредственному «установлению социализма». В этом отношении Криге весьма напоминал наших народников-эсеров, которые не видели капиталистической тенденции крестьянской революции, отрицали и затушевывали развитие капитализма в России, объявляли противопомещичью борьбу непосредственно социалистическим движением. Но величие Маркса и Энгельса в том и заключается, что, бичуя с точки зрения пролетарских революционеров неверную, реакционную теорию мелкобуржуазных экономистов, объявляющих противопомещичью борьбу борьбой социалистической, они в то же время отчетливо видели объективный революционный характер мелкобуржуазного движения, его огромную роль для пролетариата в качестве «первой формы пролетарского движения».

Маркс трезво-материалистически определяет действительное, объективное историческое содержание мелкобуржуазного движения, его дальнейшие тенденции. Анализируя это положение Маркса и Энгельса, Ленин писал: «Стоя на диалектической точке зрения, т. е. рассматривая движение всесторонне, принимая во внимание и прошлое и будущее, Маркс отмечает революционную сторону нападения на поземельную собственность, Маркс признает мелкобуржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения. Того, чего вы мечтаете достигнуть этим движением, говорит Маркс по адресу Криге, вы не достигнете, — вместо братства наступит мелкобуржуазная обособленность, вместо неотчуждаемости крестьянских наделов — вовлечение земли в торговый оборот, вместо удара грабителям-спекулянтам — расширение базы для капиталистического развития. Но то капиталистическое зло, которое вы тщетно мните избежать, является исторически добром, ибо оно страшно ускорит общественное развитие и приблизит во много раз новые, высшие формы коммунистического движения. Удар, нанесенный поземельной собственности, облегчит неизбежные дальнейшие удары собственности вообще; революционное выступление низшего класса с преобразованием, временно дающим узенькое благоденствие далеко не всем, облегчит неизбежное дальнейшее революционное выступление самого низшего класса с преобразованием, которое действительно обеспечит полное человеческое счастье всем трудящимся»².

Ленин вслед за Марксом и Энгельсом подчеркивает объективный революционный характер крестьянской борьбы за землю, видит в этой борьбе неразрывное звено в революционном движении пролетариата. Пролетариату поэтому не игнорировать следует крестьянское движение, не обособляться от него, а самому включиться в него, организованно его поднимать, воодушевлять на борьбу за землю, руководить крестьянством в этой борьбе за землю. Но, для того чтобы

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 101.

² Ленин, Соч., т. VII, стр. 223

не остановиться на полумерах, чтобы видеть историческую обусловленность и в то же время историческую недостаточность крестьянской борьбы за землю как первоначальной формы борьбы за социализм, Маркс и Ленин призывали пролетариат сохранить свою политическую самостоятельность, руководить крестьянством, но не сливаться с ним в этой борьбе не забывая о своей конечной цели.

Поэтому «особая организация самостоятельной партии пролетариата, стремящейся через все демократические перевороты к полной социалистической революции, должна быть нашей постоянной, ни на минуту не упускаемой из виду целью. Но отворачиваться поэтому от крестьянского движения было бы самым безнадежным филистерством и педантизмом. Нет, революционно-демократический характер этого движения несомненен, и мы должны всеми силами поддерживать его, развивать, делать политически-сознательным и классово-определенным, толкать его дальше, идти вместе с ним, рука об руку до конца, — ибо мы идем гораздо дальше конца всякого крестьянского движения, мы идем до полного конца самого деления общества на классы»¹.

Именно на основе установления той объективно-революционной роли, которую играет в борьбе за социализм мелкобуржуазное движение за землю, именно в силу того, что это движение в своем развитии неизбежно должно перерасти в движение социалистическое, Маркс и Энгельс уделяли в своих работах так много внимания вопросу о национализации земли.

В 1869 г. в письме к Эппльгарту, представителю английских тредюнионов, Маркс по его просьбе осветил отношение пролетариата к вопросу о национализации земли. По этому вопросу Маркс переписывается с Энгельсом и дает следующий ответ Эппльгарту: «Мы утверждаем, что экономическое развитие общества, рост и концентрация населения, необходимость применения в земледелии коллективного и организованного труда, а также машин и подсобных приспособлений делают национализацию земли «общественной необходимостью»... В чем мы нуждаемся, это в постоянном росте производства, требования которого не могут быть удовлетворены разрешением незначительному числу людей регулировать его соответственно их прихотям и частным интересам или невежественно истощать почву. Все новейшие методы, как орошение, дренаж, паровой плуг, химическая обработка и т. п., со временем будут применяться в земледелии. Но научные познания, которыми мы обладаем, и технические способы земледелия, которыми мы располагаем, как машины и т. п., могут применяться с успехом только при обработке земли в большом масштабе»².

Маркс доказывает Эппльгарту огромные преимущества крупного земледелия по сравнению с мелким и ставит вопрос об общественной необходимости национализации земли. «Если обработка земли в большом масштабе, — пишет Маркс, — даже при современной капиталистической форме, низводящей самого производителя до состояния простого вьючного животного, — дает результаты, значительно превосходящие обработку отдельных мелких участков, то разве примененное в национальном масштабе оно не дало бы большего импульса к производству. Постоянный рост потребностей населения, с одной

¹ Ленин, Соч., т. VII, стр. 223—224.

² «Воинствующий материалист» № 1, 1924 г., стр. 162—163.

стороны, и увеличение продуктов земледельческого производства, с другой стороны, неопровержимо доказывают, что национализация земли стала «общественной необходимостью»¹.

Но рациональное земледелие, обработка земли в национальном масштабе, рост производительности сельскохозяйственного труда, преодоление препятствий, тормозящих сельскохозяйственное производство, — все это возможно, по мысли Маркса, только в условиях социализма, когда можно будет организовать сельскохозяйственное производство в национальных масштабах по сложному рациональному плану. «Уменьшение количества продуктов земледельческого производства, являющееся результатом индивидуального злоупотребления, становится невозможным, когда обработка земли ведется под контролем, за счет и в пользу нации, действующей сознательно по сложному рациональному плану»². «...Будущее решит, что земля может быть только национальной собственностью... Национализация земли произведет полную перемену в отношениях между трудом и капиталом и в конечном счете совершенно уничтожит капиталистическое производство как промышленное, так и земледельческое. Только тогда исчезнут классовые различия и привилегии вместе с экономическим основанием, от которого они произошли, и общество превратится в ассоциации свободных производителей»³.

Таким образом Маркс и Энгельс рассматривали национализацию земли как необходимое условие, ведущее к уничтожению капиталистического промышленного и земледельческого производства. В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс выдвигают поэтому требование экспроприации земельной собственности. «Манифест» далее выдвигает задачу социалистической реконструкции сельского хозяйства, говорит о возделывании и улучшении полей по общему плану. В качестве перспективы грядущего социалистического земледелия Маркс и Энгельс ставят в «Коммунистическом манифесте» проблему соединения земледельческого и промышленного труда, постепенного уничтожения различий между городом и деревней.

Так еще в 40-х годах прошлого столетия Маркс и Энгельс впервые выдвигали задачи социалистической переделки сельского хозяйства.

Свое внимание к аграрно-крестьянскому вопросу Маркс и Энгельс всегда объясняли той исключительной ролью, которую играют правильные взаимоотношения пролетариата и крестьянства в ходе развития пролетарской революции. В 1856 г. в письме к Энгельсу Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от того, можно ли будет поддержать пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно»⁴.

В другом месте Маркс, как известно, говорил о том, что соло пролетарской революции прозвучит его лебединой песней, если пролетарская революция не составит вместе с крестьянским восстанием общего хора. Маркс и Энгельс видели не только огромное революционное значение удара по крепостническим пережиткам в экономике и политике, они видели также, что самый ход «свободного» капиталистического развития неизбежно ведет к пролетаризации крестьянства и что в силу этого многомиллионные массы крестьянства являются естественными союзниками пролетариата в его революционной борьбе.

¹ «Воинствующий материалист» № 1, 1924 г., стр. 162—163.

² Там же, стр. 163.

³ Там же, стр. 164.

⁴ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 119.

Ставя вопрос о диктатуре пролетариата как о краеугольном камне, как о непосредственной цели пролетарского движения, Маркс и Энгельс как революционеры, как вожди революционного пролетариата выдвигали перед последним задачу нахождения себе революционных союзников и в качестве наиболее многочисленного, главного союзника пролетариата, становящегося таковым в силу условий своего существования, они указывали на крестьянство.

В ряде работ, в частности в «Крестьянской войне в Германии» и в двух предисловиях к этой работе, Энгельс доказывает, что ближайшим резервом и союзником пролетариата в борьбе за пролетарскую диктатуру являются «мелкие крестьяне и сельскохозяйственные поденщики». По сути дела здесь у Энгельса идет речь о среднем крестьянине и о бедноте. «Придет некогда время, — писал в другом месте Энгельс, — когда обедневшая часть крестьянства, чьи соки будут высосаны, присоединится к пролетариату, — а последний к тому времени успеет сильно развиться, — и они вместе объявят войну буржуазии»¹.

Всем этим объясняется то огромное внимание, которое уделяли Маркс и Энгельс крестьянству не только в своих теоретических работах, но и в практической революционной борьбе. На конгрессах I Интернационала несколько раз обсуждался аграрно-крестьянский вопрос. Марксисты в решительной борьбе с прудонистами выковывали основы пролетарской программы национализации земли и социалистической реконструкции сельского хозяйства после захвата пролетариатом власти. Впервые аграрный вопрос обсуждался (хотя и не в качестве самостоятельного вопроса в порядке дня) на Лозаннском конгрессе I Интернационала в 1867 г. Уже на этом конгрессе произошла решительная размежка в аграрном вопросе между мелкобуржуазными взглядами прудонистов и пролетарскими социалистическими взглядами сторонников Маркса и Энгельса. В то время как прудонисты выступали в защиту частной собственности на землю, марксисты высказывались в том смысле, что «необходим переход земли в коллективную собственность» (из доклада комиссии). На этом конгрессе прудонисты собрали большинство голосов; марксистское предложение о переходе земли в общественную собственность было отвергнуто. Но историческое значение Лозаннского конгресса заключается в том, что здесь впервые был с международной пролетарской трибуны сформулирован программный тезис коммунизма о переходе земли в общественную собственность.

Через год после Лозаннского конгресса, в 1868 г., на Брюссельском конгрессе Международного товарищества рабочих аграрно-крестьянский вопрос уже стоял в качестве одного из основных в порядке дня. В результате упорной разъяснительной работы Маркса и Энгельса подавляющее большинство конгресса склонилось к марксистской точке зрения. Прудонисты потерпели жестокое поражение.

Точка зрения марксизма на отношения революционного пролетариата к крестьянству нашла свое выражение в резолюции Брюссельского конгресса I Интернационала. Эта резолюция включала ряд основных положений марксизма о путях развития сельского хозяйства при капитализме и давала первоначальную наметку перспектив сельского хозяйства в условиях социализма. Резолюция эта в решительной форме отмечает мелкобуржуазную приверженность к частной соб-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 244.

ственности на землю, прудонистские положения о преимуществах и выгодах мелкого крестьянского хозяйства по сравнению с крупным и устанавливает положение о преимуществах крупного земледелия, позволяющего широко применять агрономию, агротехнику и выгоды кооперативной деятельности в сельском хозяйстве.

В зародышевой форме резолюция Брюссельского конгресса заключает также положение о преимуществах социалистической национализации земли. В мотивировочной части резолюции Брюссельского конгресса I Интернационала отмечается, что потребности производства и применение законов научного земледелия требуют ведения сельского хозяйства в крупных размерах, приложения машин и коллективной организации производства многочисленных работников сельского хозяйства и что вообще современное экономическое развитие ведет к крупному сельскохозяйственному производству. Далее отмечается, что труд и владение в сельском хозяйстве должны рассматриваться таким же образом, как в горном и ж.-д. хозяйстве, что продуктивные свойства земли образуют сырой материал для всех продуктов и первоисточник всех средств производства и богатства и что эти продуктивные свойства не создаются трудом и не могут быть частной собственностью. Учитывая все эти моменты, конгресс в своей резолюции указывает, что экономическое развитие современного общества в силу общественной необходимости приведет к превращению земли в коллективную общественную собственность и что земля, так же как и горные промыслы и железные дороги, должна быть государством передана товариществам сельскохозяйственных производителей с такими же гарантиями для всего общества и отдельных его членов, как горные промыслы и железные дороги.

В заключительной части резолюции в недостаточно еще ясной форме содержится указание, которое в дальнейшем, 18 лет спустя, Энгельс сформулировал весьма отчетливо в письме к Бебелю: «Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство — в этом Маркс и я никогда не сомневались. Дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — удержало за собой собственность на средства производства и, таким образом, частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом»¹.

Базельский конгресс, состоявшийся в 1869 г., вторично рассмотрел аграрно-крестьянский вопрос. В Базеле сделан дальнейший шаг по пути выработки пролетарской программы в аграрном вопросе. В резолюции, предложенной комиссией по аграрно-крестьянскому вопросу, уже содержится предложение об отмене частной собственности на землю и о превращении земли в общественное достояние, с тем чтобы земля обрабатывалась объединенными коммунами. В принятой резолюции подавляющее большинство голосов высказалось за марксистскую точку зрения, за признание принципа коллективной собственности на землю. Та же резолюция конгресса рекомендовала местным секциям Интернационала разработать практические предложения по вопросу о национализации земли.

Наиболее активно откликнулась на призыв Базельского конгресса женеvская секция I Интернационала, которая опубликовала вышед-

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 329.

шее в дальнейшем на многих европейских языках воззвание по аграрно-крестьянскому вопросу. Это воззвание, обсуждавшееся во всех секциях Интернационала и нашедшее отклик среди рабочих разных стран, имело большое значение в деле распространения марксистских взглядов на аграрно-крестьянский вопрос. Основные положения, развитые в этом документе, следующие: не только крупный капитал сам по себе, но и все добытые наукой и техникой средства (растениеводство, химия, машины), примененные в крупном хозяйстве, неминуемо сокращают всякую конкуренцию мелкого хозяйства. Крупное хозяйство заменяет дорогую человеческую силу дешевой животной и паровой силой, машинными приспособлениями. Оно охватывает подсобные отрасли индустрии: винокурение, пивоварение, уксусные заводы, крахмальные фабрики и т. д. и т. д. Оно получает отсюда очень дешевый корм для большого количества скота и тем увеличивает источник своих удобрений, производит систему осушения и орошения и проводит более рациональный и целесообразный севооборот, не тратит драгоценное время и драгоценные силы на ходьбу от жилья к пашне взад и вперед в самых противоположных направлениях, возвращает в оборот всю ту землю, которую парцелярное хозяйство тратит на многочисленные борозды, загородки, тропинки и проездные пути, с большей пользой, благодаря массовому производству, утилизирует современные пути сообщения, производит наконец дешевле, лучше и больше. Крупное хозяйство отвечает интересам всего общества и становится необходимым условием всеобщего блага. Поэтому мелкокрестьянский способ хозяйства вследствие всемогущества капитала, влияния науки, интересов всего общества бесповоротно и беспощадно обречен на постепенную смерть.

На основании этого анализа и многочисленных статистических данных, доказывающих победный ход капиталистического земледелия за счет пауперизации и беспощадного разорения мелкокрестьянских хозяйств, анализа, который и ныне является теоретически абсолютно правильным, женеvская секция делает радикальные социалистические выводы: воззвание призывает бороться за то, чтобы сельскохозяйственное промысловое население континента не было, подобно населению Англии, бессознательно и безвольно отдано на произвол внешних влияний процесса капиталистического развития, как если бы они были бесповоротно ниспосланы «небом». Трудящееся крестьянство уже заранее должно быть готово встретить свою экспроприацию и обездоление с полным сознанием, оно должно с твердым решением еще до наступления крайнего положения вещей обратиться к социалистическим государственным учреждениям.

Хотя в воззвании в четкой форме не поставлен вопрос о диктатуре пролетариата, о том, что единственно возможным путем к установлению социалистических государственных учреждений является путь пролетарской революции, свергающей господство капитала и устанавливающей пролетарскую диктатуру, — все же следует признать, что это воззвание — ценнейший документ в развитии коммунистических взглядов по крестьянскому вопросу. Воззвание женеvской секции предвидит, что в условиях социалистического государства средство избавления крестьянства от эксплуатации и нужды заключается в союзе для товарищеской обработки принадлежащей обществу земли. Земля объявляется неотчуждаемым общественным достоянием всего человечества. Поэтому земля не должна быть ни поделена, ни каким-либо другим способом отчуждена, а должна быть

«передана земледельческим товариществам для эксплуатации в пользу всего общества».

Кончается воззвание женевской секции призывом к трудовому сельскому населению присоединиться к союзу городских рабочих, ибо чем скорее осуществится союз рабочих и крестьян, тем скорее наступит великий момент избавления от всяких невзгод.

Идея союза рабочего класса с крестьянством, опирающаяся на положение Маркса и Энгельса о сочетании рабочей и крестьянской революции как необходимом условии торжества пролетарской диктатуры, все более оттачивается в дальнейшей работе и решениях I Интернационала. Так, Лондонская конференция I Интернационала, собравшаяся через несколько месяцев после разгрома Парижской коммуны (к основным причинам падения которой Маркс и Энгельс относили отсутствие поддержки парижской пролетарской диктатуры крестьянскими массами Франции), приняла решение об углублении и развертывании пролетарской пропаганды в деревне и о разработке ряда практических мероприятий по укреплению рабоче-крестьянского союза. Конференция предложила генеральному совету и федеральным советам и комитетам подготовить доклады для следующего конгресса о методах, которые обеспечили бы присоединение сельскохозяйственных производителей к движению промышленного пролетариата. В то же время федеральным советам и комитетам было предложено посылать агитаторов в деревенские районы для организации там публичных митингов, пропаганды принципов Интернационала и создания деревенских секций.

Положение Ленина и Сталина о том, что союз рабочих и крестьян есть высший принцип пролетарской диктатуры, является дальнейшим развитием пролетарской линии в вопросе об отношениях между рабочим классом и крестьянством, разработанной I Интернационалом под непосредственным руководством Маркса и Энгельса.

В теоретических работах Маркса и Энгельса, как относящихся ко времени деятельности I Интернационала, так и написанных после его фактического самороспуска, развиты теоретические основы социалистической переделки крестьянского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата. Социалистическое строительство в сельском хозяйстве Маркс и Энгельс рассматривали на путях кооперирования мелко-собственнического крестьянства. Маркс и Энгельс всегда боролись с кооперативными иллюзиями Прудона, Шульце-Делича и Лассаля. Если от Энгельса и исходили предложения о производственных товариществах на государственной земле, то эти предложения рассматривались самим Энгельсом не как иллюзорная попытка «строить социализм» в условиях капиталистического хозяйства, не как мирно спокойное, свободно веселое вращение старого свинства в социалистическое общество (выражение Энгельса), а как стремление популяризовать осуществимую только при диктатуре пролетариата программу социалистического строительства в деревне через кооперацию. Сам Энгельс мотивирует свое «предложение о производственных товариществах на государственной земле» — предложение, которое не было понято В. Либкнехтом.

«На мой взгляд предложение это, — пишет Энгельс в письме к Бебелю в 1886 г., — в принципиальном отношении было вполне добросовестным. Когда мы вносим предложения, они должны быть всегда осуществимы — это не подлежит сомнению; но осуществимы по сути дела, независимо от того, по плечу ли они или не по

плечу существующему правительству. Я иду еще дальше. Когда мы предлагаем мероприятия социалистические, ведущие к краху капиталистического производства (вроде того мероприятия, о котором идет речь), то они по существу выполнимы, но для теперешнего правительства невозможны... Как раз это мое предложение не проведет никакое юнкерское или буржуазное правительство»¹.

Таким образом, внося в условиях капиталистической Германии предложение о производственных товариществах, Энгельс заранее предвидел невыполнимость своего предложения в рамках капиталистического государства. Вносил он его в целях популяризации социалистической программы, ибо социалистическая реконструкция сельского хозяйства через развитие кооперативных производственных товариществ—дело вполне реальное и выполнимое, но лишь в условиях диктатуры пролетариата. Подчеркивая эту свою мысль, Энгельс в том же письме пишет: «Это мероприятие такого рода, на котором мы должны настаивать во что бы то ни стало, пока существует крупное землевладение, и которое мы сами должны будем провести, как только придем к власти»².

Энгельс с исчерпывающей ясностью ставит здесь вопрос о том, что кооперативные товарищеские объединения мелких собственников—это путь социалистического строительства в условиях диктатуры пролетариата. Энгельс в том же письме следующим образом формулирует характер организации кооперативного товарищества в пролетарском государстве: «Речь идет о передаче—вначале на арендных началах—крупных поместий самостоятельным кооперативным товариществам, ведущим хозяйство под руководством государства и при том условии, что государство остается собственником земли»³.

Программа социалистической реконструкции сельского хозяйства, как небо от земли, отличается от утопических схем кооперативного строительства, выдвигавшихся Шульце-Деличем и Лассалем. Энгельс говорит о кооперативном строительстве в условиях пролетарской диктатуры, в то время как Шульце-Делич и Лассаль мыслили себе организацию кооперативного производства в рамках капиталистического строя.

Шульце-Делич и Лассаль оба ставили вопрос о создании мелких кооперативных товариществ, в то время как у Энгельса речь идет о строительстве крупного социалистического земледелия.

Шульце-Делич и Лассаль не имели в виду использования в крупных социалистических кооперативах средств производства самих членов кооперации, а также средств производства, экспроприированных у буржуазии и кулачества, между тем именно это предлагал Энгельс. Говоря о соотношении между своим планом социалистического кооперативного строительства и мелкобуржуазными кооперативными иллюзиями, Энгельс писал в том же письме к Бебелю: «Все это не имеет ничего общего ни с Шульце-Деличем, ни с Лассалем. Они оба предлагали создавать маленькие товарищества: один с помощью государства, другой—без него, но по мысли их обоих эти товарищества не должны были вступать во владение уже имеющимися средствами производства, а им лишь предоставлялась возможность наряду с сохраняющимся капиталистическим производством вводить новое, кооперативное. Мое предложение требует внедрения ко-

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 328 (подчеркнуто Энгельсом).

² Там же.

³ Там же.

оперативов в существующее производство. Им надо будет дать землю, которая в противном случае эксплуатировалась бы капиталистическим способом, подобно тому как Парижская коммуна требовала, чтобы рабочие на кооперативных началах взяли в свои руки фабрики, приостановленные хозяевами. Вот в чем огромное различие»¹.

Так характеризовал сам Энгельс отличие кооперативного плана пролетарских революционеров от кооперативных иллюзий мелкой буржуазии. Основное заключается в том, что Энгельс ставил вопрос о кооперативном строительстве в рамках диктатуры пролетариата, в рамках переходного периода от капитализма к коммунизму. Тем самым у Энгельса уже вырисовывается идея, в дальнейшем развитая Лениным и Сталиным, о том, что диктатура пролетариата приведет крестьянство к социализму через кооперацию. Энгельс не детализировал еще конкретно путей кооперативного строительства, не намечал этапов кооперирования мелких производителей. В свое время он и не мог проделать той работы, которая на основе его высказывания была в дальнейшем, в эпоху пролетарской диктатуры, проделана продолжателями дела Маркса и Энгельса, вождями международного пролетариата в эпоху империализма и пролетарской революции — Лениным и Сталиным. Однако величайшая историческая заслуга Энгельса заключается в том, что уже в конце XIX столетия он предвидел и четко сформулировал задачу организации кооперативного производства мелких товаропроизводителей при пролетарской диктатуре.

Именно в рассматриваемом письме содержится приведенное уже нами выше указание Энгельса, что ни он, ни Маркс никогда не сомневались в том, «что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство»². Письмо Энгельса дает трезвую, диалектическую постановку вопроса о кооперации. Энгельс решительно борется с мелкобуржуазными теоретиками кооперации, которые видели в ней еще в условиях капитализма основной путь экономической борьбы за освобождение пролетариата и мелких производителей. Но в то же время именно в кооперации, в преимуществах даже простого сложения крестьянских средств производства, в возможности применить в крупном кооперативном хозяйстве новейшие научные достижения в области техники, агрономии, геологии и других прикладных наук, видел Энгельс одно из решающих средств преобразования капиталистического общества. Однако необходимым предварительным условием широчайшего кооперативного строительства Маркс и Энгельс считали установление пролетарской диктатуры. Маркс и Энгельс рассматривали кооперацию в связи с существующим, господствующим способом производства, они определяли социальный характер кооперации в зависимости от господствующих производственных отношений и доказывали, что в условиях капитализма кооперация является лишь одной из форм капиталистического производства и только после завоевания государственной власти пролетариатом кооперация приобретает социалистический характер.

Эти взгляды Маркса и Энгельса на социальную природу кооперации, развитые в дальнейшем Лениным в его статье о кооперации, были выражены ими в резолюции Женевского конгресса I Интернационала в 1866 г. В этой резолюции кооперативное движение объ-

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 328—329 (подчеркнуто Энгельсом).

² Там же, стр. 329.

является Марксом и Энгельсом одним из средств преобразования современного общества, покоящегося на классовом антагонизме. Но кооперативное движение, отмечали Маркс и Энгельс, ограниченное карликовыми формами кооперативов, объединяющих отдельные группы рабочих, никогда не будет в состоянии преобразовать капиталистическое общество и создать из общественного производства крупную и гармоничную систему свободного кооперативного труда. Необходимы изменения в общих условиях производства, изменения, которые никогда не будут осуществлены, если организованная власть общества, другими словами, государственная власть не перейдет из рук капиталистов и земельных собственников в руки рабочих.

За год до своей смерти Энгельс в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» конкретизировал и развил положение о кооперативном строительстве в условиях диктатуры пролетариата, специально рассматривая вопрос об отношении пролетарской диктатуры к мелкотоварному крестьянскому хозяйству. Энгельс писал в этой работе: «Мы не можем оказать более плохую услугу не только партии, но и самому мелкому крестьянину, обещая ему и вызывая у него хотя бы луч надежды, что мы будем стремиться сохранять его мелкую собственность. Это значило бы закрыть путь крестьянину к его освобождению... Наоборот. Наша партия обязана все более и более выяснять крестьянам, что их положение совершенно безнадежно, пока господствует капитализм, и что спасти их мелкую собственность как таковую совершенно невозможно; она обязана внушить им полную уверенность в том, что капиталистическое крупное производство раздавит их устаревшее мелкое хозяйство с такой же легкостью, с какой поезд железной дороги раздавил бы их тачку»¹.

Энгельс в указанной работе ставит вопрос: «Каково наше отношение к мелкому крестьянину и как нам придется с ним поступить, когда государственная власть очутится в наших руках?» На этот вопрос Энгельс отвечает следующим образом: «Обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприровать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, — это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, разумеется, будет достаточно средств, чтобы предоставить крестьянину все преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъяснены»².

Одним из величайших завоеваний Октябрьской революции является осуществленная ею национализация земли. Тем самым наша великая социалистическая революция в октябре 1917 г. попутно, мимоходом завершила задачи буржуазно-демократической революции. Национализация земли явилась первым шагом пролетарской диктатуры в деревне. Наша партия, проводя национализацию земли, руководствовалась теоретическими выводами в области аграрно-крестьянского вопроса Маркса, Энгельса и Ленина. Тов. Сталин говорил на конференции аграрников-марксистов: «Проводя национализацию земли, мы исходили, между прочим, из теоретических предпосылок, данных в

¹ Э н г е л ь с, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, стр. 42, изд. 1905 г.

² Там же, стр. 39—40.

третьем томе «Капитала», в известной книге Маркса «Теории прибавочной стоимости» и в аграрных трудах Ленина, представляющих богатейшую сокровищницу теоретической мысли. Я имею в виду теорию земельной ренты вообще, теорию абсолютной земельной ренты в особенности. Теперь ясно для всех, что теоретические положения этих трудов блестяще подтвердились практикой нашего социалистического строительства в городе и в деревне»¹.

Национализацию земли наша партия рассматривала как первый шаг к социалистическому переустройству сельского хозяйства, как необходимое условие для совершения в дальнейшем второго шага—сплошной коллективизации нашего сельского хозяйства. Этот второй шаг был чрезвычайно облегчен тем, что земля у нас была национализирована. Опыт колхозного строительства в СССР учит пролетариат и трудящееся крестьянство всех стран тому, что национализация земли является необходимым условием, чрезвычайно облегчающим переход крестьянства на товарищеское земледелие. Вот что по этому поводу говорил т. Сталин:

«Вы помните, должно быть, известную брошюру Энгельса о «Крестьянском вопросе». Вы помните, конечно, до чего осмотрительно подходит Энгельс к вопросу о переводе мелких крестьян на путь товарищеского хозяйства, на путь коллективного хозяйства. Позвольте процитировать соответствующее место из брошюры Энгельса:

«Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина. Мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу, в случае, если он на это решится. В том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке»².

Вы видите, до чего осмотрительно подходит Энгельс к вопросу о переводе индивидуального крестьянского хозяйства на рельсы коллективизма. Чем объяснить такую с первого взгляда преувеличенную осмотрительность Энгельса? Из чего исходил он при этом? Очевидно, что он исходил из наличия частной собственности на землю, из того факта, что у крестьянина имеется «свой клочок» земли, с которым ему, крестьянину, трудно будет расстаться. Таково крестьянство на Западе. Таково крестьянство в капиталистических странах, где существует частная собственность на землю. Понятно, что тут нужна большая осмотрительность. Можно ли сказать, что у нас в СССР имеется такое положение? Нет, нельзя этого сказать. Нельзя, так как у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству. Нельзя, так как у нас имеется национализация земли, облегчающая дело перехода индивидуально-крестьянина на рельсы коллективизма.

Вот где одна из причин той сравнительной легкости и быстроты, с какой у нас развивается в последнее время колхозное движение.

Досадно, что наши теоретики-аграрники не попытались еще вскрыть с должной ясностью эту разницу между положением крестьянина у нас и на Западе. Между тем такая работа имела бы величайшее значение не только для нас, советских работников, но и для коммунистов всех стран. Ибо для пролетарской революции в капиталистических странах не безразлично, придется ли там строить социализм с

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 305, изд. 10-е.

² Курсив т. Сталина.

первых же дней взятия власти пролетариатом на базе национализации земли или без такой базы»¹.

Высказывания Энгельса по аграрно-крестьянскому вопросу служат тем источником в общей сокровищнице марксистской теории, из которого наша партия почерпнула основные указания для практического строительства социализма в сельском хозяйстве нашей страны пролетарской диктатуры. Энгельс выяснил основные задачи, которые заключаются прежде всего в том, чтобы коллективизировать мелко-товарные хозяйства крестьян, превратив их в крупные сельскохозяйственные предприятия, могущие рационально использовать все достижения агрономической науки и техники. Наша партия во главе с Лениным и Сталиным осуществила на практике эти положения Энгельса, превратив сельское хозяйство нашей страны в самое крупное в мире, высокотехнологизированное сельское хозяйство.

Говоря в своем «Крестьянском вопросе» о кулачестве, о «крупных крестьянах», Энгельс пишет, что давать им обещание сохранить их положение означало бы полную измену рабочему классу. Энгельс однако предполагал, что «от насильственной экспроприации мы, по всей вероятности, удержимся и здесь»². Практика нашей революции показала, что это предположение Энгельса не оправдалось. Ленин говорил по этому поводу на VIII съезде партии: «В России это предположение не оправдалось: мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике»³. Практика социалистического строительства в сельском хозяйстве СССР и ее теоретическое обобщение т. Сталиным показали, что строить социализм в деревне, сплошь коллективизировать мелкие хозяйства трудящихся крестьян можно лишь в неразрывной связи с ликвидацией кулачества как класса.

Энгельс высказывается и по поводу методов коллективизации крестьянства, предостерегая партию пролетариата в эпоху его диктатуры от левацких загибов и одновременно подчеркивая необходимость активного, руководящего воздействия рабочего класса в деле кооперативного строительства. Методы, о которых говорил Энгельс, состоят в том, чтобы осуществлять производственное кооперирование «не насильно» и в то же время, чтобы господствующий пролетариат оказывал для этой цели «общественную помощь», а также воздействовал на крестьянство силою примера и своего руководства.

Таким образом теоретическая основа социалистической реконструкции сельского хозяйства была заложена Марксом и Энгельсом. На этой основе был построен ленинский кооперативный план, развитый дальше т. Сталиным, план, успешно осуществляемый нашей партией под руководством великого вождя. На мощном фундаменте марксизма-ленинизма возникли гениальная сталинская теория и практика величайшей социалистической реконструкции сельского хозяйства, осуществляемой ныне в СССР.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 306—307, изд. 10-е.

² Энгельс, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, стр. 44, изд. 1905г.

³ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 127.

Энгельс и жилищный вопрос

Энгельс, полемизируя с Прудоном, с его реакционной проповедью покупки рабочим своего жилища, писал: «...Прудон забывает, что для осуществления этого ему пришлось бы сперва перевести стрелку часов мировой истории на сто лет назад»¹. Стрелки «часов всемирной истории» со дня смерти Энгельса прошли путь в сорок лет, а со времени полемики с Прудоном и его немецкими представителями Заксом и Мюльбергером — шестьдесят три года. Развитие капитализма подтвердило взгляды не мелкобуржуазного социалиста, каким является Прудон, а взгляды основателей научного социализма Маркса и Энгельса. Прудон в общественном развитии видел проявление всеобщего разума. Этот метод «разрешения» вопросов не представлял конечно трудностей. «Нет ничего легче, как придумывать мистические причины, т. е. фразы, лишённые всякого смысла»². Идеалом Прудона был мелкий собственник. И разрешение жилищного вопроса он искал в утверждении мелкой собственности.

Гениальный соратник Маркса Энгельс исходил и при изучении жилищного вопроса не из выдуманных законов всеобщего разума истории, а из действительных процессов, из внутренних законов экономического развития общества. Жилищная нужда — это спутница не только капиталистического общества. Это неизбежная спутница всякого классового общества. «Она поражала довольно равномерно все угнетённые классы всех времен»³.

Капитализм вносит специфические черты в жилищную нужду. Растёт противоположность между городом и деревней. Капиталистический город стягивает огромное количество людей, лишенных средств существования и жаждущих продать свою рабочую силу. Капитализм перестраивает города, изменяет их старую планировку. Домовладение делается капиталистическим. Каждый дом, каждая квартира, каждый метр жилплощади превращается в товар в руках капиталиста, жаждущего реализовать прибавочную стоимость. Каждый метр жилплощади капиталист стремится превратить в орудие усиления эксплуатации. Изменяется характер жилищной нужды. Наряду с этим растёт квартирная плата. И по мере развития капитализма жилищные условия ухудшаются. «Всякий беспристрастный наблюдатель видит, что чем обширнее централизация средств производства, тем больше соответствующее скопление рабочих на одной и той же площади, и что, следовательно, чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние жилищ рабочих»⁴. Ухудшение жилищных условий рабочих с неизбежностью вытекает из законов капиталистического накопления. И жилищную нужду с её специфическими

¹ Маркс и Энгельс, К жилищному вопросу, Соч., т. XV, стр. 17.

² Маркс, Письмо к Анненкову.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 5.

⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 751—752, изд. 1934 г.

для капитализма. чертами Энгельс рассматривает как закономерность, вытекающую из сущности капиталистической экономики.

«Жилищная нужда рабочих и части мелкой буржуазии наших современных больших городов представляет собою одно из бесчисленных мелких второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства»¹. Энгельс называет жилищную нужду «мелким второстепенным злом» не в смысле количественной характеристики зла, а лишь в сопоставлении с основным злом — с эксплуатацией рабочего, по отношению к которому жилищная нужда является лишь производным злом.

Капиталистический город имеет свои характерные черты, резко отличающие его от докапиталистического города. Эти черты являются лишь своеобразным внешним выражением сущности капитализма, его безудержной страсти к неограниченной наживе, к неограниченной выкачке прибавочного труда, которая господствует над всем, которая подчиняет все, они выражают индивидуалистический характер капитализма. Энгельс дает вдохновенно яркую обрисовку капиталистического города: «И если мы и знаем, что эта обособленность каждого, этот ограниченный эгоизм есть основной принцип нашего современного общества, то нигде это не выступает так обнаженно и нагло, как именно здесь, в сутолоке большого города»².

«Почему здесь открыто провозглашена социальная война, война всех против всех. Подобно нашему приятелю Штирнеру, люди смотрят друг на друга только как на субъектов, которые могут быть им полезными. Каждый эксплуатирует другого, и при этом получается тот результат, что сильный топчет ногами более слабого и что небольшая кучка сильных, т. е. капиталисты, присваивает себе все, а массе слабых, т. е. беднякам, едва оставляет одну только жизнь»³. «И то, что происходит в Лондоне, происходит и в Манчестере, и в Бирмингеме, и в Лидсе, происходит во всех крупных городах. Везде варварское равнодушие, беспощадный эгоизм, с одной стороны, и беспредельная нищета — с другой, везде социальная война, дом каждого в осадном положении, везде взаимный грабеж под охраной закона, и все это делается с такой бесстыдной откровенностью, что приходишь в ужас от последствий нашего общественного строя и удивляешься только тому, что вся эта безумная скачка может все еще продолжаться»⁴.

Лондон, Манчестер, Бирмингам, Лидс и другие города уже в первой половине XIX в. дали Энгельсу огромный материал для характеристики капиталистического города, для характеристики законов развития его. Современные нам капиталистические города не только сохранили, но и углубили, развили эти черты капиталистического города, метко охваченные гениальным взором Энгельса. Старый Манчестер, обрисованный им («Положение рабочего класса в Англии») как яркий пример капиталистического города того времени, был лишь предшественником современного развитого капиталистического города.

Энгельс писал о растущей жилищной нужде, о «худших кварталах» города: «Эти «худшие кварталы» имеют во всех городах Англии в общем один и тот же вид: это — сквернейшие дома в самой сквер-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 6.

² Там же, т. III, стр. 321.

³ Там же.

⁴ Там же.

ной части города, длинный ряд большей частью двухэтажных или одноэтажных кирпичных зданий, почти всегда расположенных в беспорядке, с жилыми подвалами во многих»¹. Достаточно бегло познаться с современным капиталистическим городом, чтобы заметить, что «худшие кварталы» стали еще хуже, более многочисленными и более населенными. В Токио и Иокогаме, по подсчетам С. Ямада, насчитывалось в 1926 г. около 200 тыс. шалашей и хижин, население которых равнялось 1 миллиону. Эти трущобные районы населены рабочими, безработными, различными торговцами, ремесленниками, разносчиками. И плата за эти трущобы равняется в среднем 43% заработка всей семьи.

Энгельс так описывает одну из улиц Манчестера на берегу Ирка: «Если здесь свернуть с главной улицы — все той же Лонг-Милльгэт — влево — человек пропал: попадаешь из одного двора в другой, блуждаешь во всевозможных узеньких грязных переулках, тупиках и проходах и по истечении нескольких минут окончательно запутываешься и не знаешь, куда повернуть. Везде полу- или совсем разрушенные здания, некоторые совсем необитаемы, а это здесь очень много значит; в домах редко встретишь дощатый или каменный пол, но зато почти везде сломанные, плохо прилаженные окна и двери, и какая грязь! Везде кучи мусора, грязи и отбросов, стоячие лужи вместо отводных канав и запах, который один достаточен для того, чтобы человек, мало-мальски цивилизованный, решительно не мог там жить»².

Это — рабочий квартал Манчестера почти сто лет назад. А вот еще описание рабочего квартала: «Представьте себе 400—500 полуразрушенных, колеблющихся, невообразимо грязных домов, окруженных липкой вонючей водой, сочащейся отовсюду; дохлые крысы, гниющие в углах; среди всего этого блуждают истощенные фигуры несчастных, единственным убежищем которых являются эти трущобы. Несколько квадратных футов черной полусгнившей соломенной циновки, на которой валяются маленькие дети, — вот часто все пространство, отведенное семье». Но это пишет не Энгельс о рабочих кварталах Манчестера в первой половине XIX столетия, а профессор Токийского университета Г. Дюмоляр об улице Синами рабочего квартала Токио — Сиба в XX столетии. Простое сопоставление ярко говорит, в каком направлении идет развитие капитализма в этой области.

А разве не то же самое говорит следующее сообщение, напечатанное в «Цейтшрифт фюр вонунгсвезен» (№ 24 от 24 декабря 1934 г.): «Президент берлинской торговой палаты обратился с воззванием к строительным фирмам в Берлине жертвовать строительные отбросы в пользу обитателей шалашей для улучшения их печальных жилищных условий...» А разве не то же самое говорит состояние рабочих кварталов в Польше, Англии, Америке и т. д.? Их развитие является живым подтверждением положения Маркса и Энгельса, что чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние рабочего жилища. Это — закон капитализма. Жилищные условия рабочего становятся все хуже и относительно и абсолютно.

«Часто нищета ютится в тесных закоулках, в непосредственной близости от дворцов богачей, но в общем ей отведен совершенно отдельный участок, в котором, вдали от глаз более счастливых клас-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 323.

² Там же, стр. 345—346.

сов, она должна сама перебиваться, как умеет»¹. Но «в результате — рабочих из городских центров оттесняют на окраины; жилища для рабочих и вообще маленькие квартиры становятся реже и дороже, а зачастую их и вовсе не найти...»².

Эта классовая дифференциация кварталов капиталистического города, подчеркиваемая Энгельсом, в чрезвычайно резкой форме выступает в современном городе. Все усиливающаяся классовая дифференциация капиталистического общества получает свое выражение в усиливающейся дифференциации города, в городе создаются два мира, совершенно непохожих друг на друга, — мир эксплуататоров-капиталистов и мир эксплуатируемых трудящихся. Это бросается в глаза даже поверхностному наблюдателю. «Достаточно пройти от Охота (рабочий квартал Варшавы. — М. К.) с площади Нарutowича на улицу Нарutowича, чтобы попасть в совершенно другой мир, где живут низшие слои населения, молчаливые, терпеливо и бесцельно скитающиеся по улицам, которые зимой и осенью покрыты грязью, а летом по ним носятся тучи пыли. Главная улица в этом квартале Шеншливецкая («Счастливая». — М. К.), но она больше связана с несчастьем, чем со счастьем своих жильцов»³. В эту характеристику рабочего квартала можно поставить вместо Охота и Варшавы название почти любого рабочего квартала любого капиталистического города: Берлина, Лондона, Токио и т. д. И характеристика будет соответствовать действительности. Постепенно буржуазные кварталы освобождаются от жилищ рабочих. Это наступление на рабочие жилища ведется или под знаменем борьбы за санитарию, или под знаменем борьбы за красоту кварталов, или наконец под объединенными знаменами того и другого. Правда, и сами рабочие вынуждены покидать эти кварталы под давлением дороговизны квартир в них.

Конечно санитарные меры, к которым прибегает буржуазия, отчасти объясняются и боязнью буржуазии за свою собственную шкуру, ибо «господствующий класс капиталистов не может безнаказанно доставлять себе удовольствие обрекать на эпидемические заболевания рабочий класс; последствия падают на самих капиталистов, и смерть косит среди них свои жертвы так же беспощадно, как и среди рабочих»⁴. Но, уничтожая полуразрушенные жилища рабочих, грязные переулки, оставшиеся еще в кварталах богачей, буржуазия конечно не уничтожает их существования — для этого она должна была бы уничтожить самое себя — она только переносит их в другое место. «Результат везде один и тот же, как ни различны бывают поводы: безобразнейшие переулки и закоулки исчезают при величайшем самохвальстве буржуазии по поводу этого огромного успеха, но они... тотчас же возникают где-либо на новом месте, часто даже в непосредственной близости». И вполне понятно. Капитализм сам неизбежно вызывает возникновение этих грязных переулков и закоулков. Закон абсолютного обнищания рабочего класса действует с неумолимой силой, он загоняет рабочего в трущобы, в здания, негодные для жилья.

Количество таких районов в Японии не уменьшилось, а увеличилось, несмотря на то, что, «по соображениям санитарного порядка», правительство «при величайшем самохвальстве буржуазии» решило

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 323.

² Там же, т. XV, стр. 7.

³ «Газета польска» от 21/II 1935 г.

⁴ Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 26

начать ликвидацию трущоб в шести самых больших городах. Еще в 1927 г. С. Ямада, характеризуя жилищные условия рабочих в Японии в «Джапан ир бук», говорит, что «в Японии жилищная нужда в основном вызывается не нехваткой жилищ, а экономическими причинами».

Буржуазия пользуется санитарно-полицейскими мерами, для того чтобы освободиться от нежелательного соседства, прикрывая эту чистку своих кварталов никого не обманывающей демагогией об оздоровлении городов. Она достигает этого и другими путями. Всякие планы «реконструкции» капиталистических городов предполагают уничтожение убогих зданий, грязных районов и т. д. Делается ли это под соусом очищения памятников старины, «удивительных церквей и торжественных памятников времен императоров» (Муссолини) или под каким-либо другим «стильным» соусом — результаты одни и те же: наступление на рабочие кварталы, отбрасывание их на окраины или даже за границу городов.

Всякие попытки разрешения жилищного вопроса в рамках капиталистического общества заранее обречены на неудачу. Прудон не понимал законов капиталистической экономики. Он искал выхода в покупке рабочими в собственность домиков с небольшими хозяйствами. Энгельс подчеркивал реакционность взглядов Прудона, идеалом которого было общество мелких производителей.

Правда, в условиях капитализма рабочий иногда становится собственником домика. Но осуществленный таким образом план Прудона «не только не дал рабочему классу никакого облегчения, но обернулся даже прямо против него»¹. Капиталисты, «продавая своим рабочим под условием ежегодных платежей маленькие жилища, стремятся задушить в рабочих всякий революционный дух и в то же время приковать их этим земельным владением к фабрике, на которой они уже стали работать»². Кроме того самая оплата этого «собственного» домика тяжелым ярмом ложится на бюджет рабочего. Она даже увеличивает его нищету. Ярким примером могут служить собственные домики рабочих Америки, которые далеко не уменьшили обнищания рабочих и далеко не улучшили их жилищных условий.

Положение рабочих конечно не лучше и тогда, когда домохозяевами являются владельцы предприятий. Домовладение — это мощное орудие в руках фабрикантов и заводчиков в деле их борьбы с рабочими. «Задолго до того, как борьба между Бисмарком и немецкими буржуа даровала немецким рабочим свободу каолиций, английские фабриканты, владельцы рудников и горнозаводчики практически убедились, какое давление могут они производить на баствующих рабочих, если они одновременно домохозяева этих рабочих»³.

С особенной резкостью это сказывается в рабочих общежитиях современной Японии. Не случайно одним из настойчивых требований рабочих организаций является отмена общежитий. Общежития представляют собой деревянные бараки, обычно двухэтажные, на 200 человек. Они находятся обычно при предприятиях и дают владельцу предприятия возможность почти круглосуточного контроля за рабочей силой. Во время стачки над рабочим висит не только угроза

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 18.

² Там же.

³ Там же стр. 40—41.

быть выброшенным из общежития: «Практически, например в случае забастовки, рабочих можно запирают и таким образом помешать их объединенному выступлению, пока не добьешься уступки, сломив их сопротивление»¹. У Драйзера, у Синклера. можно найти немало ярких художественных зарисовок этой формы борьбы предпринимателей-домовладельцев с рабочими, о которой говорит Энгельс...

Ухудшение жилищных условий рабочих — составная, органическая часть неумолимого закона капитализма, закона абсолютного обнищания рабочего класса. Жилищный вопрос может быть разрешен только пролетарской социальной революцией. «И пока существует капиталистический способ производства, до тех пор глупо пытаться решать в отдельности жилищный или какой-либо другой общественный вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение состоит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении самим рабочим классом всех средств существования и средств труда»².

Но пролетарская революция не сразу разрешила жилищный вопрос. Она должна переделать до основания весь общественный строй. Она должна преобразовать город и деревню. Капиталистический город, резко отделенный от деревни, с его дифференциацией, с его антисанитарией и т. д. должен быть коренным образом перестроен. «Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе»³.

Но это конечно не значит, что пролетарская революция будет ждать окончания всей революционной перестройки общества, чтобы потом только приступить к разрешению жилищного вопроса. Пролетарская революция почти немедленно приступает к разрешению жилищного вопроса. И первым, начальным этапом разрешения этого вопроса является облегчение жилищной нужды. «...Помочь устранению жилищной нужды можно путем экспроприации части роскошных квартир, принадлежащих имущим классам, и принудительным заселением остальной части»⁴.

Ленин в «Государстве и революции» говорит, что Энгельс, учитывая опыт Коммуны на конкретной теме о жилищном вопросе, наглядно выясняет черты сходства и черты различия пролетарского государства и капиталистического государства. «Экспроприация и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже «распорядится» занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства»⁵. И дальше: «Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли» без платы будет раздавать квартиры, «по крайней мере в переходное время». Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным

¹ «Транспасифик» от 15/XII 1922 г.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 57.

³ Там же, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 37.

⁵ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 4С9.

семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан с полным «отмиранием» государства»¹.

Октябрьская революция немедленно начала разрешение жилищного вопроса с экспроприации одной части жилищ богачей и уплотнения другой. Но это была лишь начальная стадия разрешения вопроса. «Цивилизация, конечно, оставила нам, в лице крупных городов, наследие, покончить с которым будет стоить много времени и усилий. Но с ним необходимо покончить, и это будет сделано, хотя бы это был очень продолжительный процесс»².

С начала пролетарской революции прошло почти 18 лет. Мы далеко уже ушли от начальной стадии разрешения жилищного вопроса. С наследием старого еще не покончено. Еще далеко до окончательного разрешения жилищного вопроса, но пройден уже большой путь. «Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие пруду темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютится немущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города»³.

В далеком Архангельске строятся новые дома со всеми удобствами. И эти новые дома заселяются трудящимися Архангельска. В заполярном Мурманске возводятся огромные каменные здания, которые заселяются рабочими и служащими Мурманска. То же самое и в недавно созданном городе Кировске (Хибиногорск). Там, где была недавно безлюдная тундра, создан новый город, строятся здания для культурного и медицинского обслуживания трудящихся. В Кировске построены прекрасная больница, прачечная, баня, огромное звуковое кино. Рабочие кварталы Баку не уступают и даже обгоняют красотой и удобствами своих зданий центральные кварталы. Отступают в прошлое грязные, темные рабочие кварталы — наследие капиталистического общества. Победоносно ведут свое наступление чистые, красивые кварталы рабочих, хозяев строящегося нового мира, мира социализма.

В блестящем докладе т. Кагановича на июльском пленуме ЦК ВКП(б) в 1931 г. так характеризуется наш город:

«Наш город стал социалистическим с момента Октябрьской революции, когда мы экспроприровали буржуазию и когда мы обобществили средства производства. Кто отрицает социалистический характер нашего города, тот исходит из совершенно неправильной меньшевистской установки, которую давали на XIV партийном съезде представители оппозиции. Они утверждали, что наши предприятия

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 410.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 302.

³ Сталин, Доклад на XVI съезде ВКП(б), Стенографический отчет, стр. 24.

являются предприятиями не последовательно социалистического типа, а госкапиталистическими». И дальше: «Перед нами может и должна стоять задача такого материально-технического переустройства города, который соответствовал бы новым условиям и потребностям быта, новым требованиям периода социализма, требованиям культурно и политически выросших рабочих и трудящихся масс».

Огромной исторической победой на фронте социалистического городского и жилищного строительства является реконструкция пролетарской столицы — Москвы, ее метро, ее новые площади, ее новые дома. Сталинский план ее реконструкции является планом дальнейшего наступления, планом победы социалистического городского строительства и превращения пролетарской столицы в самый красивый мировой город. Это не душный классово-дифференцированный капиталистический город. Город расширяется до 60 тыс. га. В первую очередь расширение произойдет за счет земельных площадей, расположенных за Ленинскими горами и являющихся наиболее здоровыми для жилья. Территория города будет опоясана лесо-парковым кольцом в радиусе до 10 км.

Вынесен суровый пролетарский приговор мелким и грязным застройкам. Они будут изгнаны с территории пролетарской столицы, без права оседания в другой какой-либо части города, что было законом капиталистического города. Огромная территория новой Москвы покроется новыми, светлыми зданиями, культурными учреждениями, парками. Различные виды транспорта свяжут отдельные части огромного города в одно целое. Создается первый в человеческой истории город, достойный быть пролетарской столицей.

Перестраиваются города Страны советов, постепенно изгоняется оттуда капиталистическое наследие, душившее рабочий класс. Гордые, красивые, чистые новые рабочие кварталы Баку, Донбасса, Москвы, Ленинграда и многих других городов Союза, вновь создаваемые города четко, убедительным языком говорят об этом. Они бросают вызов капиталистическому миру и показывают рабочим всего мира единственный путь разрешения жилищного вопроса — путь пролетарской социальной революции.

Реконструкция Москвы, проводимая под повседневным руководством т. Сталина, огромная работа по реконструкции Москвы, проделанная ближайшим соратником т. Сталина — т. Кагановичем, генеральный план реконструкции пролетарской столицы говорят об огромном пути, пройденном Страной советов, о мощном размахе городского строительства, возможном только в условиях пролетарской диктатуры. Так разрешается жилищный вопрос в Стране советов. И это единственно возможное разрешение жилищного вопроса было четко уже указано Марксом и его гениальным соратником Энгельсом.

О советском рубле и советской торговле

I

Отмена карточной системы, резкое повышение роли советского рубля и качественных показателей придали новую силу цене как одному из экономических рычагов пролетарской диктатуры. Развертывается процесс перестройки цен. По-новому возрастает значение отпускной цены как орудия укрепления хозрасчета, улучшения методов хозяйственного руководства, снижения себестоимости, роста производительности труда, улучшения качества продукции; по-новому возрастает значение розничной цены для заработной платы, для стимулирования сельского хозяйства, развертывания товарооборота. Все больше укрепляется база интенсивного снижения цен.

Остановимся сначала на некоторых моментах развития отпускной цены.

В первую пятилетку были неизбежны высокие издержки освоения новой техники. Достаточно вспомнить, во что обошелся нам «пусковой период» новых предприятий. Сейчас уже создана новая обстановка. «Издержки и перерасходы, поломка машин и другие убытки окупилась с лихвой» (С т а л и н, Речь на приеме металлургов).

Голод на технику в основном изжит, вширь и вглубь развернулся процесс освоения техники, дающий уже сейчас огромный экономический эффект. Это создало мощную базу для роста производительности труда, снижения себестоимости. Тем самым резко сокращается удельный вес дотаций и для каждого предприятия усиливается значение отпускной цены.

Блестяще выполненная первая пятилетка дала значительный рост производительности труда в промышленности (на 41%). Однако этот рост производительности труда менее чем на половину являлся фактором всего прироста промышленной продукции. В большей мере прирост продукции в первой пятилетке еще был связан с ростом числа рабочих и служащих, чем с ростом производительности труда. Число рабочих и служащих в крупной промышленности в 1932 г. превысило план в 1½ раза.

Иная роль производительности труда в приросте продукции промышленности во втором пятилетии. XVII съезд дал директиву о достижении за второе пятилетие 63% роста производительности труда в промышленности. При этом «производительность труда становится решающим фактором выполнения намеченной программы увеличения продукции во втором пятилетии»¹. Рост численности рабочих и служащих по всем отраслям хозяйства намечен в 26% (по крупной промышленности рост на 29%), в то время как в первой пятилетке

¹ Резолюция XVII съезда, Стенографический отчет, стр. 663.

их численность была удвоена. Средний рост фонда денежной заработной платы намечен в 55% (по крупной промышленности — 64%), в то время как в первой пятилетке фонд заработной платы вырос в 4 раза. Все это отражает значительное возрастание роли качественных показателей во второй пятилетке.

Первая половина второй пятилетки показала коренной перелом к улучшению качественных показателей. Рост средней выработки промышленного рабочего, исчисленной в неизмен. ценах, составил (в % к предыдущ. году): в 1932 г.—2¹/₂, в 1933 г.—9, в 1934 г.—11¹/₂, а в I полугодии 1935 г. к I полуг. 1934 г.—12¹/₂—13. За первые три года второй пятилетки достигается рост производительности труда, близкий к росту за всю первую пятилетку.

Соотношение роста продукции и роста фонда заработной платы установилось совершенно по-иному, чем в первой пятилетке. В первую пятилетку прирост фонда заработной платы по крупной промышленности превысил в 2¹/₂ раза прирост промышленной продукции. За первые же два года второй пятилетки прирост фонда заработной платы по крупной промышленности уже примерно равен приросту ее продукции. Число рабочих и служащих крупной промышленности за первую пятилетку выросло на 3¹/₂ млн. чел., а за 1933 и 1934 гг. почти осталось стабильным при росте продукции на 29%. По всему народному хозяйству число рабочих и служащих за первую пятилетку выросло на 98% (на 11¹/₂ млн. чел.), а в 1933 и 1934 гг. всего на 2¹/₂%. Прирост самодеятельного населения в огромной мере поглощается бурным развитием сельского хозяйства. В то же время промышленность и другие отрасли дают значительный рост благодаря повышению производительности труда.

Решающим фактором выполнения производственной программы уже стала производительность труда. Это и является новым мощным фактором снижения себестоимости и роста рентабельности социалистических предприятий.

Огромный толчок к повышению качественных показателей и снижению себестоимости дают отмена карточной системы и усиление роли советского рубля.

Карточная система была на определенном этапе совершенно необходимой. Она сыграла далеко не мало важную роль при выполнении первой пятилетки. Но в то же время карточка влекла за собой ряд серьезных издержек и притом не только в области товарооборота. Ее влияние сказывалось во всем народном хозяйстве. Она накладывала свой отпечаток и на методы хозяйственной работы. Карточка питала иждивенческие тенденции, ослабляя хозяйственную инициативу, хозрасчет, стремление к экономии, к рентабельности. Многие хозяйственники высшей мудростью считали давать максимальные заявки на рабочую силу, оборудование, на сырье, топливо, материалы, на транспорт, энергию, ремонт, стремясь побольше накопить запасов. Эта «пайковая» психология была широко распространена. Ясно, что это удорожало производство, замедляло хозяйственный оборот, создавало омертвление фондов в одних местах при искусственном дефиците в других. Ставка многих хозяйственников на покрытие своих убытков государством вела к разбазариванию фондов, к перерасходам, к недостаточной борьбе с бракоделством, к бесхозяйственности.

Отмена карточной системы дала мощный толчок к развертыванию борьбы за рентабельность.

Восемь месяцев 1935 г. дали уже много блестящих примеров успешной борьбы промышленных предприятий за рентабельность. За Макеевкой потянулся ряд других передовых предприятий, отказавшихся от дотации, давших уже много миллионов прибыли вместо убытков в прошлом году. Ряды этих предприятий непрерывно ширятся. Предприятия тяжелой промышленности взяли на себя обязательства сэкономить в этом году многие сотни миллионов рублей сверх плана. Методы хозяйственной работы, хозяйственного руководства на этих передовых предприятиях под влиянием хозрасчета резко меняются. Хозрасчетная самостоятельность предприятий и цехов резко возрастает, отпадает мелочная опека над работой предприятий и цехов. Хозяйственный расчет, денежная зарплата, отпускная цена становятся теми экономическими рычагами, которые придают хозяйственному руководству гибкость и оперативность.

Остановимся на некоторых моментах перестройки методов хозяйственной работы на передовых предприятиях тяжелой промышленности.

На ряде этих передовых предприятий цехи переводятся на самостоятельный бюджет, начальнику цеха предоставляется значительная самостоятельность в расходовании зарплаты. При этом цехам кроме количественных показателей выработки и технических норм даются определенные цены на сырье, материалы, топливо, готовую продукцию, даются задания по снижению себестоимости, дается норма расхода зарплаты на единицу продукции.

В зависимости от выполнения этих заданий и норм устанавливается оплата начальников цехов, ИТР, мастеров, бригадиров.

Отмена карточки резко повысила роль денежной зарплаты. Это нанесло сокрушительный удар остаткам уравниловки, связанным с карточкой. Нормы снабжения немислимо широко дифференцировать в соответствии с количеством и качеством труда. Другое дело денежная зарплата. Теперь открыты все пути к развернутому применению принципа оплаты по количеству и качеству труда. Неограниченная дифференциация оплаты труда и растущая возможность для потребителя свободно приобретать любой товар по своему выбору резко усиливают стимулы к увеличению производительности труда. Неизмеримо возрастает роль советского рубля в стимулировании ударничества, в борьбе с влиянием пережитков капитализма, в борьбе за всемерное укрепление социалистической дисциплины труда. Перестройка зарплаты применительно к новой обстановке только начинает развертываться. Опыт лучших предприятий, в частности Макеевского завода, показывает, какие гигантские возможности роста производительности труда таятся сейчас при отмене карточной системы в правильно организованной зарплате.

Ряд передовых предприятий показывает образцы борьбы за искоренение остатков уравниловки. При этом оплата повсюду, буквально на всех участках, ставится в зависимость не только от объема проделанной работы, но и от качества ее, от выполнения технических норм, норм расходов, от достигнутой экономии. Огромный эффект дает установление прямой зависимости зарплаты ИТР от выполнения качественных показателей.

Каждый оплачивается в соответствии с результатом именно своей работы. Зарплата тесно смыкается с хозрасчетом. Успешно применяется агрегатно-бригадный хозрасчет. Все операции цехов и агрегатов, вплоть до деталей, выражаются в рубле. На отдельных передовых

предприятиях элементы себестоимости доводятся до рабочего, и рабочий быстро узнает, проработал ли он с прибылью или с убытком. Часть реальной экономии, достигнутой сверх плана, предоставляется на улучшение культурно-бытовых условий рабочих и ИТР. В итоге всего этого быстро рационализируется организация труда, резко вырастает экономия в расходах, в корне улучшается использование оборудования и материалов.

Меняется отношение хозяйственников, начальников цехов, бригадиров к плановым заданиям. Поскольку оплата труда на ряде передовых предприятий ставится в прямую зависимость от сложности задания, там нет уже прежнего стремления добиваться снижения плановых заданий, чтобы показать больший процент выполнения плана. Начальники цехов, мастера, бригадиры, сами бригады стремятся получить более трудное задание, с тем чтоб использовать все резервы и дать максимум того, что возможно. Вместо прежних дутых заявок на рабочую силу ликвидируются излишки рабочей силы с переводом ее туда, где раньше ощущался в ней недостаток, интенсивно проводится совмещение профессий. В результате при значительном росте зарплаты доля ее в продукции падает.

Типичен пример Макеевки. В IV квартале 1933 г. доля зарплаты рабочих и ИТР в единице продукции Макеевки составляла 38,1%, а в IV квартале 1934 г. — уже 28,1%, в июле 1935 г. — 23%, а с учетом хлебной надбавки — 25,5%. При этом средняя зарплата рабочего выросла даже без хлебной надбавки с 150 руб. в IV квартале 1933 г. и 169 руб. в IV квартале 1934 г. до 215 руб. в июле 1935 г. Еще выше темпы роста зарплаты ИТР.

В корне меняется на этих предприятиях отношение к запасам. Остается лишь не о б х о д и м ы й м и н и м у м (причем кое-где даже перегибают палку, отказываясь и от необходимых запасов). Нет уже прежнего стремления завезти на склад максимум материалов. И тут обнаружилось, насколько дутые заявки на материалы, сырье, топливо, энергию искусственно увеличивали их дефицит. В частности значительно улучшилось положение с запасными частями. Здесь сказывается стремление максимально ускорить оборот средств, по возможности избавиться от всего, что «отяжеляет» баланс, быстрее превращать материальные ресурсы в деньги, увеличивать свои текущие счета и получать за них банковские проценты. Передовые предприятия стараются обойтись минимумом ссуд, чтобы платить меньше процентов. Они показывают образцы экономии в отношении к материалам, сырью, топливу, энергии, ликвидируя прежнее их разбазаривание. Проводится тщательный расчет стоимости различных видов сырья, топлива, материалов и на этой основе — замена дорогих сортов более дешевыми там, где это допускает качество дешевых сортов.

Резко сократилась сдача заказов на ремонт. Передовые предприятия и особенно цеха стремятся провести ремонт собственными силами, чтобы добиться экономии. И эффект достигается поразительный в отношении как экономии, так и разгрузки общезаводских ремонтных мастерских. Коренным образом улучшилось там использование заводского автогужевого транспорта. Вместо прежней нехватки транспортных средств, связанной с излишней загрузкой, простоями, — сейчас обратная картина. Цеха стали так расчетливы в использовании транспорта, что нередко на передовых предприятиях сами транспортники ищут потребителя. Это относится и к внезаводскому транспорту. Передовые предприятия стремятся максимально ускорить оборот тран-

спорта, соблюдать максимальную экономию и рационализировать грузопотоки, тщательно рассчитывая, во что обойдется транспортировка из того или иного пункта, во что обойдется длительность пребывания товара в пути.

Усиление хозрасчета на передовых предприятиях ведет за собой новое их отношение к хозяйственному договору. Нет уже прежней пассивности к неаккуратному выполнению договоров. Финансовые санкции в виде пени, неустоек раньше применялись недостаточно, не говоря уже о взыскании убытков. В арбитраж обращались главным образом тогда, когда речь шла о крупных суммах. Наблюдение за выполнением договоров руководители предприятий часто целиком передоверяли особым работникам. Широко применялась взаимная «амнистия» при невыполнении договоров. Это «теоретически» подкреплялось «рассуждениями» примерно такого типа: к чему из одного государственного кармана перекладывать в другой, зачем вводить одно государственное предприятие в убытки за счет другого и т. п. Сейчас картина на передовых предприятиях иная. Эти вредные оппортунистические «теории», в корне расходящиеся с линией партии на укрепление роли рубля и хозрасчета и наносящие государству прямой ущерб, целиком отброшены. Неуклонно применяются финансовые санкции, директора предприятий делают государственно полезное дело. Они борются за хозрасчет не только на своем предприятии и даже не только на предприятии, нарушившем договор, они содействуют внедрению хозяйственной дисциплины, мобилизации дополнительных средств на всех предприятиях. Теперь руководители передовых предприятий тщательно следят за ходом выполнения договоров и лично добиваются в арбитраже финансовых санкций даже по сравнительно мелким суммам, упорно взыскивают убытки и стараются использовать все возможные пути экономического воздействия на неаккуратных плательщиков.

Борьба за рентабельность на передовых предприятиях, ведущая к уплотнению рабочего дня и росту производительности труда, с исключительной яркостью демонстрирует коренную противоположность капиталистической и социалистической рационализации. Капиталистическая рационализация ускоряет темпы абсолютного и относительного обнищания рабочего класса. Социалистическая рационализация ускоряет темпы роста материального и культурного уровня трудящихся. Именно борьба за социалистическую рентабельность толкает на максимальный подъем квалификации. Пример Макеевки, где резко выросла заработная плата, где полным ходом идет повышение квалификации и выдвижение молодых кадров, является вполне типичным. Такие же результаты дают в частности широко развертывающиеся сейчас в тяжелой промышленности совмещение профессий и движение отличников.

Опыт передовых в борьбе за снижение себестоимости предприятий тяжелой промышленности еще слишком медленно воспринимается предприятиями не только легкой, пищевой, лесной и местной промышленности, но и тяжелой промышленности. Даже металлургическая промышленность, которая выдвинула пионеров борьбы за рентабельность, имеет еще колоссальные резервы снижения себестоимости. В металлургической промышленности еще до сих пор имеется значительный излишек рабочих и служащих. На ряде предприятий машиностроения оборудование используется лишь наполовину. Огромное

значение для снижения себестоимости в машиностроении может сыграть учет использования оборудования в машинном времени.

Как отмечалось на августовском совещании Донбасса, угольщики, вместо того чтобы с большевистской энергией применить опыт Макеевки на своих предприятиях, медлят, сомневаются, так как многие из них не поняли нового в нашей экономике.

Среди хозяйственных организаций еще слаба кредитно-финансовая дисциплина, широко распространены срывы сроков платежей. Это бьет по хозрасчету и тормозит работу и самых лучших предприятий, терпящих ущерб от неаккуратных плательщиков.

Режим твердой финансово-кредитной дисциплины установлен еще далеко не всюду.

Достигнутый уровень хозрасчета, экономии, финансовой дисциплины в массе предприятий еще резко отстает от новых требований. Особенно обращает на себя внимание слабость хозрасчета и высота себестоимости в строительстве. Здесь немало раздутых смет. Строители часто стремятся побольше «урвать» денег и в максимальной степени их затратить. Суммы истраченных денег, а не реальный прирост строительства выдвигаются ими как показатель «освоения». Жесткий финансовый режим и подлинный хозрасчет в строительстве могут сэкономить миллиарды рублей в ближайший же период. В последнее время все больше выделяется своими успехами в перенесении опыта макеевской системы строительство Азовстали. Огромное значение этих успехов в том, что они доказывают на практике всю вздорность «рассуждений» о совершенной неприменимости опыта Макеевки к стройкам. Эти «теории исключительности» строительства разбиты сейчас в прах опытом Азовстали и другихстроек, берущихся по-настоящему за хозрасчет, за оплату труда в соответствии с качеством работы.

Мы вступили в период непосредственной реализации директивы вождя партии «добиться того, чтобы тяжелая промышленность — и прежде всего ее машиностроительная часть — также давала накопления»¹. Первые крупные успехи в этой области уже налицо.

Успехи промышленности в борьбе за повышение качественных показателей, за рентабельность позволяют в ближайший период привести отпускные цены в гораздо большее соответствие с себестоимостью. Если цена оторвана от себестоимости, создается необходимость широкого применения дотаций. А дотации нередко влекут за собой иждивенческие настроения и ослабляют стимулы к снижению себестоимости и даже к выполнению количественных показателей плана. Другое дело отпускная цена в условиях работы без дотаций, когда перед предприятием непосредственно стоит задача добиться прибыли. Такое предприятие получает дополнительные стимулы к тому, чтобы беречь каждый рубль, драться за хозрасчет. Для него совершенно новое значение приобретает контроль рублем, хозрасчетный договор, финансовые санкции за невыполнение договора. Уже сейчас на передовых предприятиях тяжелой промышленности отпускные цены на сырье, материалы, полуфабрикаты, на готовую продукцию являются для директоров, начальников цехов, бригадиров, рабочих теми экономическими нормами, которые толкают их на снижение себестоимости и тем самым на улучшение технических показателей. Вот почему перестройка цен, связанная с отходом от системы дотаций.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 463, изд. 10-е,

должна обеспечить резкое укрепление хозрасчета. Отпускная цена превращается в мощный экономический рычаг снижения себестоимости. Тем самым создается прочная база и для снижения отпускных цен. Перестройка отпускных цен ни в коей мере не должна автоматически создавать для хозяйственников рентабельность. Цены должны строиться так, чтобы рентабельность достигалась лишь в результате упорной, систематической, напряженной работы. В то же время эта перестройка цен сделает реальным достижение безубыточности и рентабельности, а это значит, что от предприятий за некоторым лишь исключением будет требоваться безубыточность во что бы то ни стало. Ленин в письме от 1 февраля 1922 г. подчеркивал: «Тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий»¹.

Цены должны быть построены так, чтобы со всей четкостью выявлять хорошую и плохую работу предприятий. Должно быть исключено такое положение, при котором чрезмерно высокий уровень цен затушевывает плохую работу предприятий, а чрезмерно низкий — хорошую. Упорядочение всей системы отпускных цен скажется и на улучшении качества и ассортимента продукции. Ныне действующие «ценники» в ряде случаев не проводят разницы между товарами высокого и низкого качества, товарами большей и меньшей трудоемкости. Они отражают нередко ассортимент и условия производства, имевшие место много лет назад. Поэтому требуется тщательный просмотр «ценников» нашей промышленности под углом зрения стимулирования посредством цен производства более высококачественных продуктов.

II

Переход к единым ценам в корне меняет и систему розничных цен. На основе исторических успехов индустриализации и коллективизации быстро возрастает продукция товаров широкого спроса. Вторая пятилетка по плану дает более высокий темп роста промышленного производства предметов потребления, чем средств производства. Значительное ускорение темпов производства предметов потребления уже налицо. В 1933 г. их производство по крупной промышленности выросло на 5,5%, в 1934 г. на 14%, а в 1935 г. безусловно может быть достигнут намеченный рост на 15,8%. На основе блестящей победы колхозного строя сельское хозяйство вышло из реорганизационного периода. Это привело к быстрому росту товарной продукции села.

Все это дает значительное ускорение темпов роста товарной массы предметов потребления и составляет весьма существенное условие для дальнейшего снижения цен. Ясно, что снижение в открытой торговле розничных цен, не соответствующее товарным фондам, привело бы к перепродажам, спекуляции и затруднило бы правильное налаживание товарооборота.

С отменой карточки чрезвычайно выросло значение рубля для потребителя — он может за деньги приобретать без ограничения предметы широкого спроса по своему выбору; новые стимулы созданы к развертыванию товарооборота между городом и деревней, огромные фонды товаров широкого ассортимента открыты колхозному кре-

¹ «Правда» от 20 марта 1931 г.

стьянству. Это в свою очередь дало мощный толчок к дальнейшему развертыванию колхозной торговли. Обороты базарной колхозно-крестьянской торговли в первом полугодии 1935 г. выросли в неизменных ценах по сравнению с первым полугодием 1934 г. почти на 50%. И это, не считая роста хлебазакупки в 9 раз!

Огромное значение для развертывания товарооборота между городом и деревней и усиления стимулов к росту товарной продукции села имеет отмена отоваривания сельскохозяйственных заготовок хлебом. Это резко повышает значение заготовительной цены для деревни.

Связанная с ростом товарных ресурсов отмена карточной системы и переход к единым ценам создают прочную экономическую базу для дальнейшего значительного снижения цен. На нынешнем этапе исходным моментом для снижения розничной цены по каждому товару, отпускавшемуся по нормам, является переход к его ненормированной продаже и установление цены с учетом наличия рыночных фондов. Далее с учетом роста этих рыночных фондов происходит снижение цен. О том, какие огромные успехи здесь достигнуты, свидетельствует тот факт, что в ненормированной торговле по мере ее развертывания цены снижены за последние 2—2½ года почти вдвое и на этой основе цены колхозных рынков снизились за этот период в 2½ раза. При этом темпы снижения цен нарастают. Как правило, цены на колхозных базарах теперь уже несколько ниже цен ненормированной государственной и кооперативной торговли. А между тем несколько лет назад базарные цены в несколько раз превышали государственные розничные цены.

Огромные успехи в борьбе за повышение производительности труда, за рентабельность, за переход к работе без дотаций в промышленности естественно создают условия для относительного уменьшения использования розничной цены как источника этих дотаций. А это также имеет далеко не маловажное значение для дальнейшего снижения розничных цен.

Взаимоотношение товарооборота и финансов приобретает все более и более прочную базу. Значительно укрепилась финансовая мощь СССР. Государственный бюджет выполняется с огромными резервами. Единый государственный бюджет в 1933 г. выполнен с превышением доходов над расходами на 4,5 млрд. руб., в 1934 г.—на 2,8 млрд. руб. Превышение доходов над расходами должно быть достигнуто и в 1935 г.

Под влиянием резкого укрепления финансовой дисциплины и роста товарооборота меняется соотношение денежной и товарной массы. На каждый рубль приходится все больше товарных масс.

Прирост розничного товарооборота во много раз обгоняет прирост денежной массы. Сравним данные первого полугодия 1935 г. с данными первого полугодия 1933 г., которые примем за 100. Сумма розничного товарооборота (включая базарную торговлю) возросла за этот период на 80%, а средняя за полугодие денежная масса — всего на 5%.

Сумма денег в обращении к началу второго полугодия 1935 г. примерно равна той сумме, которая имелась к концу 1932 г. Иными словами, первая половина второй пятилетки при огромном росте продукции и товарооборота не дала прироста денежной массы.

Повышение роли денег для населения значительно укрепило советский рубль как орудие сбережения. Все в большей мере

оно свои сбережения хранит в денежной форме. Ярким показателем этого являются данные о приросте вкладов в сберкассы. В 1931, 1932, 1933 гг. в условиях карточной системы прирост вкладов населения в сберкассы составлял в среднем за год примерно 220 млн. руб. В 1934 г., когда широко развернулась ненормированная торговля, прирост за год удвоился, превысив 450 млн. руб. После же отмены карточной системы прирост вкладов снова удваивается. За первое полугодие 1935 г. он достиг почти всего годового прироста 1934 г. По сельскому населению прирост вкладов за одно лишь первое полугодие 1935 г. почти вдвое выше, чем за весь 1934 год. Вся же сумма вкладов населения (20 млн. вкладчиков) на 1 июля 1935 г. превысила 2 млрд. руб., увеличившись за 2½ года более чем в 2 раза. Значение этого исключительного прироста вкладов в сберкассы еще больше возрастает, если учесть, что десятки миллионов людей являются держателями облигаций госзаймов на 11,5 млрд. руб., не считая займа 1935 г. (против 346 млн. руб. в начале первой пятилетки). Разве все это не говорит о дальнейшем огромном росте значения советского рубля для населения, об укреплении базы дальнейшего снижения цен и развертывании культурной советской торговли!

III

XVII съезд партии дал директиву о снижении в течение второй пятилетки «среднего уровня розничных цен против 1933 г. на 35%». В то же время во второй пятилетке намечено снижение базарных цен в 3—4 раза против 1932 г. Ход осуществления второго пятилетнего плана показывает реальность этих установок. К середине второй пятилетки (данные на 1 сентября 1935 г.) цены в ненормированной торговле снизились против первого полугодия 1933 г. в среднем почти на 45%.

Приведем основные данные по снижению цен ненормированной торговли на 1 сентября 1935 г. в процентах к их прежнему наивысшему уровню (главным образом к уровню весны 1933 г.):

от 10 до 20 — макароны, грубосуконные ткани, шелковый трикотаж, обувь на монолитной подошве;

от 20 до 30 — мясо и мясные жиры, масло растительное, рыбные консервы, яйца, сыр, тонкосуконные ткани, платки, выработки шерст. промышленности, шелковые ткани, табак 3-го сорта, мебель;

от 30 до 40 — овощи, рыба, маргарин, молочнокислые продукты, кофе, какао, мыло туалетное, музыкальные инструменты;

от 40 до 50 — крупа, масло животное, молоко, колбасные изделия и некоторые другие мясопродукты, мыло хозяйственное;

от 50 до 60 — сахар, кондитерские изделия, махорка, фрукты;

от 60 до 70 — хлеб, хлебобулочные изделия, картофель, нитки.

Кроме того за последние 2—2½ года проведено снижение цен в ненормированной торговле по ряду других товаров.

Если же учесть заметное сокращение со стороны торговых предприятий случаев превышения директивных цен, то фактический размер снижения достигает почти 50%. Кроме того эффект этого снижения цен резко возрастает, если учесть значительное повышение качества и улучшение ассортимента товаров в 1935 г. по сравнению с 1933 г. Это огромное снижение цен в ненормированной торговле не могло бы быть проведено без того значительного роста товарной массы, которым оно сопровождалось. В процессе перехода к единым це-

нам обычно происходит снижение коммерческих цен и некоторое повышение цен так называемого «нормального фонда». В настоящее время процесс перехода к единым ценам близится к концу, и потому роль «повышательной тенденции» по линии цен «нормального фонда» становится все более ограниченной. Между тем до конца второй пятилетки осталось еще $2\frac{1}{2}$ года. Огромный прирост товарных ресурсов во второй половине второй пятилетки и переход к единым ценам создают прочную базу для дальнейшего значительного снижения цен. Темпы снижения цен ненормированной торговли ускоряются. За одно лишь первое полугодие 1935 г. объем снижения этих цен выше, чем за весь 1934 г.

В пределах еще 1935 г. обеспечено дальнейшее значительное снижение цен в ненормированной торговле.

Приведем основные данные о снижении розничных цен (в %) в ненормированной торговле за период с I/I по I/IX 1935 г.:

от 10 до 20 — мука, макароны, овощи, масло животное, мясные жиры, чулочно-носочные изделия, нитки;

от 20 до 30 — мясо, рыбные консервы, маргарин, яйца, сыр, мороженое, сгущенное молоко, кофе, какао, мыло хозяйственное и туалетное, табак 3-го сорта, фураж, свечи;

от 30 до 40 — колбасные изделия, кондитерские изделия, рыба, молочнокислые продукты, пряности и специи;

от 40 до 50 — хлеб печеный, крупа и бобовые, хлебобулочные изделия, молоко, картофель, кофе-суррогаты, некоторые мясopодукты;

от 50 и выше — махорка, фрукты.

Снижены цены и на другие товары.

Разумеется, выполнение плана значительного снижения розничных цен будет означать, что в последние два года второй пятилетки уже не будет в денежном выражении такого прироста розничного товарооборота, как это имело место в первые годы второй пятилетки. Но реальный прирост товарной массы (в натуре) будет расти не меньшими, а еще большими темпами, хотя и первые годы второй пятилетки дали значительный рост товарной массы в натуре. Рыночные фонды (включая колхозную торговлю) дают в 1935 г. рост против 1932 г. примерно на $\frac{2}{3}$ в натуре.

Следует отметить, что фактический рост товарооборота в денежном выражении идет далеко впереди темпов, намеченных вторым пятилетним планом. Сумма розничного товарооборота (без табачно-алкогольной группы) должна достигнуть в 1937 г. 80 млрд. руб. против 31,9 млрд. в 1932 г.¹ В ценах 1937 г. оборот в 1937 г. должен достигнуть 53 млрд. руб.² Между тем сумма розничного товарооборота (без табачно-алкогольной группы) в настоящее время хотя и не достигает намеченной вторым пятилетним планом суммы товарооборота 1937 г. в ценах 1932 г., но превышает сумму товарооборота 1937 г., выраженную в ценах 1937 г.

Весьма большой прирост товарных фондов в натуре во второй половине второй пятилетки при значительном снижении розничных цен даст огромный подъем реальной заработной платы.

Первая половина второй пятилетки уже дала огромный рост материального уровня трудящихся города и деревни, ускорение темпов этого роста по сравнению с предыдущим периодом.

¹ В ценах 1932 г. — См. «Второй пятилетний план», Госплан СССР, т. I, стр. 389.

² Там же, стр. 530.

Снижение цен базарной торговли идет темпами более высокими, чем это намечалось во втором пятилетнем плане. Сравним индекс цен базарной торговли по 10 крупнейшим городам в июне 1935 г. с индексами цен марта 1933 г. Март 1933 г. избран в качестве базы потому, что тогда была достигнута наивысшая точка после непрерывного роста этих цен в течение ряда лет; после этого цены пошли вниз.

За этот период цены снизились: по хлебу в $3\frac{1}{4}$ раза (на 69,4%), по овощам в 3 раза (на 65,9%), по молочным продуктам в $2\frac{1}{2}$ раза (на 58,9%), по яйцам в $2\frac{1}{2}$ раза (на 59,3%), по мясным продуктам в $1\frac{3}{4}$ раза (на 41,8%).

В среднем по всем сельскохозяйственным продуктам широкого спроса на колхозных рынках за этот период произошло снижение цен в $2\frac{1}{4}$ раза (на 55,4%).

Если сравнить по тем же 10 городам цены июня 1935 г. с декабрем 1932 г., то картина будет следующая: по хлебу снижение в 2 раза (на 45%), по овощам в 2 раза (на 46%), по молочным продуктам в $2\frac{3}{4}$ раза (на 63%), по яйцам на 41%, по мясным продуктам на 33%.

А всего в среднем более чем вдвое (на 52%).

При этом необходимо иметь в виду, что фактическое снижение базарных цен в среднем по Союзу больше, чем это следует из движения индекса цен по 10 крупнейшим городам по сравнению с декабрем 1932 г. или мартом 1933 г. Дело в том, что в конце 1932 г. и начале 1933 г. по этим 10 городам уровень базарных цен был значительно ниже, чем в большинстве пунктов Союза. Зато и эффект от развертывания ненормированной торговли и снижения в ней цен в смысле воздействия на рыночные цены хотя и сказался по этим 10 городам весьма сильно, но все же несколько слабее, чем в среднем по Союзу. Данные по другим городам (Поволжья, Украины, Урала и т. д.) показывают среднее снижение по сравнению с декабрем 1932 г. и мартом 1933 г. в 3—4 и даже больше раз. Ориентировочно можно было бы определить среднее снижение базарных цен на городских рынках к началу второго полугодия 1935 г. по сравнению с декабрем 1932 г. в размере 60% (2 с половиною раза), а с мартом 1933 г. на 65% (в 3 раза).

Динамика индексов цен по 10 городам особенно преуменьшает снижение цен на хлебные и овощные продукты. Цены на хлеб за этот период в ряде городов снизились в 6—7—8 и больше раз. Так, базарные цены на ржаную муку снизились к 25 июня 1935 г. по сравнению с 25 марта 1933 г. в 6 раз по Свердловску, в 8 раз по Сталинграду и Воронежу, в 7 раз по Магнитогорску; по пшеничной муке в 8 раз по Саратову. По Средней Азии цены на пшеничную муку за один лишь год (с июня 1934 г. до июня 1935 г.) снизились по Ташкенту в 3 раза, по Ашхабаду в $2\frac{1}{4}$ раза, по Сталинабаду в 3 раза. Среднее по Союзу снижение цен на хлеб составляет не менее 80% (в 5 раз) по сравнению с мартом 1933 г. и 70% (в $3\frac{1}{2}$ раза) по сравнению с декабрем 1932 г.

Каким исключительно ярким показателем исторических хозяйственных успехов являются все эти цифры!

Таким образом к середине второй пятилетки мы уже довольно близки к снижению базарных цен, намеченному на весь период второй пятилетки. Между тем темпы снижения базарных цен усиливаются. Они в 1935 г. несомненно выше, чем в 1934 г. Приведем при-

меры. В прошлом году базарные цены в первом полугодии по сезонным причинам оставались почти стабильными. Иное дело нынешний год — год продажи хлеба без карточек. Снижение цен перекрыло сезонные тенденции. Если в июне 1934 г. по сравнению с январем того же года цены колхозных базаров почти не изменились (снизились всего на 3,5%), то в июне 1935 г. за тот же период они снизились на 16,5%.

По хлебопродуктам в 1934 г. за этот период произошел рост на 35%, в этом же году — снижение на 30%. По овощам в 1934 г. — рост на 39%, в нынешнем же году цены почти остались стабильными (рост на 1%). По животноводческим продуктам в нынешнем году аналогичное положение.

Интересны подсчеты ЦУНХУ о снижении базарных цен в первом полугодии 1935 г. по сравнению с первым полугодием 1934 г.

Темпы снижения цен за первое полугодие в целом выше, чем в январе.

Снижение цен в 1935 г.
по сравнению с соответствующим периодом 1934 г. (в %).

Период	Хлеб	Овощи	Молочные продукты	Мясные продукты	Яйца	В среднем
Январь 1935 г. к январю 1934 г.	23,5	31,4	22,7	11,6	16,3	16,4
I полугодие 1935 г. к I полугодю 1934 г.	32,1	37,9	22,2	15,4	19,6	21,0

Особенно быстро и последовательно нарастают темпы снижения по сравнению с прошлым годом по хлебу и овощам.

Снижение цен в 1935 г.
по сравнению с соответствующим периодом 1934 г. (в %).

Продукты	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	В среднем за I полугодие
Хлеб	23,5	26,2	26,9	32,2	40,8	42,0	32,1
Овощи	31,4	31,9	33,1	39,8	41,7	45,7	37,9

Таким образом в среднем за первое полугодие 1935 г. базарные цены ниже цен первого полугодия 1934 г. на 21%.

Второе полугодие 1935 г. и начало 1936 г. должны дать дальнейший значительный сдвиг в снижении базарных цен — здесь скажется результат высокого урожая 1935 г. и дальнейшего снижения цен в ненормированной торговле.

Итак, к середине второй пятилетки потребитель на базаре может купить за ту же сумму денег в 2—3 раза больше продуктов, чем в начале второй пятилетки. Снижение базарных цен идет темпами, превышающими наметки второй пятилетки, и является дополнительным мощным фактором повышения реальной заработной платы.

IV

Мы располагаем мощной системой экономических рычагов для снижения рыночных цен. Эти экономические рычаги дали уже, как мы видели, значительный эффект, но все же они используются еще недостаточно. Сказываются неравномерность отгрузок товаров по областям и внутри областей, недостаточное развертывание торговой сети, слабое развитие децентрализованных заготовок в глубинных районах. О децентрализованных заготовках скажем подробнее ниже. Здесь же только отметим, что децзаготовители концентрируют свое внимание на базарах городов и районных центров. Тем самым они по существу слабо мобилизуют дополнительные товарные ресурсы и кроме того, взвинчивая спрос на городских базарах, ослабляют снижение базарных цен. Основным методом децзаготовок должны быть договоры с колхозами и притом прежде всего с колхозами, расположенными в глубинных районах.

Самая организация базарной торговли в недостаточной мере содействует снижению цен. Прежде всего техническая база рынков весьма и весьма далека от условий культурной торговли. Состояние рынков, как правило, еще неудовлетворительно (незамощенность площадей, теснота, беспорядок, плохое санитарное состояние, недостаток ларей, весоз, инвентаря для рубки мяса и т. д.). Весьма неудовлетворительно обслуживание колхозников и единоличников, приезжающих на рынок (ночлеги, заезжие двory, чайные, не говоря уже о культурных развлечениях, юридических консультациях и т. д.). Плохо еще организована так называемая встречная торговля, т. е. товароснабжение сети, расположенной непосредственно на территории рынка или близ нее.

Все это имеет огромное значение с точки зрения стимулирования крестьянских привозов, а тем самым и снижения цен.

Далее весьма слабо развертываются мероприятия по увеличению удельного веса колхозов в базарных привозах. Роль колхозов в базарных привозах еще незначительна (около 15% ко всему обороту). Между тем организованное участие колхозов в базарной торговле, особенно через стационарную сеть колхозов (ларьки), является серьезным фактором снижения базарных цен и преодоления спекулятивных тенденций. Колхозы, как правило, торгуют на 5—10—15% дешевле, чем колхозники и единоличники. Они могут задавать тон на рынке, давать ему направление, выбивая почву у спекулянтов, которые нередко еще появляются на рынках, вздувая цены. Ясно, какое огромное значение имеет систематическая работа по организации договоров с колхозами, по их привлечению на рынок, по созданию для них на рынке соответствующей обстановки.

В то же время совершенно недопустимо то положение, что многие рыночные комитеты зачастую безучастно смотрят на то, как орудуют на рынках спекулянты-паразиты и как сборщики, взимая с них сбор «за место», легализуют их «работу».

Неудовлетворительное состояние рынков и слабая работа рыночных комитетов прежде всего объясняются тем, что у рынков нет «единого хозяина». Городские базары, по которым уже в 1934 г. обороты одних лишь сельскохозяйственных продуктов составляли 14 млрд. руб., находятся в ведении самых различных органов. Здесь и комхозы, и жилотделы, и РУНИ, и отделы благоустройства, и внутриторги, и «земельно-зеленые тресты» (например в Кирове). Сплошь и рядом в одном и том же городе рынки находятся у разных хозяев

(иногда у шести—семи). Кроме того отдельные части рыночного хозяйства опять-таки подчинены разным хозяевам. Большинство их не имеет непосредственного отношения к делу развертывания торговли, их интересует лишь «фискальная сторона» — сборы. Вот почему лишь крайне незначительная часть поступающих сумм расходуется на оборудование рынков.

Такое положение не может быть более терпимо. Все рынки нужно передать в ведение органов НКВнуторга, который должен в максимально быстрый срок навести порядок в «рыночном хозяйстве» и развернуть работу по стимулированию привозов, особенно колхозных.

Это скажется на росте базарных привозов и усилит снижение базарных цен.

Наконец немалое значение для снижения рыночных цен имеет развертывание ярмарок. Как правило, цены на ярмарках значительно ниже базарных цен, особенно там, где ярмарки хорошо организованы. Удельный вес ярмарок в общей массе колхозной торговли должен расти. Это также усиливает регулирование рыночных цен.

Оборот колхозных ярмарок в 1934 г. по сравнению с 1933 г. учетверился. 1935 год очевидно даст рост против 1934 г. в $3\frac{1}{2}$ —4 раза. Если в 1933 г. удельный вес ярмарок в общем обороте базарной торговли не достигал и 1%, то в первом полугодии 1935 г. удельный вес ярмарок в обороте возрос почти до 5%, а в целом за год он будет равняться, повидимому, 8—9%. Это свидетельствует о росте организованности колхозной торговли и об укреплении дополнительных факторов снижения базарных цен. Однако развертывание ярмарочной торговли и главное качество ее организации еще далеко не на высоте.

Огромные сдвиги произошли в соотношении цен государственной и кооперативной торговли и цен базаров. Так называемые коммерческие цены на сельскохозяйственные продукты, как правило, выше цен базарных. Единые цены также обычно выше базарных. Это естественно, поскольку государственная и кооперативная торговля большей частью дает ряд преимуществ по сравнению с базаром — и в качестве продуктов, и в удобстве расположения сети, и нередко в качестве обслуживания потребителя. В то же время более низкие цены базаров заставляют продовольственную сеть подтянуться. За последнее время мы иногда сталкиваемся с тем, что даже цены закрытого снабжения равны рыночным. Цены товаров из децзаготовок нередко заметно выше базарных, в частности по овощам.

Все это ставит по-новому задачу маневрирования товарными ресурсами, по-новому ставится задача развертывания децзаготовок. Разница между конвенционными и базарными ценами уменьшилась. Весьма сильно увеличились товарные ресурсы села; возможности для развертывания децзаготовок значительно выросли. Чтобы охватить выросшие реальные ресурсы, от торговых организаций требуется меньше проникнуть в «глубинку», там мобилизовать дешевые с.-х. продукты и быстро их перебросить в районы потребления.

Большой интерес представляет вопрос, каково соотношение этих форм колхозно-крестьянской торговли: с одной стороны, продажи колхозами, колхозниками и единоличниками с.-х. продуктов государственным и кооперативным заготовителям (децзаготовки и закупки), а с другой — колхозно-крестьянской торговли на городских базарах и ярмарках.

хозов. В основном в 1934 г. децзаготовки велись на базарах, что удорожало их и являлось некоторым тормозом к снижению базарных цен.

В 1935 г. лишь 12% объема децзаготовок приходится на поступления по договорам (данные за 5 мес.). Таким образом процент заготовок по договорам пока понизился даже по сравнению с 1934 г.

Однако и при слабом своем развертывании децзаготовки уже в 1934 г. играли немалую роль в мобилизации продовольственных ресурсов. Так например из общей массы заготовленных с.-х. продуктов децзаготовки дали в 1934 г. по мясу — 20%, по картофелю — 41%, по овощам — 74%, по фруктам свежим — 45%.

Какие огромные возможности для мобилизации продовольственных ресурсов таятся в децзаготовках, видно из сравнения работы орсов по децзаготовкам. Чем объяснить, что одни орсы смогли мобилизовать огромные продовольственные ресурсы из децзаготовок, а другие дали сравнительно незначительное количество продуктов? Основное — в высоком качестве работы по мобилизации ресурсов и большей инициативе одних, в пассивности и слабой инициативе других.

Приведем примеры из работы некоторых орсов важнейших предприятий.

Соотношение массы продуктов рабочего снабжения, полученных в порядке децзаготовок, и массы продуктов, полученных по централизованному снабжению в 1934 г. (объем продуктов централизованного снабжения принят за 100)¹

По мясу	Тагилстрой	Уралвагон- строй	Красное Сормово
	417	244	219
	Автозавод им. Сталина	Азнефть	
	14	17	
По молочным продуктам (без масла)	Красное Сормово	Тагилстрой	Ленэнерго
	1 333	1 212	671
	Азнефть	Завод им. Пет- ровского	Азовсталь
	15	29	61
По рыбе	Уралвагон- строй	Уралмаш	Тагилстрой
	515	315	197
	Азовсталь	Автозавод им. Сталина	
	21	31	

Эта таблица наглядно иллюстрирует, какие огромные продовольственные ресурсы могут быть мобилизованы путем децзаготовок.

Итак, объем децентрализованных заготовок с.-х. продуктов значительно отстает от роста товарной продукции сельского хозяйства. Между тем децентрализованные заготовки имеют ряд преимуществ, особенно когда они охватывают глубинные районы. Они могут значительно увеличить ресурсы государственно-кооперативной торговли

¹ Таблица составлена по материалам статьи т. Вильнита в № 8 журнала «Советская торговля» за 1935 г. Проценты округлены.

и оказать огромное влияние на снижение цен на колхозном рынке, на быстрое искоренение остатков спекуляции. В то же время децзаготовки стимулируют рост товарности сельского хозяйства и избавляют колхозников от гужевого провоза продуктов, экономят его время, уменьшают нагрузку пассажирского транспорта и т. д.

Дальнейшее расширение децзаготовок может в основном идти за счет охвата «глубинки», где скапливаются значительные товарные излишки. Для того чтобы охватить «глубинку», нужно иметь специальный разветвленный аппарат. Заготовители такого аппарата не создали. Ныне существующий заготовительный аппарат громоздок, мало подвижен, слабо приспособлен к охвату «глубинки» и потому плохо загружен, весьма дорого стоит, является одной из причин убыточности торговых организаций. Накладные расходы достигают 50—60%, а кое-где и 100% к сумме заготовок. Между тем существует низовой весьма разветвленный аппарат, который мог бы быть широко использован для децзаготовок, мог бы быть превращен в основное низовое звено децзаготовок. Таким аппаратом является сельпо.

Потребкооперация, орсы, госторговля, организации общественного питания должны основную массу продуктов заготовлять через сельпо. Разумеется, не все сельпо будут в состоянии выполнять эти функции, а лишь наиболее крепкие. Связь с сельпо должна осуществляться через райзаготконторы потребкооперации. Сам Центросоюз проявляет безусловно пассивное отношение к переключению сельпо на эту работу. Заготовки через сельпо составляют пока незначительный процент всех децзаготовок. Если не считать Центросоюза, то в первом полугодии 1935 г. через сельпо прошло не более 5—10% всех децзаготовок.

Проводившиеся в некоторых районах опыты переключения децзаготовок целиком на сельпо в общем себя оправдали. Так, опыт передачи райпотребсоюзам Ленинградской области (Дедовический и Старорусский районы) монопольного права децзаготовок незерновых с.-х. продуктов для орсов и ЗРК, несмотря на ряд недочетов в руководстве со стороны уполномоченных главурсов и облконвенцбюро и особенно облпотребсоюза, дал результаты в общем положительные. Объем децзаготовок во втором полугодии 1934 г. по сравнению со вторым полугодием 1933 г. резко вырос, особенно в Дедовическом районе (рост на 195%). Значительно сократились расходы по заготовкам.

Необходимо разработать систему организационно-финансовых мер, которые позволили бы перестроить децзаготовки таким образом, чтобы основным низовым заготовительным аппаратом были сельпо. При этом сельпо должны установить тесную связь с колхозами, организуя сбыт их продукции.

В связи с затронутыми выше вопросами остановимся на задаче искоренения остатков частника. На основе исторических успехов первой пятилетки партия добилась перехода к совершенно новому виду торговли, к советской торговле, т. е. торговле без капиталистов малых и больших, к торговле без спекулянтов малых и больших. Далеко ушло то время, когда частник, городской нэпман и тесно смыкавшийся с ним кулак широко черпали свои товарные ресурсы из преобладавшего тогда единоличного сельского хозяйства, из некооперированной кустарной промышленности. Тогда еще пролетарская диктатура допускала в определенных границах частнокапиталисти-

ческую торговлю. Сейчас частная торговля, превратившаяся в хищнический паразитический нарост, ликвидирована.

Пролетарская диктатура располагает уже достаточно мощным собственным советским торговым аппаратом для обслуживания городского и сельского населения, она смогла уже непосредственно сомкнуть город и деревню через государственную и кооперативную торговлю, через торговлю колхозов, колхозников и трудящихся единоличников, без частника-паразита.

Эта ликвидация частной торговли однако не означала, что остатки частнокапиталистических спекулятивных элементов оставили попытки возродить свою «деятельность». Капиталистические элементы вытеснены из всех сфер народного хозяйства, «социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве», «мы имеем... превращение социалистической системы в единственную систему всего народного хозяйства» (Сталин). Но гибнущие остатки, охвостья капиталистических элементов продолжают отчаянно сопротивляться.

Россия яэповская превратилась в Россию социалистическую, но окончательно еще не прекратилось зарождение новых капиталистических элементов, хотя и в незначительном количестве. Область рыночных отношений, особенно колхозной торговли, не только не является здесь исключением, но сравнительно с другими участками представляет относительно больше возможностей маневрирования для остатков капиталистических элементов, всячески маскирующихся и пытающихся втягивать в орбиту спекуляции также и отсталые слои трудящихся.

Тов. Сталин, говоря о развертывании советской торговли, в то же время подчеркивал, что «могут вновь появиться в товарообороте по закону атавизма частные торговцы и спекулянты, используя для этого наиболее удобное для них поле, а именно—колхозную торговлю. Более того, сами колхозники иногда не прочь пуститься в спекуляцию, что не делает им, конечно, чести. Но против этих нездоровых явлений у нас имеется недавно изданный закон Советской власти о мерах пресечения спекуляции и наказания спекулянтов»¹.

Задача заключается в том, чтобы, преодолевая благодушие и самотек, проявить и здесь максимальную бдительность и большевистскую решительность в целях полного искоренения остатков классового врага. Все возможности для этого налицо. Не говоря уже о таких возможностях, как меры административного воздействия на спекулянтов, меры массово-воспитательной работы в отношении трудящихся деревни, не говоря наконец об огромных успехах в деле укрепления большевистского руководства колхозами, отметим резкий рост экономических условий для полного преодоления спекуляции. Огромное значение в этой связи имеет широкое развертывание ненормированной торговли, отмена карточной системы и двойных цен, открывавших лазейку для перепродажи и спекуляции. Повсеместное широкое насыщение рынка растущими товарными фондами, пускаемыми в ненормированную продажу,— вот тот мощный экономический рычаг, которым располагает сейчас пролетарское государство для полного искоренения остатков спекуляции.

Задача местных организаций в том, чтобы умело использовать все эти возможности. Однако это далеко не всюду выполняется с долж-

¹ Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г., «Вопросы ленинизма», стр. 505, изд. 10-е.

ным успехом, и частник всячески пытается использовать в своих интересах недочеты советской торговли. Так, он пытается широко использовать хищения в государственной и кооперативной торговле в качестве источника своих «оборотов». Теснейший контакт рыночного спекулянта с жуликами прилавка, с растратчиками и ворами торгово-кооперативного аппарата, а иногда и соединение их в одних и тех же лицах — вот одна из важнейших причин наличия еще остатков спекуляции на рынке. Спекулянт пытается в максимальной степени использовать далеко не ликвидированные еще пережитки капитализма в советском торговом аппарате, находящие свое выражение в различных формах обмана потребителя и в огромных еще размерах растрат и хищений. О размерах растрат и хищений в торговом аппарате говорят следующие данные. В 1934 г. по Главторгу было привлечено к судебной ответственности за растраты и хищения около 18% всех работников. По потребкооперации растраты и хищения в 1934 г. даже выросли. Выявленные в течение 1934 г. недостачи, растраты и хищения по орсам составили 1,2% к их годовому розничному обороту. До сих пор борьба с расхитителями социалистической собственности в торговле не развернута еще в должной степени, а между тем это одна из важнейших форм классовой борьбы в области товарооборота.

Торгово-кооперативный аппарат еще в немалой степени засорен проникшими туда классово чуждыми элементами. «Главное в «деятельности» этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности»¹. Всячески используя хищения как источник своей деятельности, спекулятивное охвостье тщательно следит за степенью насыщенности рынка тем или иным товаром, «работая» главным образом по линии товаров, наиболее дефицитных для данного района и данного отрезка времени. В частности спекулянт старается использовать любые промахи в части завоза товаров нужного ассортимента, а также недостаточное развертывание децентрализованных заготовок. Насыщение рынков товарами даже в пределах одной и той же области еще весьма неравномерно. Перекупщик пользуется этим; пользуется огромной разницей в рыночных ценах в пределах одной и той же области для спекулятивной переброски товаров из одного города в другой. Далее, спекулянт пытается использовать имеющие нередко место благодушие и либерализм местных административных и финансовых органов, зачастую смотрящих сквозь пальцы даже на открытую «деятельность» спекулянтов-перекупщиков.

Спекулянт-перекупщик пытается маскироваться под кустаря, под колхозника. Известно немало фактов — например Ярославский рынок в Москве и др., — когда под видом кустаря-одиночки выступают капиталисты-предприниматели. Кое-где финорганы своей налоговой практикой фактически поощряли спекулятивную деятельность единоличников, ставя их в налоговом отношении даже в привилегированное положение по сравнению с честно работающими колхозниками. Мы имеем острый рост колхозной торговли, резкое снижение в ней цен, повышение в связи с этим благосостояния трудящихся, но в ряде мест успехи могли быть еще большими, если бы местные органы по-настоящему руководили колхозной торговлей и по-

¹ Сталин, Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г., «Вопросы ленинизма», стр. 507, изд. 10-е.

настоящему боролись с перекупщиками. Развитие колхозной торговли и борьба с перекупщиками неразрывно связаны. Как правило, там, где городские и районные советы и органы милиции либеральничают со спекулянтами, колхозная торговля организована плохо. Во многих городах советы, рыночные комитеты, милиция сами слабо борются с перекупщиками и не привлекают пролетарскую общественность, которая могла бы оказать огромную помощь в очистке колхозных рынков от присосавшихся к ним спекулянтов-паразитов. В ряде городов еще довольно сильно ощущается деятельность спекулянтов, создающих кое-где искусственный ажиотаж и очереди в государственных магазинах, перепродающих товары по повышенным ценам на рынках, вносящих элементы дезорганизации в колхозный рынок.

Они нередко буквально преграждают колхозам и колхозникам путь на рынок, производя массовую скупку сельскохозяйственных продуктов еще на дорогах и продавая их мелкими порциями на рынках по вздутым ценам. В некоторых городах спекулянты с утра скупают оптом у колхозников продукты, с тем чтобы через час эти продукты перепродать тут же, на базаре, со значительной накидкой. При этом кое-где недостаток весов, инвентаря для рубки мяса, незаконные поборы рыночных комитетов за взвешивание продуктов, за рубку мяса и т. д. способствуют оптовой продаже продуктов спекулянтам.

Еще даже в нынешнем году спекулянты в некоторых городах открыто вели агитацию среди колхозников за повышение цен, иногда тут же «комиссионно» сбывали продукты колхозников по вздутым ценам и получали за «услуги» половину разницы в цене.

Местные организации, которые призваны обеспечить советский порядок на колхозных рынках, несут за все это полную ответственность. Переход к «советской торговле без капиталистов малых и больших, без спекулянтов малых и больших» кое-кто воспринял как основание для самоуспокоения и благодушия, понял как прекращение классовой борьбы на этом участке. Реализованный партией лозунг о советской торговле требует значительного усиления борьбы с остатками частнокапиталистических элементов в торговле, полного их искоренения. Беспощадное искоренение жуликов в советском аппарате, равномерное насыщение рынка товарными фондами, правильное руководство колхозными базарами и ярмарками, развертывание децзаготовок, изгнание спекулянтов из кустарных артелей, усиление административных мер по искоренению спекулянтов — все это окончательно уничтожит охвостье частника, паразитов-спекулянтов.

V

По-новому вырастает роль рыночной цены и ее экономического регулирования. Заметно усиливается значение рыночной цены и ее регулирования для реальной заработной платы. Обороты базарной торговли с.-х. продуктами широкого спроса достигнут в городах в 1935 г. около 16 млрд. руб. в ценах колхозных базаров. Если перевести это в цены продовольственных продуктов государственной и кооперативной ненормированной торговли, то этот оборот колхозных базаров будет близок к 18—20 млрд. руб. (цены базаров несколько ниже, чем цены ненормированной торговли). Это значит, что масса продовольственных продуктов, реализуемых на городских колхозных рынках, составит около 30% всех продовольственных фондов, реа-

лизуемых через государственную и кооперативную торговую сеть, включая и фонды имеющего в 1935 г. место нормированного снабжения.

Снижение базарных цен на 10% дает потребителю более чем 1½ млрд. руб. экономии. В первом полугодии нынешнего года базарные цены в среднем ниже базарных цен первого полугодия 1934 г. на 21%. Если даже предположить, что этот процент снижения цен останется и на второе полугодие (хотя следует ожидать, что он увеличится), то это будет означать экономию для потребителя в 3—3½ млрд. руб. А основным покупателем на городских колхозных рынках является рабочий и служащий. Однако дело не только в росте значения базарной торговли для реальной зарплаты.

Значительно усиливается роль экономического регулирования рыночной цены как рычага, при помощи которого пролетарская диктатура воздействует на сельское хозяйство, стимулируя рост производства и товарной массы с.-х. продуктов. В условиях преобладания карточной системы возможностей для такого использования цены было гораздо меньше.

Далее, рыночные цены становятся одним из существенных показателей торговой «конъюнктуры». Уровень и движение рыночных цен в том или ином районе на те или иные продукты, соотношение этих цен между районами и между продуктами служат существенным материалом для практики регулирующих товарооборот органов и для самих торговых организаций. Этот материал дает им известное представление о насыщенности данного района продуктами, о степени напряженности спроса, о равномерности товароснабжения, о качестве работы товаропроводящей сети. Поэтому внимательное изучение движения базарных цен является необходимым условием для правильного маневрирования товарными массами, для правильного регулирования товарооборота на современном этапе, когда от торговых организаций требуются максимальная гибкость и поворотливость, максимальный учет потребительского спроса. В условиях преобладания карточной системы эта роль рыночной цены как показателя торговой «конъюнктуры» не могла получить такого развития, как сейчас.

Отмена карточной системы и переход к единой розничной цене означают установление новых соотношений рыночных цен между районами и между с.-х. продуктами. Благодаря этому регулируемая государством базарная цена приобретает гораздо большую силу воздействия на с.-х. производство.

Остановимся на этом подробнее.

По сравнению с периодом преобладания карточной системы рыночные цены пришли в большее соответствие с характером районов, резко сократилась разница в ценах между ними.

Приведем несколько типичных примеров. Если принять рыночные цены Москвы за 100, то рыночные цены нижеследующих городов составляли:

Период	Сталинград	Запорожье	Днепропетровск	Грозный	Харьков
	Пшенич. мука	Пшенич. мука	Пшеница	Молоко	Картофель
Весна 1933 г. . . .	160	140	230	160	215
Весна 1935 г. . . .	75	95	100	65	135

Это является одним из показателей огромных успехов в развертывании товарооборота между городом и деревней, между областями и районами, в развертывании колхозной торговли. Ясно, что оживление и повсеместное развертывание товарооборота при отмене карточной системы приводят к соответствующему выравниванию цен, к сокращению разницы цен между районами.

Известное межобластное и внутриобластное расхождение цен неизбежно. Достаточно взглянуть на карту СССР, чтобы сразу бросилось в глаза исключительное многообразие районных особенностей, которые не могут не проявиться в уровне рыночных цен. Это скажется и в установлении различных (поясных) цен на ряд продуктов в государственной и кооперативной торговой сети (например по хлебу). По ряду продуктов — овощи и др. — цены в государственной и кооперативной торговле устанавливаются местными органами.

Неизбежно некоторое расхождение в рыночных ценах даже в пределах одной и той же области. Однако размер межобластных и даже внутриобластных различий в рыночных ценах еще чрезмерно велик, несмотря на достигнутое их сокращение. Одно дело — различия в рыночных ценах в период преобладания карточной системы, другое дело сейчас, когда отменена карточка на хлеб, когда постепенно завершается переход к единой цене по всем основным продуктам, когда неизмеримо возрастают возможности экономического регулирования рыночных цен, когда широко развертывается товарооборот между городом и деревней. Одно дело, когда торговые организации все внимание направляют на снабжение в соответствии с контингентами, нормами, списками, установленными в централизованном порядке; другое дело, когда они обязаны обеспечить более равномерное продвижение товаров во все районы и тщательно следить за степенью насыщения потребительского спроса. Торговые организации должны тщательно следить за уровнем базарных цен на с.-х. продукты как за одним из существенных показателей степени удовлетворения потребительского спроса. Этого еще не наблюдается в должной мере. Нередко торговые организации в чрезмерном количестве направляют продовольственные продукты в районы, где базары насыщены этими же продуктами, продаваемыми там по гораздо более низким ценам. В то же время нередко весьма слабо снабжаются те районы, где чрезвычайно товарные с.-х. ресурсы и базарные привозы, где крайне высоки базарные цены. Конечно торговые организации не должны строить свое снабжение исключительно в зависимости от объема и степени насыщения покупательского спроса населения в том или ином районе. Ясно, что принимается во внимание значение района, роль и структура индустрии, сырьевые ресурсы, географическое положение, транспортные условия, издержки обращения и т. д. Но и при учете всех этих моментов должна быть достигнута гораздо большая равномерность в снабжении районов, чем в условиях преобладания карточной системы. Между тем торговые организации, равно как и планирующие и регулирующие товарооборот органы, еще плохо учитывают все эти особенности районов. Они допускают слабое снабжение и значительную высоту базарных цен в пунктах, имеющих большое экономическое, в частности индустриальное, значение при наличии значительных ресурсов и весьма низких ценах в пунктах, расположенных буквально рядом и находящихся в весьма благоприятных транспортных условиях для переброски товаров.

Задача сокращения межобластных и внутриобластных различий в ценах зависит от укрепления межобластных и внутриобластных рыночных связей. Развитие и укрепление этих рыночных связей, ликвидация неизжитой до конца некоторой разобщенности местных рынков зависят от гибкости, поворотливости, маневренности наших торговых организаций. Для того чтобы с полным успехом владеть рынком, торговые организации должны преодолеть до конца прежние методы работы, перешедшие от периода преобладания карточной системы.

Тов. Сталин подчеркнул необходимость развернутого товарооборота между районами и областями страны. Однако до сих пор неравномерность завоза товаров по районам нередко создает искусственный дефицит в одних местах при заготовлении в других. И это происходит, несмотря на резкое улучшение работы транспорта. Нередко встречается плохая организация развернутого товарооборота даже между соседними районами. Об этих недочетах торговой сети говорят исключительно большие различия базарных цен в пределах одной и той же области. Приведем примеры: 30 июня базарные цены на картофель в одних пунктах Московской области превышали цены на картофель того же сорта в других пунктах той же области в 10 раз (в Волоколамске он стоил 15 коп. 1 кг, а в Москве 62 коп., в Рязани 25 коп., а в Сталиногорске 1 р. 50 к.). Так же разнились между собою цены на свежую капусту в Сталинградском крае: в Астрахани — 35 коп. 1 кг, в Сталинграде — 3 р. 50 к. 15 июля цена на свежую капусту в Армавире составляла 15 коп. за 1 кг, в Ейске — 60 коп., а в Сочи — 1 р. 50 к. В первой половине июля цены на свежую капусту в Днепропетровске были в 6—7 раз дороже, чем в Кривом Роге, а в Павлограде 5 июля — даже в 15 раз дороже. Характерно при этом, что в ряде городов цены на овощи в торговой сети выше, чем на базаре.

Ясно, что здесь сказываются недочеты в товаропродвижении, неприспособленность торгового аппарата к новой обстановке.

Развитие товарооборота и укрепление рыночных связей во многом зависят от состояния транспорта. В настоящее время торговые организации получают новый мощный фактор для улучшения работы.

Значительный подъем погрузки и ускорение оборота вагонов уже сейчас привели к резкому изменению условий работы торговых организаций.

В настоящее время сплошь и рядом торговые организации не только не могут «жаловаться» на ж.-д. транспорт за задержку товарооборота, но и сами нередко не поспевают за транспортом и являются объектом нападков с его стороны за неповоротливость. Это значит, что сейчас резко повышаются требования к торговым организациям, к своевременному равномерному выполнению планов отгрузки, к быстрой мобилизации и переброске товарных ресурсов.

Огромную роль в развертывании товарооборота и укреплении рыночных связей, особенно внутриобластных, может сыграть автомобильный транспорт. На основе быстрого роста автопромышленности значительно вырастает автопарк торговых организаций и колхозов.

Кроме того в большей мере, чем сейчас, может быть дополнительно использован автотранспорт других организаций и предприятий

для продвижения товаров широкого потребления, особенно в некоторые месяцы. Это относится в первую очередь к автотранспорту в сельском хозяйстве, где сезонная неравномерность нагрузки недостаточно используется для усиления перевозок товаров широкого потребления. Райпотребсоюзы и сельпо в гораздо большей степени могли бы использовать автотранспорт и гужевой транспорт совхозов, МТС и колхозов. Орсы имеют огромные возможности для дополнительного использования автотранспорта предприятий.

Опираясь на быстро растущий автопарк, торговые организации обязаны значительно усилить свою работу по мобилизации товарных ресурсов, в частности с.-х. продуктов в глубинных пунктах, и быстрой переброске их в соответствующие районы.

Отмена карточной системы и переход к единым ценам означают установление новых соотношений между ценами на зерновые и на животноводческие продукты. Опираясь на разрешение зерновой проблемы и на возросшие возможности регулирования рыночных цен, пролетарская диктатура использует цену как рычаг усиления рентабельности животноводства, как одно из орудий подъема животноводства. Отмена карточной системы по хлебопродуктам и более значительное снижение цен на хлебопродукты в ненормированной торговле, чем на животноводческие продукты, наряду с другими положительными результатами усилили стимулы к дальнейшему подъему животноводства. Именно в процессе отмены карточной системы, когда резко усилилось экономическое значение цены, когда цена в ненормированной торговле стала регулировать рыночные цены, выросли эти возможности влиять через цену на отрасли сельского хозяйства с учетом состояния этих отраслей.

Рыночные цены на животноводческие продукты — даже на мясо — значительно снизились за последние 2 года. Это снижение цен происходит в условиях роста животноводства и свидетельствует о резком оздоровлении состояния рынка. В самом деле, в 1932 — 1933 гг. стадо сокращалось, происходил чрезмерный убой скота, а между тем цены на мясо росли. Сейчас происходит интенсивный подъем животноводства, забой стал нормальным, а цены на мясо снижаются. Происходит это благодаря огромному росту общих товарных ресурсов сельского хозяйства и сильному укреплению экономического регулирования рынка. Блестяще разрешена зерновая проблема, отменена карточная система по хлебу, резко снизились цены на хлеб, — а хлебные цены имеют первостепенное значение на рынке, — все это не могло не сказаться и на ценах животноводческих продуктов, в частности мяса. Далее, уже сказывается прирост животноводческих товарных ресурсов, связанный с увеличением продуктивности животноводства (например молочные продукты). Сильно растет товарная продукция «скороспелого» скота, дающего быстрый «оборот» стада (например свинина). Огромный рост дает продукция птицеводства. Однако, как выше было отмечено, снижение цен на животноводческие продукты идет естественно медленнее, чем на продукты земледелия. В связи с этим и изменяется соотношение цен.

Обратимся к соотношениям цен животноводческих продуктов и ржаной муки по Москве и Саратову (см. табл. на стр. 76).

Соотношение базарных цен на животноводческие продукты и базарных цен на ржаную муку
(базарные цены за 1 кг ржаной муки приняты за 1)

	Говядина	Сливочное масло	Молоко	Яйца
	(кг)	(кг)	(литр)	(десяток)
Москва. Весна 1933 г.	2,0	5,0	0,25	1,5
» 1934 г.	3,0	7,0	0,5	2,0
» 1935 г.	6,0	11,0	0,8	3,0
Саратов. Весна 1933 г.	1,2	2,5	0,25	0,9
» 1934 г.	4,0	5,8	0,4	2,2
» 1935 г.	8,0	12,0	0,9	5,0

Таким образом за два года отношение цен по Москве изменилось «в пользу» животноводческих продуктов в 2—3 раза, а по Саратову даже в 4—5—6 раз, несмотря на значительное снижение цен на животноводческие продукты.

Примеры этих двух городов безусловно типичны.

Особенно резкие сдвиги в этом направлении произошли за последний год, когда сказались отмена карточной системы по хлебопродуктам и связанное с этим особенно резкое снижение цен на хлеб.

Приведем еще несколько типичных примеров изменения соотношения базарных цен «в пользу» животноводческих продуктов за период с 25 июня 1934 г. по 25 июня 1935 г.

Примем за 100 отношение базарных цен на животноводческие продукты (говядину, масло сливочное, молоко, яйца) к базарным ценам ржаной муки на 25 июня 1934 г. Тогда отношение цен на те же продукты 25 июня 1935 г. по сравнению с отношением цен 25 июня 1934 г. выразится в следующих данных:

Города	Говядина	Масло сливочное	Молоко	Яйца
Минск	2,7	2,0	2,4	1,6
Смоленск	3,7	3,3	3,1	2,7
Киев	2,0	1,7	1,7	1,6
Ворнеж	1,5	1,7	2,0	1,6
Семипалатинск	3,0	2,5	1,9	2,2
Оренбург ¹	2,2	2,4	2,0	2,0
Уфа	2,3	1,5	1,6	1,6
Куйбышев ¹	3,5	3,3	3,8	3,3

Все это — один из показателей роста в связи с отменой карточной системы значения цены как экономического рычага пролетарской диктатуры.

Усиление роли цены как экономического рычага пролетарской диктатуры сказалось и в отношении технических культур, относительная рентабельность которых по сравнению с зерновыми повысилась. Значительно повышены заготовительные цены на технические культуры. Этим были перекрыты потери на повышении хлебных цен в связи с отменой отоваривания хлебом. Связанно с этим резкое возрастание суммы денежного оборота в районах технических культур

¹ Отношение цен животноводческих продуктов к ценам пшеничной муки.

и повышение роли рубля еще больше стимулируют производство технических культур.

Так, большое значение для дальнейшего стимулирования хлопководства имеет широкое развертывание ненормированной продажи хлеба и резкое снижение базарных цен в хлопководческих районах.

Приведем примеры по Средней Азии (они в основном типичны и для других хлопководческих районов). Базарные цены на хлеб в хлопководческих районах Средней Азии снизились за год (июнь 1935 г. к июню 1934 г.) в $2\frac{1}{2}$ —3 раза (на 60—65%). Это говорит о резком возрастании хлебных фондов в Средней Азии. В то же время заготовительные цены на хлопок (как и на другие технические культуры) в связи с отменой отоваривания хлопка хлебом повышены примерно в 4 раза. Все это означает повышение реального значения заготовительной цены на хлопок для хлопкороба. Далеко не маловажное экономическое значение в этой связи имеет тот факт, что соотношение между заготовительной ценой на хлопок и ценой хлеба, приобретаемого декханином без норм, изменилось за один год «в пользу» хлопка в 10 раз.

Таковы некоторые новые моменты, связанные с отменой карточной системы, дальнейшим развертыванием товарооборота, укреплением рубля и повышением роли цены.

Внимательное изучение этих моментов имеет большое теоретическое и непосредственно практическое значение.

К теории товара

Изучая товар как исходный пункт капитала, политическая экономия изучает вместе с тем и простое товарное производство.

Простое товарное производство представляет особый способ производства, т. е. особый способ соединения непосредственного производителя со средствами производства. Характеризуясь частной собственностью непосредственных производителей на средства производства и продукты своего труда, этот способ производства коренным образом отличается от первобытно-коммунистического, античного (рабовладельческого) и феодального; он отличается существенным образом от капиталистического, и в то же время однотипен с последним.

Тот и другой основаны на частной собственности на средства производства и являются товарным производством. Но однотипность не есть тождество. Простое товарное производство только в определенных исторических условиях перерастает в капиталистическое, становится таковым.

Механисты рассматривают простое товарное производство как совершенно отличный от капитализма тип производства. Методологически отрицание однотипности простого товарного производства и капиталистического есть основа правооппортунистической оценки экономической сущности крестьянства. С другой стороны, отрицание идеалистами реальности простого товарного производства, толкование его только как «абстракции» развитого капиталистического общества является методологической основой меньшевистского и — его разновидности — троцкистского понимания природы мелкотоварного крестьянского производства и отношения к крестьянину — мелкому товаропроизводителю.

Маркс писал: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, когда первоначальное восточное общинное владение уже разложилось, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»¹.

Представляя собой весьма значимую реальность в восточном, античном, феодальном, капиталистическом обществах, в переходный от капитализма к социализму период, простое товарное производство не является однако господствующим способом производства ни в какой период истории, ни в какой стране. Этот способ не представляет со-

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 323—324, изд. 1920 г.

бой общественно-экономической формации, образуя лишь уклад в разных формациях и в переходной экономике.

Только в переходной экономике — в этот краткий период продолжительной истории своего существования — простые товаропроизводители не эксплуатируются господствующим способом производства. Во всех же обществах, основанных на эксплуатации одного класса другим, простые товаропроизводители жестоко эксплуатируются господствующими классами, хотя и в иной форме, чем эксплуатация рабов, крепостных крестьян, наемных рабочих. Методы, формы этой эксплуатации разнообразны: налоги, участие в войнах, разоряющее действие конкуренции с крупным рабовладельческим производством в античном обществе, с капиталистическим — в обществе буржуазном, разорение мелкого товаропроизводителя торговым, ростовщическим капиталом.

В этих обществах самостоятельность, независимость простых товаропроизводителей в значительной мере является иллюзорной. Простой товаропроизводитель значительную часть продукта своего труда вынужден отдавать государству, ростовщику, торговцу, церкви. Сама товарная форма продукта труда мелкого товаропроизводителя — товар, деньги — является одной из основ эксплуатации этого производителя господствующим классом. Известно, как бичевал Ленин «слащавую народническую сказку» о «самостоятельности» русского крестьянства; землю, которой «независимый» крестьянин владеет, он оплачивает в два раза дороже ее действительной цены; «свободный» крестьянин опутан тысячами нитей пережитков феодальной эксплуатации. «Независимый» мелкий производитель эксплуатируется капиталистом. Маркс неоднократно подчеркивал тот факт, что в капиталистическом обществе собственность крестьянина — мелкого товаропроизводителя — на землю стала номинальной: у крестьянина остается иллюзия собственности, но отнимаются плоды его собственного труда. Подчеркивание иллюзорного характера самостоятельности, независимости простого товаропроизводителя отнюдь не означает конечно отрицание реальности простого товарного производства.

Мелкий товаропроизводитель в товарном обществе неизбежно является мелким буржуа. Для Маркса и Ленина понятие «мелкий буржуа» равнозначно понятию мелкий производитель в условиях производства на рынок. «Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного производства, — вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа»¹.

Крестьянин-середняк, не эксплуатирующий чужого труда, является все же «мелким буржуа»; как товаропроизводитель он является собственником, торговцем. Однако мелкий буржуа в этом определении не совпадает с понятием капиталиста, с понятием буржуа как эксплуататора труда других.

Кулак — сельский буржуа — буржуа уже в собственном смысле слова: он эксплуататор.

Для Ленина признание мелкого товаропроизводителя-крестьянина мелким буржуа ни в какой степени не дает основания видеть в этом крестьянине сплошную реакционную силу, враждебную революционному пролетариату, как это считают меньшевики и контрреволюционный троцкизм. Мелкий товаропроизводитель есть вместе с тем и тру-

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 272, изд. 2-е.

жен и к. Это делает возможным союз пролетариата с крестьянством в социалистической революции под руководством пролетариата, союз, возможность которого теоретически доказана Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным. Последовательное проведение этого союза в нашей пролетарской революции под руководством Ленина и Сталина в непримиримой борьбе с троцкизмом и правым оппортунизмом обеспечило победу социализма в городе и деревне, обеспечило социалистическую перестройку мелкотоварного крестьянского производства.

В противоположность народникам, не видевшим никакой связи крупной промышленности с мелкими крестьянскими промыслами, писавшими об «искусственности», «беспочвенности» капитализма в России, Ленин показал, что капитализм растет именно из мелкотоварного производства, что мелкотоварное производство является первой стадией капиталистического. Три главные стадии развития капитализма в русской промышленности — это, пишет Ленин, «мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)»¹. «...Основная тенденция мелкого товарного производства состоит в развитии капитализма, в частности — в образовании мануфактуры, а мануфактура на наших глазах с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию»². Простые товаропроизводители превращаются одни — в мелких капиталистов, т. е. в эксплуататоров, другие — в наемных рабочих, т. е. в эксплуатируемых. В мелкой промышленности зарождается и существует простая капиталистическая кооперация. «Из раздробленного мелкого производства вырастает капиталистическая простая кооперация»³.

Мелкое товарное производство является первой стадией капиталистического в том смысле, что именно в мелкой промышленности появляется эксплуатация труда, сначала в виде формального подчинения труда капиталу и затем — в виде первой ступени реального подчинения — простая капиталистическая кооперация. И простой товаропроизводитель и владелец мелкой мастерской с наемным трудом — все это «мелкотоварное производство». Но тогда как мелкотоварное производство в виде мелкой мастерской с эксплуататором во главе составляет уже настоящее капиталистическое производство, простой товаропроизводитель, самостоятельно производящий и самостоятельно связанный с рынком, капиталистического производства еще не составляет; это — зародыш, эмбрион последнего.

Понятия «мелкотоварное производство» и «простое товарное производство» употребляются часто в одном и том же смысле: под мелким товаропроизводителем обычно разумеется именно простой товаропроизводитель. В действительности же простой товаропроизводитель есть вместе с тем и мелкий товаропроизводитель, обратное же бывает не всегда. В то время как простое товарное производство может быть названо первой стадией капиталистического лишь в смысле однотипности с ним, в смысле зародыша последнего, мелкое производство с эксплуатацией чужого труда яв-

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 423.

² Там же, стр. 423—424.

³ Там же, стр. 274—275.

ляется уже непосредственной стадией капиталистического, оно есть капиталистическое производство.

Ленин показал вместе с тем, что при наличии диктатуры пролетариата перед простым товаропроизводителем открывается другой путь — некапиталистического развития, путь социалистической перестройки его революционным пролетариатом, владеющим государственной властью и командными экономическими высотами. Победоносное осуществление ленинского кооперативного плана партией во главе с т. Сталиным достигнуто на основе правильного понимания природы крестьянина — мелкого товаропроизводителя, на основе осуществления тесного союза пролетариата с основной массой его в деле социалистического строительства, на основе руководства пролетариата этим мелким товаропроизводителем.

У Маркса самое общее и наиболее следовательно абстрактное определение потребительной стоимости товара заключается в том, что потребительная стоимость есть полезность данной вещи, способность ее удовлетворить человеческую потребность того или иного рода. Как полезность потребительная стоимость есть определенный предмет, вещь. В этом своем определении потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства во всяком обществе. Но в этом своем определении «потребительная стоимость хотя и составляет предмет общественных потребностей и потому включена в общественную связь, не выражает, однако, никакого общественного производственного отношения»¹. Потребительную стоимость как полезность продукта безотносительно к экономической форме последнего политическая экономия не изучает. «Потребительная стоимость в этом безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость, находится вне круга исследования политической экономии»². В своем безразличии к экономической форме продукта «потребительные стоимости товаров составляют предмет особой, самостоятельной дисциплины — товароведения»³. В политической экономии потребительная стоимость изучается не как полезность вообще, а как определение экономической формы. К области политической экономии потребительная стоимость, пишет Маркс, «принадлежит лишь там, где она сама есть определение формы»⁴.

Меньшевик-вредитель, фальсификатор марксизма Рубин пытался, как известно, «доказать», что определением экономической формы потребительная стоимость является только в денежном товаре, в обычном же товаре, равно и в специфическом товаре — рабочей силе — потребительная стоимость определением экономической формы будто бы не является, а есть натуралистическая, техническая категория и потому может быть всего лишь «предпосылкой» политической экономии.

В действительности же в товарном обществе потребительная стоимость является определением экономической формы; в этом обществе потребительные стоимости «являются в то же время веще-

¹ М а р к с, К критике политической экономии, стр. 47, изд. 1933 г.

² Там же.

³ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 2, изд. 1920 г.

⁴ М а р к с, К критике политической экономии, стр. 47.

ственными носителями меновой стоимости»; потребительная стоимость товара есть «вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение — меновая стоимость»¹.

Решающим в определении потребительной стоимости товара для Маркса является не то, что потребительная стоимость есть общественная полезность, полезность для других, а не индивидуальное отношение человека к вещи. Ведь полезность продукта труда во всех обществах, при всех способах производства является общественной полезностью; во всяком обществе труд имеет общественный характер, люди так или иначе работают друг на друга, полезность продуктов общественного труда не может не быть общественной полезностью.

Потребительная стоимость товара имеет не просто общественный, а специфически общественный характер — это полезность для других, реализуемая через посредство рынка. Именно поэтому потребительная стоимость, изучаемая Марксом в политической экономии, есть специфически историческая потребительная стоимость.

Специфически исторический характер потребительной стоимости товара означает и то, что в нашем советском хозяйстве продукт труда в социалистических предприятиях не имеет потребительной стоимости как противоположности стоимости, как вещественной основы меновой стоимости. Потребительная стоимость советского товара — продукта социалистически обобществленного труда — есть непосредственно общественная полезность; она имеет у нас огромное значение, но роль ее в определении общественной формы продукта труда совсем иная, чем роль потребительной стоимости в товарно-капиталистическом обществе.

Во всяком обществе труд является общественным, ибо, пишет Маркс, во всяком обществе люди в той или иной форме работают друг на друга. Во всяком обществе производство является общественным. Общественным оно является и в простом товарном хозяйстве. Неверно распространенное у нас мнение, будто в простом товарном хозяйстве труд является общественным, производство же — нет. Такой разрыв, противопоставление труда и производства неправильны. В простом товарном хозяйстве производство является общественным — в смысле общественной обусловленности производства отдельных, обособленных, раздробленных производителей. В капиталистическом хозяйстве производство является общественным как в смысле общественной обусловленности производства отдельных предприятий, работающих на рынок, связанных рынком, так и в смысле обобществления труда, в специфической форме, на отдельных предприятиях (капиталистическая кооперация труда). По отношению к простому товарному производству и производству капиталистическому определение производства как общественного является следовательно не совсем идентичным. В капиталистическом обществе значительно сильнее развита связь, зависимость отдельных предприятий друг от друга через рынок и в то же время имеется обобществление труда на отдельных предприятиях методами реального подчинения труда капиталу.

Двойственность труда как общественного и в то же время частного является основной характеристикой труда, заключенного в това-

¹ Маркс, К критике политической экономии, стр. 47, изд. 1933 г.

ре. Именно эта двойственность обуславливает собой двойственность труда как конкретного и абстрактного, двойственность товара как потребительной стоимости и стоимости. Попытки понять двойственность труда как конкретного и абстрактного без понимания двойственности его как частного и общественного являются результатом непонимания действительного противоречия труда и противоречия товара.

Труд товаропроизводителя является одновременно и частным и общественным. Непосредственно он выступает как труд частный, его общественный характер скрыт. Но из того, что труд является непосредственно частным и скрыто общественным, отнюдь не следует, что характеристика труда как частного в товарном обществе является основной, решающей, а характеристика его как общественного — второстепенной, производной, как бы надстройкой. Частный труд не есть форма проявления, частный труд — характернейшая черта самой сущности труда товаропроизводителя, труда, заключенного в товаре, представленного товарами. Совершенно неверным является встречающийся в нашей литературе прием — двойственность труда товаропроизводителя, труда, заключенного в товаре, подменять двойственностью труда частного. Согласно этой концепции, двойственным является не труд товаропроизводителя, не труд, заключенный в товаре, а частный труд; вместо того чтобы говорить об общественном характере труда товаропроизводителя, труда, заключенного в товаре, говорят об общественном характере частного труда¹. Эта подмена труда товаропроизводителя одной стороной его, его частным характером, есть не что иное, как фактическое устранение двойственности труда, отрицание того, что общественным является труд в самом производстве, это есть разновидность меновой концепции.

И до товарного хозяйства труд мелкого производителя был общественным — производство на помещика, производство в форме семейного, т. е. элементарно общественного, производства — был «общественным трудом внутри семейных границ»².

С появлением товарного производства труд стал общественным уже в другом масштабе и характере и в то же время трудом частным. В «К критике политической экономии» Маркс пишет о том, что «исходным пунктом является не труд индивидов как общественный труд, а наоборот, особенный труд частных индивидов, труд, который только в процессе обмена, через уничтожение его первоначального характера, обнаруживает себя как всеобщий общественный труд. Следовательно, всеобщий общественный труд есть не готовая предпосылка, а становящийся результат»³.

Но у Маркса особенный труд частных индивидов исходным является не потому, что характеристика труда как конкретного и частного является главной, основной, а потому, что непосредственно труд выступает как конкретный и частный; абстрактно-всеобщий же характер труда выражает специфический, скрыто общественный характер труда товаропроизводителей. Маркс пишет о «двойственном

¹ Такая трактовка двойственности труда, заключенного в товаре, дана в статье т. К. Бутаева «Маркс о характере общественного труда при капитализме и социализме» в журнале «Проблемы экономики», № 1 за 1933 г., и в его статье «О противоречиях простого товарного хозяйства» в журнале «ИКП», № 3 за 1934 г.

² Маркс, К критике политической экономии, стр. 52.

³ Там же, стр. 64.

общественном характере... частных работ», о «специфически общественном характере... частных работ». Однако Маркс под «частными работами» в этом и в других случаях разумет не частный труд как полюс, как противоположность труда общественного, а вообще труд частного, обособленного товаропроизводителя. «Частные работы» Маркса — это работы, процессы труда отдельных, обособленных друг от друга частной собственностью производителей, труд которых есть одновременно и частный и общественный.

Народники видели в товарном производстве лишь разрушение обменом прежних связей производителей, видели лишь индивидуализм, антагонизм и борьбу, неизбежно порождаемые товарным строем; они критиковали денежное хозяйство за порождение этих черт у мелких производителей. Ленин видел не только это, но и создание новых, иного типа, более широких связей, отношений людей. Товарное хозяйство, пишет Ленин, есть уже связь между производителями. «Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер этой связи не дает права отрицать ее существования»¹. За противоречиями, создаваемыми обменом, народники не видели того, что «обмен тоже выражает особую форму общественного хозяйства, что он, следовательно, не только разъединяет... но и соединяет людей, заставляя их вступать в сношения между собой при посредстве рынка»².

У Ленина неоднократно встречается выражение «товарная организация общества» и «капиталистическая организация общества». В замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина Ленин пишет: «Товарное производство есть тоже «организованное хозяйство» (подчеркнуто Лениным. — А. П.). Товарное хозяйство имеет своеобразный — товарный — тип «организации» глубокой внутренней связи, зависимости отдельных, обособленных производителей один от другого.

Как пишет Маркс, «обмен продуктов, как товаров, есть определенный способ обмена труда, определенная форма зависимости труда одного от труда другого, определенный вид общественного труда или общественного производства»³.

Специфичность общественного труда в товарном обществе состоит в том, что труд является здесь скрыто общественным и непосредственно частным. Общественный характер труда в товарном обществе осуществляется не непосредственно, не в качестве натуральных, определенных работ отдельных производителей, а лишь как общественно равный, одинаковый абстрактно-всеобщий труд, как затрата одинаковой рабочей силы безотносительно к конкретной форме этой затраты.

Абстрактный труд — это затрата однородной рабочей силы, выражающая общественный характер труда в товарном обществе.

Ленин писал, что единство противоположностей есть «признание (открытие) противоречивых, взаимноисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)»⁴. В чем противоречие товара и про-

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 73.

² Там же, стр. 78.

³ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 160, изд. 1932 г.

⁴ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 301.

тиворечие труда, заключенного в товаре? Противоречие товара в том, что противоположные, взаимоисключающие и один другого факторы — потребительная стоимость и стоимость — являются тем не менее факторами единого, полюсами его. Противоречие труда, заключенного в товаре, в том, что противоположные, взаимоисключающие качества труда — его общественный и частный характер — являются не только совместимыми в бытии труда, заключенного в товаре, но только в единстве они и создают товар.

Как потребительная стоимость товар есть неравенство всем другим товарам, отличие от них; как стоимость он равен всем другим товарам, отличается от них лишь количественно, т. е. в одно и то же время товар и равен и неравен другим товарам — явное противоречие. Это противоречие обусловлено противоречием труда, заключенного в товаре. Труд является одновременно отличным от всех других, неравным всем другим (как конкретный) и в то же время — одинаковым, равным со всеми другими затратами труда. Труд равный и неравный в одно и то же время — явное противоречие. Это противоречие труда конкретного и абстрактного выражает собой противоречие труда товаропроизводителей как труда частного и общественного.

Как частный труд он есть обособленный, отделенный, отграниченный частной собственностью от всего общества; как труд общественный он является частью труда всего общества, связан, соединен с трудом всего общества; и обособлен и во то же время часть труда всего общества — явное противоречие. Но эти два взаимоисключающих качества — специфически общественный и частный характер труда — тем не менее есть качества одного и того же труда, они взаимно обуславливают друг друга.

Как товар есть противоречивое единство двух противоположных, взаимоисключающих, но в то же время друг друга обуславливающих нераздельных факторов — потребительной стоимости и стоимости, так и труд, заключенный в товаре, есть противоречивое единство двух противоположных, взаимоисключающих, но в то же время взаимообуславливающих нераздельных качеств — труда конкретного и абстрактного, а труд товаропроизводителя есть противоречивое единство противоположных, взаимоисключающих и в то же время взаимообуславливающих нераздельных качеств — труда частного и общественного.

Противоречие товара и противоречие труда, заключенного в товаре, является объективно существующим, реальным, материальным. Познание (марксова теория товара) лишь теоретически отражает объективно существующее противоречие товара и противоречие труда; диалектика бытия определяет собой диалектику мышления. Идеализм представляет противоречие товара и противоречие труда, заключенного в товаре, не как объективно существующее, а лишь как способ мышления, способ рассмотрения товара.

Коренное извращение теоретиками II Интернационала марксовой теории товара является исходным, отправным звеном всей системы извращения ими политической экономии. От отрицания объективного противоречия в товаре они идут к отрицанию противоречия в современном капитализме, к теории «организованного капитализма», промышленного мира.

Как писал Энгельс, «в форме стоимости продуктов... уже находится в зародыше вся форма капиталистического производства, противоречие между капиталистами и наемными рабочими, промышленная резервная армия и кризисы»¹. Широко известно неоднократное подчеркивание Лениным того, что противоречие товара является зародышем всех противоречий капиталистического общества.

Но противоречие товара должно рассматриваться не только как зародыш всех противоречий капиталистического общества. Противоречие товара выражает также и реальные противоречия реально существующего простого товарного производства. Противоречие частного и общественного труда в товарном обществе конкретно выступает как противоречие продавца и покупателя. Обмен в товарном обществе содержит в себе элементы антагонизма.

Подчеркивая, что способ обмена продуктов определяется способом их производства, Маркс в «Нищете философии» пишет: «Индивидуальный обмен тоже соответствует определенному способу производства, который, в свою очередь, соответствует антагонизму классов. Поэтому без антагонизма классов не может быть и индивидуального обмена»². Честный буржуа, пишет далее Маркс, видит в этих отношениях «царство гармонии и вечной справедливости, никому не позволяющей выдвигаться на счет других. По мнению буржуа, индивидуальный обмен может существовать без антагонизма классов, для него эти два явления не имеют между собою ничего общего. Индивидуальный обмен, каким воображает его буржуа, имеет очень мало сходства с индивидуальным обменом, существующим в действительности»³.

Маркс показывает вздорность идеалов Брея и других утопистов, строивших проекты сохранить товарное хозяйство, но устранить присущее ему неравенство в обмене, устранить деньги.

Если мы возьмем «чистое» простое товарное производство, т. е. отношения мелких товаропроизводителей между собой, то и здесь противоречие покупателя и продавца имеет элементы антагонизма, т. е. непримиримости, но антагонизма еще не глубокого. Этот поверхностный антагонизм с изменением способа производства — превращением простого товарного хозяйства в капиталистическое — превращается в глубокий антагонизм рабочего — продавца особого товара — рабочей силы — и покупателя этого особого товара — капиталиста.

Противоречие между покупателем и продавцом, существующее в товарном обществе, имеет «поверхностную форму антагонизма» (Маркс); противоположность между покупателем и продавцом «поверхностным и формальным образом» выражает собой антагонистическую природу буржуазного производства, «...в противоположность между покупателем и продавцом антагонистическая природа буржуазного производства выражена еще столь поверхностным и формальным образом, что эта противоположность свойственна также добуржуазным формам общества, так как она требует только, чтобы индивиды относились друг к другу, как владельцы товаров»⁴.

Маркс в «К критике» на примере Исаака Перейры, Ленин в своих работах 90-х годов показывают, «как глубоко поражает чувствитель-

¹ Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, стр. 296, изд. ИМЭЛ, 1931 г.

² М а р к с, Нищета философии, стр. 76, изд. 1928 г.

³ Там же.

⁴ М а р к с, К критике политической экономии, стр. 111—112.

ные души даже совершенно поверхностная форма антагонизма, выражающегося в покупке и продаже»¹.

Именно такую «поверхностную форму антагонизма, выражающегося в покупке и продаже», имеют в виду Маркс и Ленин, когда они пишут иногда об антагонистическом характере противоречия между крестьянином, мелким товаропроизводителем, и рабочим в капиталистическом обществе — противоречия между крестьянином как продавцом определенного товара — хлеба — и рабочим как покупателем хлеба.

Этот своеобразный антагонизм обусловлен товарной формой производства. «Мелкий земледелец при капитализме становится, — хочет он этого или нет, замечает ли он это или нет, — товаропроизводителем. И в этом изменении вся суть дела. Одно это изменение, даже когда он еще не эксплуатирует наемных рабочих, все равно делает его антагонистом пролетариата, делает его мелким буржуа. Он продает свой продукт, пролетарий продает свою рабочую силу. Мелкие земледельцы как класс не могут не стремиться к повышению цен на земледельческие продукты, а это равносильно их участию совместно с крупными помещиками в дележе поземельной ренты, их солидаризации с помещиками против остального общества. Мелкий земледелец по своему классовому положению становится неизбежно, по мере развития товарного производства, мелким аграрием»².

Эта же мысль высказывается Лениным и в других местах.

Меньшевизм и контрреволюционный троцкизм, отождествляя крестьянина — простого товаропроизводителя — с капиталистом, отождествляют вместе с тем и противоречие между простым товаропроизводителем и рабочим с противоречием между капиталистом и рабочим. Между мелким товаропроизводителем — крестьянином — и рабочим существует согласно пониманию троцкизма такое же антагонистическое противоречие, как и между капиталистом и рабочим. Отсюда отрицание троцкизмом возможности союза пролетариата с середняком в социалистической революции под руководством пролетариата, отрицание возможности победы социализма в одной стране, контрреволюционная позиция троцкизма. В действительности же антагонизм мелкотоварного производителя и рабочего в капиталистическом обществе является «поверхностной формой антагонизма», имеет место в сфере обращения (антагонизм купли и продажи) и хотя обусловлен различным положением мелкого товаропроизводителя и рабочего в производстве, различным отношением их к средствам производства и результатам труда, но существеннейшим образом отличается от антагонизма пролетариата и буржуазии, основанного на различном, антагонистическом отношении рабочего и капиталиста к средствам производства, являющимся средством непосредственной эксплуатации наемного труда в процессе производства. Существующий в капиталистическом обществе антагонизм между мелким товаропроизводителем — крестьянином — и рабочим тем более неглубок, что, как пишут Маркс и Ленин, в капиталистическом обществе рабочий класс не заинтересован в низких ценах на хлеб, так как всякое удешевление хлеба влечет неизбежное снижение зарплаты капиталистами; в капиталистическом обществе, говорит Маркс («Речь о свободе торговли»), рабочий скорее заинтересован в высоких ценах на хлеб, ибо в таком случае достаточно незначительной экономии на потреблении хлеба,

¹ Там же, стр. 111 (сноска).

² Ленин, Соч., т. XVII, стр. 640.

чтобы иметь возможность купить другие необходимые ему предметы, тогда как при низких ценах на хлеб такой возможности у рабочего не имеется.

В условиях диктатуры пролетариата, с национализацией промышленности и земли, это присущее капиталистическому обществу своеобразное антагонистическое противоречие между крестьянином—мелким товаропроизводителем—и рабочим устраняется. И в условиях диктатуры пролетариата имеются противоречия между крестьянином—середняком и пролетариатом, в частности по линии цен на продукты. Но противоречия эти не имеют антагонистического характера: эти противоречия, как говорил т. Сталин в ответах свердловцам, есть противоречия не по коренным вопросам, а «по вопросам текущим». Крестьянство заинтересовано в успехах социалистической индустриализации, в торжестве социалистического пути развития народного хозяйства.

Коренные интересы крестьянства и пролетариата совпадают, отсюда — союз рабочего класса и крестьянства.

Победа социализма в деревне, превращение крестьянина — мелкого товаропроизводителя — в колхозника означает дальнейшее принципиальное коренное изменение и этого противоречия, его преодоление. Полностью это противоречие уничтожается вместе с уничтожением остатков капитализма в экономике и сознании людей, с уничтожением остатков классового различия в обществе.

Противоречие товара и противоречие труда, заключенного в товаре, имеет исторический характер, оно присуще товарному производству. В социалистических предприятиях СССР труд является непосредственно общественным. Этот характер труда обусловлен характером отношений непосредственных производителей к средствам производства, орудиям труда,—социалистической собственностью на них. В высшей фазе коммунистического общества труд будет измеряться непосредственно рабочим временем как адекватной, абсолютной мерой труда, заключающегося в продуктах, а не посредством денег, как это имеет место теперь. Однако тот факт, что в социалистическом хозяйстве СССР труд измеряется не непосредственно единицей труда, а денежной формой, отнюдь не означает, что труд здесь не является непосредственно общественным. У нас тот «союз свободных людей, которые работают при помощи общих средств производства и сознательно затрачивают свои различные индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу», о котором писал Маркс в «Капитале», характеризует непосредственно общественный труд.

В нашей литературе и преподавательской практике широко распространено увековечение категории конкретного труда, говорят и пишут о конкретном труде в советском хозяйстве, в коммунистическом обществе. Это неверно. «Конкретный» труд — столь же историческая категория, как и его противоположность — труд абстрактный. Как и создаваемая им потребительная стоимость, конкретный труд имеет общественный и специфически исторический характер, он присущ только товарному обществу. В отношении к обществам, где труд является непосредственно общественным, где нет следовательно абстрактного труда, Маркс не применяет термина «конкретный труд», а говорит о «натуральной форме», которая представляет собой непосредственно общественную форму труда здесь, о труде отдельных производителей и т. д. Конкретного труда как создателя потребительной стоимости товара, как противоположности труда абстракт-

ного в социалистическом хозяйстве СССР нет. В то же время натуральная форма труда имеет конечно у нас огромное значение, но совсем иное, чем в товарном обществе.

Маркс понимает стоимость как определенную историческую форму общественного труда. Стоимость — это производственное отношение, выраженное в вещной форме. Стоимость товара есть «предметная форма затраченного на его производство общественного труда»¹. Рикардо, пишет Маркс, «совершенно не исследует стоимости по форме, не рассматривает определенной формы, какую принимает труд как субстанция стоимости, а занимается исследованием только величин стоимости...»².

Смит и Рикардо рассматривали форму стоимости как нечто совершенно безразличное и не имеющее отношения к природе товара как такового. Причину этого Маркс видит в том, что «форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный вид общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически»³. Политическая экономия, пишет Маркс, исследовала, хотя и недостаточно, стоимость и величину стоимости и раскрыла заключающуюся в этих формах содержание. «Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера в величине стоимости продукта труда?»⁴.

Маркс пишет о товарной или стоимостной форме продуктов труда в товарном обществе: «Товарная форма продукта труда или форма стоимости товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества» (предисловие к первому изданию первого тома «Капитала»).

В приведенных здесь случаях Маркс говорит не о форме выражения стоимости, не о меновой стоимости, а о самой стоимости как определенной форме общественного труда. Показав двойственный характер труда, заключенного в товаре, показав, какой труд создает стоимость, Маркс тем самым характеризовал стоимость как определенную форму общественного труда. Стоимость как специфическую форму труда не понимали буржуазные предшественники Маркса; ее не понимают, ее отрицают буржуазные экономисты после Маркса, утверждая вечность буржуазного способа производства, его законов. Механисты, исходя из натуралистического, чисто количественного понимания стоимости и труда, ее создающего, не видят в стоимости того, что она есть специфически историческая форма труда в товарном обществе. Для механистов существует стоимость — вечная, внеисторическая категория — и внешне надетый на нее костюм — меновая стоимость — категория историческая.

Идеалисты — Булгаков, Гильфердинг, Рубин и др., — подчеркивая, что у Маркса стоимость есть общественная форма, вместе с тем совершенно искажают марксово понимание стоимости как специфической формы общественного труда. Для идеалистов стоимость есть

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 538.

² М а р к с, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 18, изд. 1931 г.

³ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 50 (сноска).

⁴ Там же, стр. 49.

«социальная форма» волевых, юридических отношений купли-продажи, составляющих будто бы сущность производственных отношений товарного общества, есть «социальная форма» вещей, «форма», освобожденная от всякого материального содержания, «функция вещи», «социальная форма», лишь «прикрепленная» к вещи, противопоставляемая материальному содержанию труда, совершенно чуждая ему.

Как известно, Рубин пытался «доказать», что самым ценным в марксовой теории стоимости является будто бы его учение о стоимости как «социальной форме» вещей в противоположность материально-техническому процессу труда. Заменяя марксов метод материалистической диалектики «социологическим» методом современной вульгарной политической экономии, меньшевик Рубин в корне извращал марксово понимание стоимости. У Маркса вопрос о стоимости как специфически исторической форме труда не есть вопрос, освещенный в какой-то особой части его учения о товаре. Понимая материалистически стоимость как формулу труда, нельзя разрывать, противопоставлять учение Маркса о труде, создающем стоимость, его учению о стоимости как форме труда. Это — одно и то же учение. Установив впервые, какой труд создает стоимость и как ее создает, Маркс тем самым установил и понимание стоимости как специфической формы общественного труда.

Стоимость есть специфическая форма общественного труда. В то же время стоимость является содержанием меновой стоимости, а меновая стоимость — формой проявления, формой выражения стоимости.

Маркс показывает, что меновая стоимость есть не что иное как форма выражения, форма проявления стоимости. Стоимость есть общественное отношение, поэтому она не может быть выражена ни в себе самой, ни в единицах рабочего времени, затраченного на производство данного товара, и может получить выражение только посредством другого товара, только в общественном отношении данного товара к другим, в меновой стоимости. Так как субстанция стоимости товаров имеет чисто общественный характер, то «она может проявляться лишь как общественное отношение одного товара к другому»¹.

Не понимая, какой труд создает стоимость, классики не могли видеть за меновой стоимостью ее содержания — стоимости. Рикардо, пишет Маркс, «не разделяет строго различных моментов развития понятия стоимости; меновой стоимости товара, как она представляется, как она проявляется в процессе обмена товаров, от бытия товара, как стоимости, в его отличие от его бытия, как вещи, продукта, потребительной стоимости»². Рассматривая труд, создающий стоимость, как естественную деятельность человека, классики отождествляли стоимость и меновую стоимость. Маркс критикует этот порок теории стоимости классиков. С другой стороны, он критикует Ганиля, Ферье и других представителей «реставрированной меркантильной системы», которая в стоимости видит лишь общественную форму или, скорее, лишь ее отблеск, лишенный всякой самостоятельной субстанции, критикует Бейли и других экономистов, которые, «находясь под влиянием грубого практичного буржуа... обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения»³.

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 15.

² М а р к с, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 96.

³ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 17 (сноска).

Как яркий пример борьбы на два фронта марксова критика классиков и идеалистических представлений Ганиля, Ферье и др. имеет первостепенное значение для критики и современных механистических и идеалистических извращений марксовой теории стоимости.

Развитие формы стоимости есть реальный факт реального исторического процесса. Простая форма стоимости «на практике... встречается... лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь в исключительных и случайных актах обмена»¹. «Развернутая форма стоимости впервые осуществляется практически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, например скот, уже не в виде исключения, а как общее правило обменивается на многие другие товары»². Всеобщая форма стоимости соответствует еще более высокой ступени развития товарного производства, когда не один, а уже многие продукты труда производятся специально для обмена как товары; и наконец денежная форма стоимости соответствует еще более высокой ступени развития товарного производства и обращения; всеобщий эквивалент срastaется с натуральной формой товара — «золото», и обмен товаров превращается в обращение товаров.

В форме стоимости внутреннее противоречие товара находит свое выражение. Соотносительность, взаимная обусловленность, нераздельность потребительной стоимости и стоимости в товаре и в то же время их взаимоисключаемость, противоположность, полярность находят свое выражение в меновой стоимости — в соотносительности, взаимной обусловленности, нераздельности относительной формы стоимости и эквивалентной формы и в то же время их взаимоисключаемости, противоположности, полярности.

Простая форма стоимости данного товара, пишет Маркс, есть «простая форма проявления заключающегося в нем противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью», а развитие формы стоимости есть развитие этого противоречия, выражающееся в развитии противоположности между относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

При простой форме стоимости товарного производства как такового еще нет. Продукт превращается в товар в самом акте случайного обмена. Стоимость товара здесь еще не отделена от его потребительной стоимости. Противоречие потребительной стоимости и стоимости находится в зачаточном состоянии. Вследствие этого противоположность относительной формы стоимости и эквивалентной в простой форме стоимости хотя уже имеется, но еще «не фиксирована»; «здесь еще довольно трудно уловить полярную противоположность»³. Каждый из случайно обмениваемых товаров может попеременно быть носителем как относительной формы стоимости, так и эквивалентной формы. Количественное отношение между обмениваемыми товарами является случайным.

При полной или развернутой форме стоимости, т. е. когда один продукт начинает производиться уже специально для обмена как товар,

¹ Там же, стр. 33—34.

² Там же, стр. 34.

³ Там же, стр. 36.

а все другие вступают в обмен попережнему случайно, внутреннее противоречие товара получает дальнейшее развитие, углубляется, а вместе с этим усиливается и полярность относительной формы стоимости и эквивалентной формы. Полная или развернутая форма стоимости «полнее, чем первая, отделяет стоимость товара от его собственной потребительной стоимости»¹. Реализация потребительной стоимости этого товара предполагает уже предварительную реализацию ее стоимости.

Полную или развернутую форму стоимости получают не все товары, а лишь тот товар, который производится специально для обмена. Другие же товары, случайно поступающие в обмен, сохраняют еще простую форму стоимости. В обмене на постоянно обменивающийся товар эти товары выступают всегда в форме эквивалента, хотя в обмене на другие случайные товары они могут попережнему меняться местами, выступая в одном случае как относительная форма стоимости, в другом — как эквивалентная форма.

Углубление, развитие противоречия товара, специально производимого как таковой и обмениваемого на все другие, находит свое выражение в том, что этот товар выступает теперь уже только в относительной форме стоимости, а каждый из всех других товаров, обмениваемых на него, по отношению к этому товару выступает только как эквивалентная форма. Противоположность здесь уже закреплена, но еще не целиком: один полюс — относительная форма стоимости — прочно закреплена за одним товаром, специально производимым для продажи, а другой полюс — эквивалентная форма — в одном меновом акте мимолетно связан с одним товаром, в другом акте — с другим, и т. д.

Превращение развернутой формы стоимости во всеобщую означает дальнейшее развитие внутреннего противоречия товара. Теперь все товары имеют лишь относительную форму стоимости, а один товар служит лишь эквивалентом по отношению к ним. Противоположность потребительной стоимости и стоимости здесь получает свое дальнейшее развитие и выражается в усилении противоположности относительной формы стоимости и эквивалентной. Практически во всеобщий эквивалент превращается именно тот товар, который на предыдущих стадиях выступал преимущественно носителем относительной формы стоимости. Происходит это потому, что, когда товары, до того поступившие в обмен случайно, начали обмениваться систематически, их меновые отношения к товару, еще ранее систематически поступавшему в обмен, были уже привычными и в известной мере твердо установленными. Естественно поэтому, что этот товар стал идеальным или реальным посредником в обмене между остальными товарами, что все они сделали его формой своего эквивалента. С развитием всеобщей формы стоимости в денежную всеобщая эквивалентная форма окончательно срастается с натуральной специфической формой товара — золото. В денежной форме противоположность, полярность потребительной стоимости и стоимости, а тем самым и относительной формы стоимости и эквивалентной формы достигнет уже наивысшего в пределах простого товарного хозяйства развития, наибольшей глубины. Развитие денег означает полное отделение потребительной стоимости от стоимости: все товары выступают теперь непосредственно как потребительные стоимости, между тем как их

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 34.

стоимость получает свое выражение и самостоятельное существование в денежном товаре.

Деньги дают внешнее выражение противоречия в товаре между потребительной стоимостью и стоимостью, в деньгах товарная стоимость получает самостоятельное воплощение, натуральная форма денежного товара становится общественно признанной эквивалентной формой. Деньги являются материализацией стоимости, реальным воплощением ее; «золото реально есть меновая стоимость» (Маркс).

Появление денег не означает уничтожения противоречия товара. Разрешение противоречия товара появлением денег означает дальнейшее углубление, развитие этого противоречия и вместе с тем нахождение формы движения его. Различным формам стоимости соответствует различная степень развития противоречия труда, заключенного в товаре, различная степень развития основного противоречия простого товарного производства — противоречия частного и общественного труда.

В товарном обществе единственно возможные для этого общества «организация и порядок» (Энгельс) осуществляются действием закона стоимости. Здесь господствует анархия. Но господство анархии не означает отсутствие законов, известной организации. Товарное производство «имеет свои, присущие ему и неотделимые от него законы, которые проявляются, несмотря на анархию, в анархии и посредством анархии»¹. Эти законы подчиняют себе производителей как принудительные законы конкуренции. Закон стоимости есть «закон определения стоимости рабочим временем» (Маркс). Движение цен в товарном обществе управляется законом стоимости.

Закон стоимости осуществляется путем постоянного отклонения цены от стоимости. Стоимость определяется общественно необходимым рабочим временем, а последнее изменяется вместе с изменением производительной силы труда. Колебание цен вокруг стоимости осуществляет перераспределение труда между различными отраслями производства, распределение труда осуществляется действием закона стоимости. Но товарному производству присуща не пропорциональность, а диспропорциональность, постоянные изменения в соотношении различных сфер производства.

Механисты и идеалисты сводят закон стоимости к «закону обмена», «закону цен», не видят качественных изменений, совершаемых в товарном обществе действием закона стоимости. Закон стоимости понимается только как закон определения цен, установления меновых пропорций, как регулятор распределения труда по отраслям. В действительности же закон стоимости осуществляет и качественное развитие товарного производства — развитие товара и товарного производства, появление денег, превращение денег в капитал, и развитие нового, капиталистического способа производства.

Вскрывая сущность формы стоимости и развитие этой формы, Маркс показывает действие закона стоимости в простом товарном производстве, на первых ступенях товарного хозяйства. Распадение мира товаров на товар и деньги осуществляется в реальном движении противоречия частного и общественного труда. Колебание цены вокруг стоимости непосредственно является результатом отношения спроса и предложения, а отношение спроса и предложения есть отношение продавца и покупателя, оно выражает собой противоречие частного и об-

¹ Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, стр. 256.

ественного труда, заключенного в товаре. Но противоречие частного и общественного труда выражается не только в отклонении цены от стоимости, это противоречие выражается и в определении самой стоимости, в противоречии индивидуального рабочего времени и времени общественно необходимого. Противоречие труда частного и общественного выступает в противоречии между индивидуальной затратой труда и общественным признанием ее. Стоимость предполагает противоречие труда индивидуального и общественно необходимого. В товарном обществе продукты одного и того же вида люди производят в разных условиях — неодинаковые средства производства, неодинаковое умение и т. д., продают же все по одной и той же цене, определяемой общественной стоимостью, общественно необходимыми условиями производства. Равенство простых товаропроизводителей фактически есть равенство неравных. Специфически общественный характер труда товаропроизводителей обуславливает несовпадение для части производителей действительной затраты труда в продукте и реализуемой затраты, отклонение индивидуальной стоимости от общественной. Это отклонение общественной стоимости от индивидуальной ведет к неравенству в положении отдельных товаропроизводителей: одни получают больше и благодаря этому становятся владельцами денег, другие получают меньше и разоряются. Отклонение общественной стоимости от индивидуальной вызывает неравенство в положении. В руках одних накапливаются деньги. Но деньги являются не только продуктом общественного труда, они являются общественной силой. Эта общественная сила превращается в силу частного лица, накапливающего деньги. Владелец денег эксплуатирует других производителей в форме ростовщической, торговой или непосредственного найма рабочей силы. Власть денег — общественная сила, сконцентрированная в руках немногих, — превращается во власть капитала, простые товаропроизводители превращаются — одни — в эксплуататоров, другие — в эксплуатируемых. Так, по закону самого товарного производства — закону стоимости — простое товарное производство превращается в капиталистическое, законы собственности товарного производства превращаются в свою противоположность. Закон стоимости есть таким образом не только закон распределения труда по различным отраслям производства, он есть вместе с тем закон изменения самих производственных отношений, изменения их качества.

Освоение и резервы производственной МОЩНОСТИ

На совещании работников тяжелой промышленности (в сентябре 1934 г.) т. Орджоникидзе подчеркнул: «Мы должны прямо, по-большевистски сказать, что далеко еще не сумели использовать всех наших ресурсов. Если бы мы сумели как следует мобилизоваться, мы дали бы гораздо больше, чем даем сейчас. А Советская страна имеет право от нас требовать». На примере черной металлургии, цветной металлургии, химии, машиностроения т. Орджоникидзе конкретно показал, какими огромными, еще неиспользованными резервами мы обладаем.

С момента совещания хозяйственников прошел год напряженной работы по мобилизации резервов, улучшению качественных показателей. За это время мы добились серьезных успехов в решающих отраслях тяжелой промышленности, особенно в черной металлургии, достигшей на ряде передовых предприятий лучших мировых коэффициентов использования агрегатов. Но чем дальше мы продвигаемся вперед в освоении новой техники, тем большие возможности раскрываются перед нами в деле эффективного использования великолепного оборудования наших первоклассных заводов, тем более и более высокие задачи ставим мы перед собой. Уровень требований, объем задач растут с каждым шагом нашего продвижения.

«Вы должны работать не хуже Форда» — вот задача, сформулированная т. Орджоникидзе на Совете наркомата перед работниками автотракторной промышленности.

«Работать безубыточно, начать давать советскому государству прибыль» — вот задача, поставленная перед металлургами и перед всей промышленностью в целом.

«Добиваться на базе созданной нами техники самых передовых мировых нормативов» — такова задача, поставленная сейчас перед советской индустрией.

Перед лицом этих величайших исторических задач проблема мобилизации всех внутренних возможностей нашей тяжелой промышленности приобретает особое значение.

Под руководством партии массы рабочих и ИТР во второй пятилетке широко развернули борьбу за освоение. Успехи первого этапа освоения сводятся к тому, что большинство предприятий начинает уверенно набирать темпы, постепенно отходить от штурмовщины. Результаты работы 1934 г. и первой половины 1935 г. говорят о том, что все большее ядро рабочих и ИТР осваивает новое оборудование, новую технику производства, работает по-культурному.

Относительно легко было воспринять у капиталистов самое передовое по части типов оборудования, машин и механизмов, т. е. произ-

водственного вооружения заводов и фабрик. Сложнее было организовать процесс производства на уровне современной технической культуры. Сейчас нашей промышленности предстоит дальнейшее самостоятельное развитие технологических процессов, создание новых типов машин, новых химических продуктов и т. п. на базе наличного технического вооружения. Поездки за границу наших хозяйственников показали, что в части вооружения заводов СССР стоит на уровне самой передовой техники и впереди огромного числа предприятий с мировым именем. Но что касается организации труда, уровня его производительности, конструирования новых машин и т. д., то в этом направлении нам нужно еще многое сделать.

Одновременно наши хозяйственники могли убедиться, что капиталисты, как правило, не показали нам того, над чем они работают в своих лабораториях и конструкторских бюро.

Второй этап освоения требует от советской промышленности наряду с перенесением на нашу почву лучших образцов технической культуры передовых капиталистических стран и достижением мировых нормативов всемерного обеспечения самостоятельных путей технического роста, т. е. перехода в более высокий класс овладения современной техникой. А это выдвигает на передний план следующие важнейшие мероприятия: а) развернуть научно-исследовательскую и изобретательскую работу, развивать заводские лаборатории, сделать их неотъемлемой частью всей организации производства и труда на предприятии; б) создать мощные конструкторские бюро на предприятиях и опытные цехи или мастерские; в) особо поощрять выдающихся по квалификации рабочих, остающихся у станка; г) обеспечить общий, еще более быстрый рост квалификации всей массы рабочих и ИТР, систематическое их ознакомление с достижениями мировой техники и техники передовых советских предприятий; д) построить так зарплату, как этому учит опыт Макеевки, чтобы она стимулировала самые совершенные, культурные методы работы, максимальные качественные и количественные результаты, совершенствование технологического процесса. Предпосылками для этого служат максимальное осуществление шести условий т. Сталина и выращивание людей, как садовник выращивает дерево, выдвижение «людей, овладевших техникой».

Мобилизация резервов производственной мощности стоит сейчас как задача полного интенсивного использования мощного производственного аппарата, созданного СССР на протяжении героической первой пятилетки и первых двух лет второй пятилетки. Именно поэтому т. Орджоникидзе на совещании хозяйственников тяжелой промышленности сделал такое ударение на задаче мобилизации всех резервов производственной мощности.

Проблему мобилизации резервов производственной мощности нельзя ограничивать, как это практически делают некоторые хозяйственники, изысканием неиспользованного еще оборудования. Конечно все производственные мощности, по той или другой причине не действующие, должны быть вовлечены в производство. Но проблему резервов надо понимать гораздо шире и глубже: это в первую очередь проблема полного интенсивного использования всех факторов производства, качества их использования, лучшего технологического процесса, организации производства и труда и т. д. В то время как СССР ставит перед собой задачу максимально полного

использования всего производственного аппарата страны, в капиталистических странах промышленность страдает от хронической перегрузки, которая, так же как и хроническая многомиллионная безработица, представляет собой одно из наиболее ярких проявлений общего кризиса капитализма.

У нас индекс физического объема промышленного производства составлял в июне 1935 г. 503,6¹ (1928 г. = 100), в то время как в США — 63,2 (в апреле), в Германии — 91,4 (март), Франции — 73,2 (апрель), в Англии — 111,1 (I квартал). Соответственно индекс машиностроения — у нас 787, а в США — 38—45, во Франции — 70, в Англии — 105.

Маркс говорил, что нельзя указать точную границу, верхний предел использования каждой данной машины, а значит и совокупности машин и оборудования. Решающая часть машины, как это показал мировой опыт, после одного-двух лет работы начинает более интенсивно использоваться в результате полного освоения — даже без дополнительных устройств — вследствие пуска машины и станков на большее количество оборотов в единицу времени, повышения давлений и т. д.

Эти результаты получаются иногда при незначительных дополнительных устройствах. Вследствие непрерывного роста технической культуры достигнутый в каждый данный момент коэффициент использования машин почти всегда может быть повышен, даже при условии предварительно полного (с точки зрения предшествующих представлений мировой техники) их использования. Это значит, что в ходе развития технической культуры постоянно появляются резервы производственной мощности в форме возможности дальнейшего улучшения использования оборудования. Только социализм имеет возможность систематически повышать использование производственного аппарата.

✓ Как велики наши еще не использованные резервы, видно из приводимых ниже данных об уровне загрузки заготовительных цехов на заводах машиностроения в 1933 и 1934 гг. (в процентах к установленной проектной мощности)².

Эти данные свидетельствуют о еще недостаточном освоении о низком еще коэффициенте использования мощности заготовительных цехов на многих машиностроительных заводах. Часто приходится слышать жалобы на то, что литейные цехи (особенно сталелитейные) являются «узким местом». А между тем использование заготовительных цехов еще далеко не достигло проектной мощности, хотя их проектная мощность отнюдь не представляет собой чего-либо недотягаемого.

Такова же в основном картина и в отношении степени использования оборудования в механических цехах машиностроительных заводов. При всей относительности приводимых данных они дают известное представление об уровне освоения техники

¹ По данным ОЭС НКТП СССР.

² Таблица составлена на основе материалов ТП сектора и сектора капитальных работ НКТП СССР.

Заводы	Чугунолитейный цех		Сталелитейный цех		Кузнечно-прессовый цех	
	1933 г. фактически	1934 г. план	1933 г. фактически	1934 г. план	1933 г. фактически	1934 г. план
С.-х. машиностроение						
1. Ростсельмаш ¹	66,1	84,3	51,5	64,6	28,0	46,1
	42,6	66,1				
2. «Красная звезда»	46,8	66,2	—	—	58,7	54,1
3. Рязсельмаш	63,6	70,0	—	—	49,5	58,1
4. Завод им. Петровского	41,9	49,5	—	—	37,4	85,5
Горное машиностроение						
5. Торецкий им. Ворошилова	95,0	66,1	—	—	—	—
6. Завод им. К. Маркса	42,6	53,4	—	—	—	—
Текстильное машиностроение						
7. Завод им. К. Маркса	61,6	63,0	—	—	—	—
8. Климовский	49,9	83,8	—	—	—	—
Продовольственное машиностроение						
9. Завод № 5 им. Воровского	58,0	67,6	—	—	—	—
10. Завод № 3 им. Воробьева	37,6	44,3	—	—	—	—
Электропромышленность						
11. «Динамо»	90,2	87,2	63,1	100,0	64,0	74,0
12. «Вольта»	80,9	83,3	—	—	—	—
Транспортное машиностроение						
3. Им. Егорова	70,3	100,0	—	—	69,0	84,1
4. Усть-Катавский	—	66,8	98,3	—	—	88,7

и об огромных резервах дополнительной производственной мощности, которые могут быть мобилизованы.

Коэффициент использования оборудования механических цехов в 1934 г. на предприятиях общего машиностроения

(в % к теоретическому фонду станкочасов в трехсменную работу)

Дизелестроение²		Текстильное машиностроение²	
«Русский дизель»	39,0	Климовский завод № 2	36,5
«Двигатель революции»	37,0	Лесобумажное машиностроение⁴	
Химмашиностроение²		Им. Чичерина	61
Им. Фрунзе	81,6	» Калинина	44
Насосокомпрессоростроение³		» Рошала	36
Им. Калинина	45,6	Локобилестроение⁵	
«Красный факел»	36,7	Людиновский	85
Горное машиностроение³			
Горловский завод, врубовый цех	77,7		
» » механ. цех	80,7		

¹ Числитель—серый чугун, знаменатель—ковкий чугун.

² Из расчета 300 рабочих дней и 6 300 станкочасов.

³ Из расчета 360 рабочих дней и 7 560 станкочасов.

⁴ Из расчета 300 рабочих дней и 5 400 станкочасов.

⁵ Из расчета 5 830 станкочасов без учета коэффициента переработки норм на 1935 г.

Мы видим, что, в то время как в процентах к теоретическому фонду станкочасов в трехсменную работу Горловский завод дает 77—80% использования оборудования, завод им. Фрунзе — 81,6, а Людиновский — 85%. Имеются заводы, на которых этот коэффициент опускается до 36—37%.

Задача мобилизации резервов производственной мощности на данном этапе выдвигает следующие требования:

В о-п е р в ы х, достижение — как правило, в кратчайший срок — уже в 1935 г. так называемой проектной мощности.

Во-в т о р ы х, критический пересмотр «проектной мощности» предприятий, пересмотр «технически обоснованных норм», так остроумно осмеянных т. Орджоникидзе. В особенности это относится к тем предприятиям, которые проектировались до 1931 г., когда в СССР еще не было большого опыта работы на базе новой техники, когда иностранные проектировщики делали «допуски» на наши «специфические» условия или когда советские проектировщики, не имея полноценного иностранного опыта, оглядывались на прошлый опыт нашей промышленности. По значительному ряду проектов давалась меньшая проектная мощность, чем уже достигнутая мощность в мировой практике при аналогичном оборудовании и аналогичном характере производства. До сих пор мы еще нередко наблюдаем, как техническое и в особенности экономическое обоснование проекта оказывается дефектным вследствие стремления хозяйственников-проектировщиков и строителей перестраховать себя. С этими проявлениями буржуазных влияний на некоторых хозяйственников наша партия жестоко борется. Именно поэтому нужно вскрыть действительную производственную мощность предприятия и всемерно бороться за ее достижение в кратчайшие сроки.

То, что было верно вчера, сегодня оказывается пройденной ступенью. И величайшим рутинерством, непозволительной отсталостью было бы цепляться за консервативные, устаревшие нормативы вчерашнего дня.

В то время как часть заводов еще борется (и некоторое время будет еще бороться) за достижение проектной мощности, ряд новых заводов, созданных в первой пятилетке, перешагнул свои проектные задания и ставит себе новые вехи на пути к достижению мировых показателей. Так обстоит дело со Сталинградским и Харьковским тракторными заводами, которые вместо проектной мощности в 40 тыс. тракторов могут дать (и сами требуют включить это в программу) по крайней мере 54 тыс.

Так же обстоит дело с автомобильными заводами, заводами сельскохозяйственных машин и др.

Необходимость критического отношения к проектным данным лучше всего может быть проиллюстрирована на примере Березниковского химического комбината. Уже в ноябре-декабре 1933 г. выработка аммиака на комбинате достигла 100% так называемой проектной мощности, а начиная с июня 1934 г. завод идет с систематическим перевыполнением своей проектной мощности. Однако производственные мощности и внутренние ресурсы еще далеко не использованы заводом ни в отношении нагрузки оборудования, ни в отношении себестоимости. Проектная мощность, гарантированная фирмой, с самого начала не представляла пределов, достигнутых при данном уровне техники аммиачного производства. Уже в период гарантийного испытания было установлено, что в некоторые дни завод в

целом давал значительно больше гарантированного производства. Если мы учтем, что за последние годы развитие техники аммиачного производства передовых капиталистических стран ушло настолько далеко вперед, что предприятия Дюпон и Казале получают с одной колонны до 80 т в сутки, то станет ясно, что установленная «гарантированная» мощность отнюдь не является на сегодня техническим пределом.

«Но разве мы присягнули нашей отсталости? Разве мы рабы этих проектов, выдающих нам аттестат на нашу вечную отсталость?» (Орджоникидзе).

В-третьих, задача мобилизации резервов производственной мощности требует быстрой ликвидации по ряду предприятий имеющих у них несоответствий между производственными мощностями отдельных цехов и частей предприятия.

В-четвертых, задача мобилизации резервов производственной мощности требует достижения в работе агрегатов, машин, механизмов технико-экономических показателей лучших, наиболее передовых по техническому уровню предприятий капитализма. У нас созданы предприятия, сплошь и рядом превосходящие по своему техническому уровню аналогичные в передовых капиталистических странах. Поэтому достижение лучших мировых технико-экономических показателей зависит только от нас.

Отсутствие четко разработанного технологического процесса, низкий охват рабочих сдельщиной, отсталость норм приводят часто к огромным потерям рабочего времени.

Обследование завода им. К. Маркса, произведенное в конце 1934 г., показало, что в механическом цехе в первую смену отработано 31 тыс. станкочасов и простои составили 20%; во вторую смену отработано 14 250 станкочасов и простои достигли 70%; а третья смена совершенно не была использована. Во втором механическом цехе первая, вторая и третья смены были соответственно загружены на 25 тыс., 15 тыс. и 1 тыс. станкочасов. В первую смену было выполнено 65% всех произведенных на заводе работ, во вторую — 30 и в третью — только 5%.

По подсчетам, полезная загрузка рабочего дня на заводах общего машиностроения составляет в среднем 4,5 часа. В металлургии недоиспользование мощности оборудования выражается в низком еще коэффициенте использования мартенов и прокатных станов.

Тов. Орджоникидзе в докладе на Совете НКТП показал, что наряду с хорошими заводами — им. Фрунзе, им. Ленина, им. Ильича, «Красный Октябрь», Макеевка, дающими от 5 до 5,5 т съема стали с квадратного метра пода, и передовыми заводами, как «Серп и молот», завод им. Дзержинского, добившимися 6 и 7 т съема, имеется большое количество заводов с крайне низкой (3,5—4 т с квадратного метра пода) производительностью мартенов. Если обеспечить по всему Союзу в среднем коэффициент съема 5 т, это будет означать увеличение почти на 30% производства стали в стране, т. е. до 40—42 тыс. т против нынешних 33—34 тыс. т в сутки. Задача реальная и достижимая.

В прокате огромные резервы могут быть получены за счет ликвидации простоев. Уже на совещании работников тяжелой промышленности в сентябре 1934 г. т. Орджоникидзе показал, что не существует

так называемых «нормальных» простоев (в качестве «нормальных» простоев прокатных станов принималась для наших заводов цифра в 25—27%), что все зависит от людей и что, в то время как одни заводы давали от 7,5 до 10% простоев (Макеевка), от 10 до 13% («Красный Октябрь»), от 12 до 15% (завод им. Коминтерна), были заводы, которые давали 23—28% и даже 58% (по Керченскому заводу им. Войкова).

На Совете НКТП т. Орджоникидзе уже на данных работы первых четырех месяцев 1935 г. показал, что, в то время как на одних заводах простой сведены почти к нулю («Красный Октябрь» — 0,5—1,27%), на других они составляют 7—10%, на третьих — 20—30—35% (Керченский завод, Магнитогорский, Кузнецкий).

Свершено очевидно, что высокий процент простоя прокатных станов, низкий коэффициент использования мартеновских печей свидетельствуют о том, что освоение этих агрегатов еще оставляет желать много лучшего. Наконец далеко не все еще резервы мощности мобилизованы в доменных цехах. Прекрасные коэффициенты, достигнутые на Макеевском заводе т. Гвахария (0,86) и на Петровском заводе т. Бирманом, отнюдь не являются техническим пределом.

Что же сказать о заводах, которые дают коэффициент использования полезного объема домен 1,2—1,3 и выше? Это на сегодняшний день — отсталые цехи, хотя еще два-три года назад были металлурги, которые доказывали, что такие коэффициенты являются пределом.

Как обстоит дело с нашими так называемыми технически «обоснованными» нормами? Детальный их анализ, резкая их критика составляли центральную часть великолепной речи наркома на Совете НКТП. Тов. Орджоникидзе показал, что нет незыблемой технической нормы, что в меру освоения техники меняется и техническая норма, что это процесс, а не застывшие каноны и «урочные положения», что мы еще далеки от того, чтобы «выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать» (Сталин). Выполнить эту задачу — значит до конца технически освоить данный агрегат. «Конечно у германцев и у американцев есть нормы — их можно найти у нас, — говорит т. Орджоникидзе, — но разница между германскими, американскими нормами и нашими заключается в том, что германские и американские техники данный агрегат освоили технически и им не трудно составить норму. Что же происходит у нас? Мы только осваиваем. В некоторых случаях по линии освоения мы прошли порядочный путь, в некоторых случаях мы находимся на первых шагах освоения».

Отсюда факты, когда нормы перевыполняются на 50—100% и выше при первом серьезном подходе к организации технологического процесса и рационализации производства. Отсюда бесплодность и никчемность попыток установить незыблемую «обоснованную» техническую норму, отражающую вчерашний день и закрепляющую зачастую сегодняшнюю нашу отсталость. На ХЭМЗ, по данным экспертной комиссии НКТП, расчет пропускной способности машинного зала показал возможность увеличения выпуска валовой продукции в 1934 г. на 40% против 1933 г. На заводе им. Дзержинского (нефтемашиностроение) одна только перестановка оборудования, имеющая своей целью размежевание производства деталей для турбобуров и насосов, обеспечивает увеличение выпуска на 33%.

В металлургии, машиностроении, химической промышленности, в нефтедобыче и переработке и во всякой иной отрасли вместе с успе-

хами освоения новой техники коренным образом меняются коэффициенты и нормативы, представляющие качественную и количественную характеристику степени освоения новой техники. Директивы наркома тяжелой промышленности заставят директоров заводов критически пересмотреть весь арсенал нормативов, не полагаться на так называемые «технически обоснованные нормы» без проверки их на опыте работы лучших и наиболее передовых участков и без сопоставления с иностранными. Указания наркома заставят сделать техническую норму ведущей, основой заводского плана. В таком виде норма и построенная на ее основе сделщина будут революционизировать процесс. Норма должна сделаться рычагом технического прогресса. А это потребует, чтобы нормированием, его политикой занимались не только нормировщики, а в первую очередь технический директор и начальники цехов, с широким привлечением инженерно-технического персонала, в частности мастеров. Нормирование должно обобщать лучший опыт завода и ориентироваться на лучшие образцы, подтягивая к ним отстающих.

В борьбе за мобилизацию резервов мы не можем и не должны ограничиться только видимыми, лежащими на поверхности резервами. Нужна борьба за использование всех технических возможностей оборудования на основе овладения мировыми нормативами. На наших заводах тяжелого машиностроения на производство тонны прокатного оборудования затрачивается в среднем 80—100 станкочасов, за границей — например на заводе Демаг — около 40 станкочасов. В химическом машиностроении на производство тонны механических изделий у нас тратится свыше 90 станкочасов, на крупных иностранных предприятиях — не более 40. В текстильном машиностроении иностранные фирмы расходуют на тонну изделий всего 100 станкочасов, а наши заводы до 300.

Это говорит о низкой еще производительности труда на наших заводах, об их неумении использовать свои огромные возможности. Имеются ли налицо какие-либо объективные причины, которые могли бы оправдать такое отставание? Нет. Наши заводы общего машиностроения оборудованы по последнему слову техники. Из тысячи (приблизительно) цехов заводов общего машиностроения 740 — либо новые, либо реконструированные. Ясно, что нельзя успокаиваться на тех успехах, которые достигнуты нами в деле освоения новых заводов и новой продукции, ясно, что серьезно должны быть поставлены вопросы организации производства и борьба со старыми кустарными методами работы.

По существу ни одна страна в мире не имеет такого высокого среднего технического уровня своей промышленности, какой имеет наша тяжелая промышленность. СССР в краткие сроки реконструировал и реконструирует свою промышленность с учетом самых передовых достижений капитализма. Тем более это относится к нашим гигантам: ни один капиталист или капиталистический концерн не строили сразу по технически единому проекту таких гигантов, как например Магнитогорский металлургический завод. Такой сверхгигант, как американский металлургический завод Гери, является результатом технических напластований больше чем двух с половиной десятков лет. Магнитогорск же полностью будет выстроен в 8—9 лет с учетом всех достижений современной мировой техники. Другие гиганты — как например Кузнецкий металлургический завод — строятся в еще более короткие сроки. Поэтому технический уровень лучших

предприятий СССР выше технического уровня лучших предприятий капиталистических стран. Поэтому мы и должны давать по ним лучшие, чем соответствующие капиталистические предприятия, технико-экономические показатели. К этому нужно прибавить, что преимущества советской системы дают все, чтобы в кратчайший срок победоносно завершить это соревнование.

Для мобилизации резервов производственной мощности у нас имеется все необходимое и в первую очередь созданы кадры квалифицированных рабочих, ИТР и хозяйственников, прошедших огромную школу строительства и первых этапов освоения на протяжении первой пятилетки и первых двух лет второй пятилетки. Тот факт, что значительная часть наших передовых предприятий вплотную приступила к борьбе за лучшие мировые показатели, за высокую культуру труда и организацию производственного процесса, говорит о многом.

Не случайно то обстоятельство, что именно на данном этапе крутого подъема тяжелой индустрии родились новые формы социалистического соревнования и ударничества: отличничество, техэкзамены. Это — не что иное как борьба миллионных масс за качество работы и за качество человека, работника. «К а д р ы р е ш а ю т в с е» — этот сталинский лозунг подытоживает принципиально новое на данном этапе освоения, самое важное его очередное звено.

Не случайно и то, что именно сейчас мы имеем мощный размах в движении за хозрасчет, рентабельность. Себестоимость двигает технический прогресс, она заставляет бороться за минимальные потери, за низкие расходные коэффициенты, за высокие нормы использования оборудования, за максимальное использование отходов производства. Нужно прямо сказать, что у некоторой части хозяйственников и ИТР до последнего времени наблюдалась недооценка экономики. Они не понимали — а кое-кто еще и сейчас не понимает, — что вполне освоить технику без заботы об экономической стороне дела невозможно. Нет поэтому ничего удивительного, что до последнего времени бухгалтер был отодвинут в тень, а на экономиста смотрели — а кое-где еще и теперь смотрят — как на работника второго сорта, как на незначительный, неважный, нерешающий винтик хозяйственной машины.

Наконец в самой тесной органической связи с проблемой кадров, людей, живого фактора социалистического воспроизводства, и с проблемой себестоимости как синтетическим показателем качества работы находится борьба за максимальное внедрение стимулирующих форм зарплаты для рабочих и ИТР. В условиях ликвидации хлебных карточек, широкого развития советской торговли, массового производства ширпотреба особо возрастает роль заработной платы как мощного рычага, стимулирующего рост производительности труда. Уметь использовать этот рычаг — значит вызвать к жизни гигантские резервы трудовой энергии, массовой активности. Этим рычагом начинают овладевать наши передовые предприятия, черпая здесь огромные возможности повышения производительности труда, ликвидации потерь рабочего времени, сокращения излишних штатов.

Борьба за выполнение плана 1935 г. в тяжелой промышленности дает блестящие образцы того, как в ряде предприятий по-большеви-

стски организуются новые победы, мобилизуются резервы производственных мощностей, укрепляется рентабельность предприятий. При годовом плане на 1935 г. в 22,8 млрд. руб. валовой продукции (в ценах 1926/27 г., включая сезонные отрасли) тяжелая промышленность за первое полугодие дала 11,2 млрд. руб., или 49,2% годового плана¹. Прирост продукции по сравнению с соответствующим периодом прошлого года составляет 24,8%. От общего роста промышленности отстает лишь топливная группа отраслей: каменный уголь, давший всего 12,3% прироста за полугодие, нефтедобывающая и нефтепереработка, из которых первая дала крайне незначительный рост (2,9%), а вторая даже некоторое снижение по сравнению с прошлым годом (на 1,3%), и две отрасли строительной промышленности: деревообрабатывающая и трест «Строймодель» (первая идет на 1,4% ниже прошлого года, вторая повысила производство всего на 12%).

И топливная группа отраслей, особенно нефтяная промышленность, и отстающие отрасли строительной промышленности должны ликвидировать свое отставание от темпов роста тяжелой промышленности в целом, чтобы не стать узким местом разворачивающегося мощного подъема нашей тяжелой промышленности.

По большинству ведущих отраслей прирост продукции колеблется в первом полугодии 1935 г. в процентах к первому полугодью 1934 г. от 28 до 40% и выше: Главэнерго — 27,5%, черная металлургия 28,0%, железорудная — 35,6%, цветная металлургия — 37,0%, Главредмет — 43,8%, машиностроение и металлообработка — 27,6%, химическая — 29,1%, горнохимическая — 56,5% и стекло-фарфоровая — 49,2%.

В машиностроении, давшем в целом подъем за полугодие на 27,6%, особенно большой прирост продукции в транспортном машиностроении (Главлокомотив на 34,8%, Главвагонпром на 36,3%, ГУТАП на 27,9%) и сельскохозяйственном машиностроении (58,8%). Это говорит о том, насколько повернулась тяжелая промышленность лицом к задачам реконструкции транспорта и сельского хозяйства.

По тяжелому машиностроению мы имеем следующие показатели прироста продукции: на 78% — по Уралмашу, на 103% — по новому Краматорскому заводу, на 42,5% — по старому Крамзаводу, на 41,7% выросла продукция по Главсредмашу. Таковы темпы роста машиностроения, являющегося подлинным ключом технической реконструкции народного хозяйства.

В химической промышленности при росте продукции в среднем на 29,1% особенно большой рост дают такие новые отрасли, как «синтез-каучук», который увеличил программу почти втрое по сравнению с прошлым годом, «лако-краски», удвоившие продукцию, пластмассы, давшие рост на 36,5%.

Из отраслей строительной промышленности большой прирост продукции обеспечила цементная (на 34,1%) и асбестошиферная (на 48,8%).

О чем говорят эти бурные темпы непрекращающегося подъема нашей тяжелой промышленности? Они говорят об огромных потенциальных силах, о колоссальных внутренних возможностях нашей социалистической тяжелой

¹ Анализ итогов работы тяжелой промышленности за первое полугодие 1935 г. дается по данным ОЭС НКТП СССР.

промышленности, о возможностях, которые могут и должны быть реализованы еще и еще шире.

Особенно рельефно выступают реконструктивные сдвиги в тяжелой промышленности при рассмотрении того, как изменяется структура продукции. По углю впереди идут новые бассейны: Московский (рост на 20,1%) и Кузбассуголь (рост на 18,3%); по торфяной промышленности при общем росте на 26,3% особенно большой рост — на 82,7% — дает фрезерный торф. На 67,8% дает прирост сланец.

По черной металлургии при росте выплавки чугуна на 23,6% впереди по темпам роста идет прокат (на 30,7%), затем сталь (на 30,4%). На 50% выросло по сравнению с первым полугодием 1934 г. производство электростали и вдвое производство электроферросплавов; на 28,4% растет производство качественного проката (в том числе на 40% инструментальная сталь). Значительный прирост обеспечен по таким дефицитным видам проката, как балки и швеллеры (44,7%), полосы для скреплений (43,2%), бандажи (49,0%), заготовки осевые (77,8%), листовое железо и листовая сталь (40,9%), трубы железные (42,6%). В 1935 г. гиганты социалистической металлургии — Кузнецкий и Магнитогорский заводы — занимают ведущее место не только по чугуну и стали, но и по прокату.

По цветной металлургии мы имеем рост выплавки меди черновой на 63,7%, в том числе из руды на 69,7; на 83,5% дает рост медь электролитная.

На этой базе в среднем более чем на 50% растет производство кабельных изделий.

В автотракторном машиностроении — рост на 31,6% по грузовикам, более чем в 2½ раза по гусеничным тракторам ЧТЗ; в 26 раз увеличился выпуск пропашных тракторов на Кировском заводе.

По шарикоподшипникам рост на 50%.

По паровозам (в переводе на мощность серии «Э») — рост на 55,4%, в том числе особенно большой рост — в 4 раза — дает выпуск Луганским заводом товарных паровозов серии «ФД». Вдвое за полугодие возросло производство электровозов магистральных. По товарным вагонам вместо 11,4 тыс. шт. в первом полугодии 1934 г. теперь выпущено 29,4 тыс. — рост более чем 2½ раза, в том числе по товарным вагонам НКПС рост более чем в 3 раза. В том числе особенно большой рост дает выпуск большегрузных четырехосных вагонов, платформ, цистерн.

В сельскохозяйственном машиностроении особенно большой рост обеспечен по сеялкам специальным — в 12 раз, культиваторам, комбайнам хлебным — в 3½ раза (произведено 15 650 комбайнов за полугодие), сенокосилкам, льнотеребилкам широкозахватным, свеклоподъемникам (в 14 раз).

В производстве оборудования для металлургической промышленности особенно обращает на себя внимание рост в 3 раза производства мартеновского и почти в 4 раза прокатного оборудования.

В 3 раза выросло производство кузнечно-прессового оборудования; крупнейшие позиции мы завоевали в производстве дробильно-размолочного, агломерационного, подъемно-транспортного оборудования.

Все эти успехи в области тяжелого машиностроения в основном связаны с освоением новых наших гигантов: Краммашзавода им. Сталина и Уралмашзавода.

В оборудовании для горной промышленности должны быть отмечены врубковые машины, производство которых дало прирост за полугодие на 47%, нефтеаппаратура для крекингов и трубчаток — на 65,2%.

В турбокотлостроении — рост на 84% производства (в квт) паровых турбин.

В станкостроении особенно большой рост дают такие виды высококвалифицированной продукции, как фрезерные станки (на 30,6%), автоматы и полуавтоматы револьверные (рост почти в 4 раза); в 2 раза выросло производство шлифовальных станков, на 72% зуборезных, в 14 раз центровальных.

В сильно точной электротехнической промышленности мы имеем рост на 40% производства турбогенераторов (в квт), в том числе в 2½ раза дает увеличение производство турбогенераторов мощностью в 24—25 тыс. квт, на 64,8% возросло производство моторов для угольной промышленности.

В слабо точной промышленности особенно значительно возросло производство телеграфных аппаратов Бодо (в 3 раза), ламповых радиоприемников (более чем в 2½ раза).

В производстве оборудования для внутри заводского транспорта большой рост достигнут в выпуске транспортеров, мостовых кранов, элеваторов.

Крупнейшие сдвиги мы имеем в текущем году в производстве оборудования для механизации строительных и дорожных машин.

Почти в 9 раз выросло производство экскаваторов, в 6 раз канавокопателей, более чем в 2 раза катков моторных и прицепных.

Значительный рост дает оборудование для лесной и деревообрабатывающей промышленности; в частности выпущено за полугодие 12 автолесовозов против 1 за этот же период прошлого года.

По важнейшим видам оборудования для пищевой промышленности — рост в 1½—2 раза. Значителен прирост продукции по оборудованию для текстильной промышленности, хотя всего этого еще недостаточно для удовлетворения растущих потребностей трудящихся масс.

О том, в какой мере выполняет тяжелая промышленность задачу производства ширпотреба, говорят следующие данные: почти в 2½ раза возросло за полугодие производство швейных машин, почти вдвое — патефонов, более чем в 2 раза — пластинок, на 41,6% — часов карманных и ручных, больше чем в 2½ раза — ламповых радиоприемников.

По химической промышленности та же картина освоения новых и новых видов все более квалифицированной продукции.

Прирост продукции тяжелой промышленности в первом полугодии 1935 г. по сравнению с первым полугодием 1934 г. на 24,8% был обеспечен в основном за счет роста производительности труда.

Прирост общего числа занятых рабочих составил всего 7,4% по сравнению с первым полугодием 1934 г. Месячная выработка рабо-

чего в первом полугодии 1935 г. выросла по сравнению с соответствующим периодом прошлого года в среднем по тяжелой промышленности на 15,5%. Особенно значительный рост выработки дают цветная металлургия (на 46,2%) и железорудная (на 26,3%). Ряд отраслей машиностроения — Главлокомотив, ГУТАП, Главметиз, Главсредмаш — дают увеличение среднемесячной выработки на 23%, 28%, а Главсельмаш — даже на 39,5%.

Как развивалась в первом полугодии 1935 г. борьба за снижение расходных коэффициентов, за повышение использования оборудования, за снижение простоев, сокращение брака?

Вот некоторые данные, характеризующие борьбу за снижение расходных коэффициентов: удельный расход условного топлива по грэс Главэнерго составлял (в кг на 1 выработанный кВтч электроэнергии) в 1934 г. 0,684, в апреле 1935 г. — 0,648 и в мае — 0,657. Эта цифра даже несколько лучше плана на второй квартал. О том же, что возможны лучшие результаты, говорит тот факт, что многие станции укладывались уже в первом квартале в коэффициент 0,560—0,599.

Возьмем расход металлошихты и кокса на 1 т чугуна (передельного). Образцовый пример борьбы за снижение расходных коэффициентов дает Макеевский завод, который начиная с января 1935 г. из месяца в месяц дает лучшие и лучшие показатели. Приводим данные по этому заводу, великолепные не только по своему конечному результату, но и по своей внутренней динамике.

Расход металлошихты и кокса на 1 т чугуна (в тоннах)

	На одну тонну передельного чугуна						
	в среднем за 1934 г.	январь 1935 г.	февраль 1935 г.	март 1935 г.	апрель 1935 г.	май 1935 г.	июнь 1935 г.
Всего металлошихты	2,181	2,165	2,050	1,939	1,893	1,820	1,738
В том числе руды железной . .	1,992	1,935	1,861	1,777	1,723	1,657	1,550
Кокс	0,937	0,989	0,916	0,909	0,897	0,870	0,841

Макеевский завод им. Кирова таким образом к маю снизил в среднем по сравнению с 1934 г. на 20% расход металлошихты (в том числе почти на 25% руды железной) и на 15% расход кокса.

Что же сказать о тех заводах, у которых расход металлошихты составляет 2,1—2,2, расход железной руды 2,0 т и выше, а расход кокса — 1,1—1,2? Что эти заводы еще работают плохо, что они еще не овладели высокой культурой борьбы за низкие расходные коэффициенты, что у них по этой линии еще огромные резервы.

В расходе металлошихты на 1 т стали мартеповской лучших результатов добился Кузнецкий завод им. Сталина, который начиная с марта дает неизменно лучшие показатели: 1,088, 1,048, 1,032, 1,060; хорошие показатели — 1,084, 1,080 — давал Магнитогорский завод в январе и феврале; на уровне 1,115, 1,116, 1,117, 1,129 идет с марта по июнь Макеевский завод; примерно на уровне этих коэффициентов сто-

ял Сталинский завод (Донбасс) в марте и апреле; наконец хороших расходных коэффициентов добился по расходу металлошихты завод «Коминтерн» в мае и июне. В то же время этот коэффициент на Азовстали — 1,261, на Енакиевском — 1,348. Еще недостаточно дерутся эти заводы за низкие расходные коэффициенты, за резервы, за рентабельность.

Если мы возьмем расходные коэффициенты металлов на главные изделия машиностроения, то увидим, что и здесь налицо огромные еще возможности дальнейшего улучшения работы. На паровоз типа 0-5-0 серии «ЭМ» с тендером завод «Красный Профинтерн» расходовал в среднем за 5 месяцев 1935 г. 121,1 т, Луганский завод — 124,5 (за 4 месяца), а Харьковский паровозостроительный — 113,9 т. Бросаются в глаза два обстоятельства: первое — это то, что Луганский завод на 11 т, а «Красный Профинтерн» на 7—8 т расходуют больше металла на паровоз, чем ХПЗ; второе — все эти заводы дали незначительное, но все же повышение расхода металла в 1935 г., хотя его перерасход и так заведомо велик. Далее, в то же время как ХПЗ за 5 месяцев 1935 г. дал экономию в 8,5% по цветным металлам, «Красный Профинтерн» ухитрился повысить их расход на 7,7%.

С повышенными нормами расхода металла против прошлого года идут «комбайн 15» (без мотора) заводов «Коммунар» и «Саркомбайн». О том же, что большие возможности реальной экономии имеются, говорит опыт завода им. Орджоникидзе, давшего по отдельным станкам 5—14% экономии металла по сравнению с прошлым годом. Но и это, разумеется, — только начало действительно культурной работы, которая предполагает минимум брака, ликвидацию излишних припусков, излишних потерь металла и времени на его расплавление, отливку, холодную обработку (снятие стружки) и т. д. Зло здесь даже не столько в прямой потере металла (хотя и оно велико), сколько в потере производственных мощностей, связанных с обработкой излишних количеств металла.

Расходные коэффициенты металлов (черных) на изделия машиностроения
(в тоннах на штуку)

Наименование изделий и заводов	1934 г.	Май 1935 г.	5 месяцев 1935 г.	5 месяцев 1935 г. в % к 1934 г.
«Комбайн 15» без мотора с соломокопнителем:				
а) завод «Коммунар»	3 773	4 215	4 161	+10,3
б) » «Саркомбайн»	3 639	3 867	3 880	+ 6,6
Револьверный станок типа 136, завод револьверных станков им. Орджоникидзе	4 282	4 142	4 041	— 5,6
Револьверный станок типа 137, завод револьверных станков им. Орджоникидзе	5 089	4 577	4 382	—13,9
Горизонтально-фрезерный станок 6Г-82, Горьковский завод	3 469	3 258	3 264	— 5,9

Перейдем к данным, характеризующим степень использования оборудования.

В среднем за месяц тяжелая врубовая машина давала в 1934 г. по Донбассу 2 423 т, по Мосбассу — 1 682 т, по Кузбассу — 4 066 т. За январь—май 1935 г. эта выработка поднялась: по Донбассу до 2 525 т,

по Мосбассу до 2 305 т, по Кузбассу до 4 700 т. Коэффициент использования отбойных молотков даже несколько снизился по Донбассу и Кузбассу, значительно повысившись по Мосбассу (до 200 т против 147 в Донбассе).

В нефтяной промышленности мы имеем следующие показатели скорости проходки нефтяных скважин (в метрах)¹:

Виды бурения	По плану на 1935 г.	Фактически пройдено за 1 станкомес-яц					
		1 9 3 4 г.			1 9 3 5 г.		январь—май
		в сред. за год	январь—май	I квар-тал	апрель	май	
В среднем	242	158,5	158,2	196,7	249,1	232,0	214,8
Эксплоатационное	327	207,0	207,8	254,6	318,9	306,1	279,2
Эксплоатационно-разведочное	189	106,0	101,1	149,8	205,6	176,4	166,0
Разведочное	137	97,2	92,0	113,7	157,4	141,0	128,5

Налицо значительное повышение интенсивности проходки скважин, но и эти данные еще очень далеки от показателей бурения в США и еще не обеспечивают плановых норм 1935 г., хотя в апреле эти нормы уже были достигнуты. Впереди других трестов по показателям идет Майнефть, которая уже в первом квартале перевыполнила плановое задание, а в апреле обеспечила в среднем 305 м проходки на 1 станок, а по эксплуатационному — 405 м.

Остановимся вкратце на браке. И здесь еще кроются громадные резервы, которые могут и должны быть реализованы в борьбе за культурную работу. На крупнейших наших машиностроительных предприятиях брак не показывает (за исключением Главсельмаша и большинства предприятий, подчиненных наркомату) сколько-нибудь устойчивых тенденций к снижению. На многих предприятиях Главэнергопрома, Главлокомотива, Главстанкоинструмента мы имеем даже рост брака, потери от которого исчисляются в миллионах рублей. Особенно велик брак в литейных цехах, где он иногда поднимается до 12—14% (ЧТЗ, «Саркомбайн», Ростсельмаш, Люберецкий); в мае на заводе «Серп и молот» (Главсельмаш) брак в литейном цехе поднялся до 25,8%.

По механическим цехам большой процент брака дают станкостроительные заводы (им. Орджоникидзе, Горьковский, им. Свердлова); здесь брак в некоторые месяцы по отдельным цехам достигал 18—20% валовой продукции и выше. 33% брака ухитрился дать в мае Златоустовский завод в цехе тракторных деталей.

Совершенно очевидно, что велики еще наши резервы по линии максимального сокращения брака.

1935 год — год напряженной борьбы заводов тяжелой промышленности за рентабельность. Макеевский завод, добившийся во втором квартале коэффициента использования домен 0,96 (в мае 0,92, в июне 0,93), добившийся в июле коэффициента 0,86, давший отличные пока-

¹ Без треста Сахалиннефть.

затели по расходным коэффициентам, осуществивший перестройку зарплаты и внедрение хозрасчета на всех производственных участках, — этот завод первым из заводов черной металлургии добился безубыточности, а затем и рентабельности.

Он снизил себестоимость в первом квартале на 12,8%, в апреле на 21,2 и мае на 24,1%¹.

Макеевский завод первым опроверг на практике оппортунистические теории о невозможности рентабельной работы советской металлургии.

Следующая таблица характеризует динамику снижения себестоимости в 1935 г. по группе передовых заводов черной металлургии¹:

Наименование предприятий	1квар- тал	Ап- рель	Май
Макеевский завод им. Кирова . . .	-12,8	-21,2	-24,1
Запорожсталь	-3,4	-13,7	-18,4
Криворожский завод	-4,6	-15,6	-18,4
Завод им. Петровского	-9,3	-15,8	-19,3
Завод им. Ворошилова	+0,6	-17,0	-17,5
Кузнецкий завод им. Сталина . . .	-9,3	-15,9	—
Магнитогорский завод	-4,5	-8,7	-13,5
Таганрогский »	-7,0	-17,4	-14,0
Алапаевский »	-5,4	-12,8	-12,6
Златоустовский »	+4,0	-7,5	-10,7
Сталинский »	+0,6	+1,1	-9,8
Енакиевский »	-2,6	-8,8	-9,7

На Макеевском заводе в июле заводская себестоимость чугуна составила 42 р. 90 к. и стали по новомартеновскому цеху 63 р. 81 к. Не только по чугуну и стали, но и по всем без исключения видам своей продукции завод дал себестоимость ниже существующих отпускных цен.

Этот завод показал полную возможность рентабельной работы черной металлургии и открыл новую блестящую страницу в борьбе заводов за себестоимость, за рентабельность, за высокую производственную культуру. Отказавшись полностью от государственных дотаций, Макеевский завод не только добился безубыточности, но и дал прибыль за первое полугодие 1935 г. В июле эта прибыль составила 1,3 млн. руб. Добились рентабельности также «Красный Октябрь», «Электросталь», «Серп и молот». Приближаются к полной безубыточности заводы им. Дзержинского, «Коминтерн» и другие передовые заводы металлургии.

Вслед за черной металлургией серьезное наступление по линии качественных показателей развернула цветная металлургия, где по большинству заводов в апреле и мае достигнуто снижение себестоимости против прошлого года на 10—14% и 16—19%. В машиностроении уже в первом квартале достигнуто значительное снижение себестоимости; апрель, а затем май дают все большие сдвиги в деле снижения себестоимости. Особенно больших, решающих успехов удалось достигнуть в 1935 г. следующим заводам¹:

¹ Без удорожания за счет хлебных надбавок к зарплате и повышения цен на некоторые материалы.

Наименование заводов	I квартал 1935 г.	Апрель	Май
Им. Лепсе (Главэнергопром)	— 8,0	—15,8	—29,0
Луганский	— 7,9	—10,3	—12,6
Мытищинский (Главвагоипром)	—29,9	—29,6	—28,6
ЧТЗ (ГУТАП)	—22,5	—25,8	—25,2
Кировский	—16,5	—24,5	—31,1
Заводы Главсельмаша			
«Красная звезда»	—12,2	—14,5	—25,9
Ростсельмаш	— 9,7	—17,2	—17,3
«Коммунар»	— 8,2	—14,6	—18,1
Заводы Главстанкоинструмента			
«Калибр»	—22,3	—20,8	—23,9
Револьверных станков	— 9,8	—19,4	—15,2
Фрезерных станков	—14,8	—14,6	— 7,4

Успехи 1935 г. — это успехи освоения новой техники, внедрения передовой производственной культуры, реализации исторических указаний т. Сталина о хозрасчете и контроле рублем, о том, что вся тяжелая промышленность должна обеспечить накопление. Недалеко то время, когда все предприятия станут безубыточными, прибыльными. Уже сейчас можно сказать, что мы идем к перевыполнению плана второй пятилетки как в отношении производства продукции, так и в отношении внутрипромышленного накопления. Это развертывает широчайшие перспективы еще более быстрых темпов строительства социализма.

Проблема мобилизации резервов производственной мощности решалась и решается нами в условиях острой классовой борьбы, в условиях борьбы и победы над всеми и всякими уклонами от генеральной линии партии, в борьбе и победе над правым и право-левым уклонами, над контрреволюционными троцкизмом и зиновьевщиной, ставшими прямой агентурой фашизма.

Под руководством великого Сталина партия, рабочий класс СССР уверенно завоевывают все новые и новые позиции в деле дальнейшего развития и укрепления мощной тяжелой индустрии — этой материальной базы социализма.

МТС на этапе завершения в основном механизации колхозов

Социалистическое земледелие вступает в этап завершения в основном механизации главнейших производственных процессов. Это целиком относится к зерносовхозам, которые в этом году более девяти десятых своего урожая убрали комбайнами. Это почти целиком относится и к колхозам в основных зерновых районах страны. Это относится также ко многим колхозам районов свеклосеяния. Здесь уже создана материально-техническая база, созданы кадры и накоплен опыт освоения новейшей техники — всего этого достаточно для завершения в основном механизации. В этих хозяйствах по-новому встают вопросы сочетания трактора с конем, вопросы организации труда, создаются условия для подъема на новый агротехнический уровень.

Разрешение этих новых задач требует подытоживания всего пройденного передовыми совхозами, МТС и колхозами пути. Для этой цели мы воспользуемся данными монографического изучения одной из передовых МТС — Токаревской МТС, Воронежской области. Эти данные — яркий показатель огромной организующей и преобразующей роли МТС. С ее помощью достигли технического перевооружения и хозяйственного расцвета 54 колхоза вымиравшей до революции тамбовской деревни.

Результаты этого перевооружения колхозов Токаревского района, выраженные в количестве орудий и машин на 1 000 га пахотной земли, представлены в следующей таблице:

Названия орудий и машин	1910 г.		1935 г.	
	всех	в т. ч. механич.	всех	в т. ч. тракторных
Сохи и косули	169,25	—	—	—
Деревянные бороны	154,46	—	—	—
Плуги железные (в лемехах) . .	18,53	—	43,30	6,10
Бороны железные.	1,45	—	50,20	0,80
Лушильники и культиваторы . .	1,08	—	8,00	2,20
Сеялки хлебные.	0,46	—	10,60	1,35
Уборочные »	1,89	—	8,00	0,20
Молотилки »	6,58	—	4,24	1,50

Кроме того сейчас имеются усовершенствованные машины и орудия для обработки сахарной свеклы, получившей широкое развитие в районе.

Такое количественное сравнение является далеко недостаточным, так как нельзя сравнивать или складывать конный инвентарь с тракторным. Последний дает в десятки раз большую производительность. Однако и количественное сравнение дает уже яркое представление о глубоком техническом перевороте.

До революции крестьянство Тамбовского уезда почти целиком обрабатывало землю деревянными сохами, косулями и бородами. Железным плугом производилось не более 15% вспашки. Посев и уборка почти целиком производились вручную. Конными жатками и лобогрейками убиралось до 5%, а конными сеялками засеивалась еще меньшая доля. При этом нельзя забывать, что улучшенные орудия (железные плуги, культиваторы), а также сложные машины (сеялки, жатки, молотилки) целиком находились в руках зажиточного крестьянства, главным образом кулачества. Бедняцко-средняцкая масса (нынешние колхозники) ничего не имела кроме сох, косуль и деревянных борон. Некоторый технический прогресс, имевший место в крестьянском хозяйстве, совершенно не задевал бедняцко-средняцкого крестьянства, задавленного крепостнической кабалой и капиталистической эксплуатацией.

За 18 лет с корнем вычищены все остатки средневековья, державшиеся в течение тысячелетия. Место деревяшек заняли сложнейшие машины и орудия механической тяги. Число железных плугов возросло в 2,33 раза. Но главное не в этом количественном росте коренных конных орудий, а в том, что на каждые 1 000 га уже имеется свыше 6 тракторных лемехов, из которых каждый в 1934 г. сделал по 117 га пахоты. Один тракторный лемех сделал почти столько, сколько в 1910 г. сделали все 18 конных железных плугов. Число железных борон возросло в 34,5 раза, культиваторов и луцильщиков — в 8 раз, сеялок — в 23 раза, уборочных машин — в 4,3 раза. И среди этих машин, так же как и среди плугов, заметное место уже заняли тракторные машины, каждая из которых дает по сравнению с конной машиной значительно большую продукцию, а главное дает работу на гораздо более высоком агротехническом уровне, обеспечивает другую, более высокую урожайность. Таковы общий характер и размеры технического перевооружения, произведенного МТС в колхозах своего массива.

1. Новая энергетическая база

Единственной тяговой силой тамбовской деревни на протяжении всего исторического периода до развертывания массовой коллективизации был рабочий скот. Более того, 37% бедняцко-средняцкой части крестьянства до революции не имело даже лошадей.

По-разному встретили строительство МТС и внедрение трактора различные классовые группировки. Горячо поддержала это начинание советской власти беднота. Она заполнила доотказа курсы трактористов и в Красивке и в Токаревке, села на трактор и под градом кулацких камней провела первые борозды на колхозных полях. Кулак встретил МТС и трактор в штыки не потому конечно, что он вообще против новой техники как таковой. До революции и даже до коллективизации он охотно покупал кое-какую машину. Теперь он был против машины, так как это была не просто машина, а советская машина — средство уничтожения кулачества как класса, средство усиления колхозов, защиты интересов трудящихся масс против кулака, — машина, доступная лишь крупному социалистическому хозяйству. В 1929 году — год великого перелома — в сторону колхоза повернул середняк.

Строительство МТС началось осенью 1929 г. Развертывание и укрепление коллективизации явилось главной задачей и содержанием рабо-

ты МТС. Осенью 1929 г. на колхозные поля было направлено 42 трактора. Это были 10-сильные интернационалы, лучшая из иностранных марок. Своих, советских тракторов еще почти не было. Кампания по заключению договоров между МТС и колхозами вылилась в политическую борьбу между беднотой и кулачеством и сопровождалась многолюдными и бурными митингами. После выезда тракторов на поля кулак от политической агитации против МТС перешел к активным действиям, избивая трактористов, засыпая им глаза землей, ломая тракторы, организуя отсталых женщин на активные выступления.

Кулацкая агитация и сопротивление были разбиты большевистским делом. Запаханые тракторами колхозные поля дали прекрасный урожай. Более высокое качество обработки и последовавшая отсюда более высокая урожайность колхозных полей по сравнению с единоличными сломили колебания середняка. Затем последовал бурный рост новой энергетической базы.

К концу 1934 г. тракторный парк Токаревской МТС насчитывал уже 96 машин. Мощность парка выросла в 2,3 раза. В составе тракторов появились 2 мощных гусеничных «сталинца» (ЧТЗ) и 31 советский трактор СТЗ и ХТЗ. Из старых ветеранов, уже известных нам 42 интернационалов, участников борьбы за сплошную коллективизацию начиная с 1929 г., сохранились 32 машины.

Состав и мощность парка отражают создание собственной советской базы тракторостроения. Помимо тракторного парка за последние три года создан автопарк в составе 23 грузовых машин, а также возросло количество стационарных двигателей. Общая мощность двигателей (тракторов, авто, стационарных двигателей) возросла почти в 5 раз и достигла 2 575 НР.

Победа коллективизации не принесла с собой затихания классовой борьбы. Кулак пролез в колхозы и в аппарат самой МТС, действуя орудием вредительства и саботажа. В 1932 г. старший механик МТС Ильин, сын кулака, подготовил к сдаче на слом фордзоны и интернационалы, пробывшие в эксплуатации более 3 лет, как отработавшие свою норму в 8 тыс. часов. Ильин был во-время разоблачен и выгнан. Большинство из этих машин здравствует и по настоящее время, отработав еще три сезона. Так практически на месте проводились вредительские теории Вольфа — Фабриканта о целесообразности быстрейшей амортизации. Массовое кулацкое вредительство было совершено в отношении рабочего скота. Количество последнего за этот период не только не выросло, а сократилось по массиву на 3%. Ставка кулака на отсталые элементы внутри колхозов, на разложение колхоза изнутри была однако бита организационно-политической работой партии. Сокращение рабочего скота было перекрыто мощностью механических двигателей. Общая энергетическая мощность (двигатели плюс рабочий скот) возросла более чем в 1,5 раза по силовой мощности и более чем вдвое по возможной производственной мощности. Уже с осени 1934 г. фактический удельный вес тракторных работ составил выше 48%, а по своей реальной производственной мощности (исходя из фактической выработки лучшего тракториста) тракторный парк может произвести все колхозные полевые работы на 100%. Вот то существенное новое, что создает в МТС новую обстановку, выдвигает новые трудности и ставит новые задачи. Этот новый этап, в который вступает Токаревская МТС, есть этап завершения в основном механизации сельского хозяйства.

В энергетической базе колхозов ее новая механическая часть заняла не только ведущее, но и абсолютно преобладающее место. В начале 1934 г. доля рабочего скота еще занимала 52,3%. Сейчас в связи с отходом части колхозов к новой МТС отошла и часть рабочего скота, а механические двигатели МТС остались все на месте. В связи с этим доля рабочего скота составляет всего лишь 37% всей энерго-мощности, остальное приходится на тракторы, автомашины и стационарные двигатели. Фактическая роль двигателя в основном комплексе земледельческих работ еще выше ввиду двухсменной работы и большей скорости.

2. Сельскохозяйственные машины и орудия

В капиталистической земледелии система машин не получила широкого распространения. Только в СССР на базе МТС совершается впервые в истории широчайшее внедрение машин не только в совхозах, но и на полях колхозного крестьянства.

Огромнейший рост сложных тракторных машин и появление всего комплекса разнообразнейших машин в Токаревской МТС видны из следующей таблицы:

Машины и орудия	1931 г.		1935 г.	
	всего штук	на 1000 га	всего штук	на 1000 га
Плуги	49	0,85	82	2,16
Лушительники, букеры и пшеничные плуги	—	—	77	2,0
Бороны дисковые и рычажные	—	—	31	0,82
Культиваторы	—	—	17	0,45
Сеялки хлебные	117	2,82	51	1,35
„ свекловичные	—	—	75	2,0
Сноповязалки и косилки	—	—	5	8,13
Комбайны	—	—	2	0,05
Свеклоподъемники	—	—	19	0,5
Сложные молотилки	20	0,48	53	1,40

Здесь приведен только тракторный инвентарь. Кроме того имеются такие сложные конные машины, как пропашные культиваторы «украинка» — 45 шт., культиваторы 9-штанговые — 72 шт., опрыскиватели — 65 шт., а также простейшие орудия, как бороны «зигзаг» — 111 звеньев и т. д. Из приведенных в таблице десяти видов тракторных машин и орудий в 1931 г. имелись всего лишь три вида, остальные семь появились позже. Машиновооруженность за период 1931—1934 гг. сильно возросла и изменилась по своей структуре. Количество корпусов плугов увеличилось с 124 до 232, т. е. почти в два раза. Двухкорпусные плуги в основном заменены трехкорпусными и четырехкорпусными. Количество сложных молотилок возросло в 2½ раза. Заново появились культиваторы, лушительники, свекловичные сеялки, сложные уборочные машины (комбайны, сноповязалки, свеклоподъемники). МТС имеет большие достижения в механизации обработки и уборки свеклы. Последовательно за это время были внедрены конная мотыга «украинка», затем лапа Кашука и в 1934 г. — мощные шестилапчатые тракторные свеклоподъемники, давшие прекрасные результаты.

Огромным успехом является также переход от конных молотилок

к механическим сложным, дающим экономию на обмолоте зерна по сравнению с конными на десятки процентов. Успешно начато внедрение таких сложных уборочных, как комбайны, тракторные сноповязалки. Эту сложнейшую механическую технику колхозное крестьянство Токаревской МТС смогло увидеть и применить на своих полях только благодаря коллективизации и в борьбе за нее с кулачеством. Борьба со стороны кулачества сказывалась в организации открытого саботажа сложных машин МТС и в поддержке в среде отсталых колхозников чувства боязни новых машин. В отношении к сложным молотилкам МТС в отсталых колхозах распространялись настроения саботажа. Развивался ажиотаж вокруг приобретения и ремонта конных молотилок колхозами при наличии у МТС сложных тракторных. Агитация классового врага проникала и в аппарат МТС: 9 свеклоподъемников с 1931 г. до 1934 г. стояли без применения. Сказалось неверие в возможность освоить новую машину и в отношении к комбайнам, которые также два сезона стояли без применения. Кулак агитировал за ручную и конную уборку, в результате чего участки для машинной уборки не подготовлялись заблаговременно, а подчас участки, уже отведенные под механическую уборку, поспешно убирались вручную до приезда тракторов.

Однако ни по количеству, ни по качеству система имеющихся в МТС машин не является еще совершенной. По количеству безусловно мало культиваторов, зерновых сеялок, уборочных машин. Говоря о системе машин, надо иметь в виду зерново-свекловичное направление колхозного производства, требующее глубокой пахоты, тщательной борьбы с сорняками, многократной культивации и прополки. Существующие марки не совсем удовлетворяют этим требованиям. Количество машин и орудий недостаточно, не обеспечивает использования тракторной мощности. Имеются двухлемешные плуги, а также плуги, не дающие глубины более 15 см, нет предплужников у плугов. Совершенно отсутствовали в 1934 г. собственные шлейфы и катки, обязательные для свекловичной культуры. Существующая система машин обеспечивает, и то не полностью, только три операции: пахоту, луцевку и молотьбу.

Нынешний парк отражает на себе следующие недочеты: некомплектность, несоответствие типу хозяйства, многомарочность.

Мощную тракторную базу МТС нельзя конечно рассматривать оторванно от машин, имеющихся в колхозах. Эти последние сочетаются с первыми в производственном процессе и дополняют недостающие звенья. В колхозах Токаревской МТС (в новых границах) на 1 декабря 1934 г. имелся следующий инвентарь:

Плугов (в лемехах)	1413	штук	Лобогреек	33	штуки
Культиваторов пружинных	93	„	Сенокосилок	20	„
Сеялок конных	358	„	Конных граблей	31	„
Борон (звеньев)	1765	„	Конных молотилок	106	„
Жаток	239	„			

Сочетание механических средств производства с машинами и орудиями конной тяги в Токаревской МТС складывалось следующим образом: МТС брала на себя в основном пахоту и молотьбу, предоставив остальное колхозным средствам производства. Такое сочетание имело известное основание в первые годы реконструкции в связи с недостатком тракторов и машин. Теперь положение в корне меняется. В руки государства в первую очередь была взята молотьба как завершающая операция, с которой связаны значительные потери при распылении процесса молотьбы между конными молотилками

и множеством токов и от которой зависят также сроки и полнота выполнения обязательств перед государством. Пахоту же МТС взяла на себя как самую тяжелую из с.-х. работ, которая быстрее и эффективнее может быть выполнена трактором. Если подходить с точки зрения эффективности разделения труда между средствами производства МТС и колхозов в дальнейшем, то безусловно нецелесообразно сосредоточивать всю работу МТС на одной операции, а надо овладеть такой системой машин, при которой можно было бы загрузить полностью тракторный парк.

Вступлению в завершающий этап механизации со всей резкостью ставит вопрос о полном использовании машинно-тракторного парка. Как мы видели из предыдущего, это полное использование упирается в Токаревской МТС в недостаток сложных тракторных машин (сеялок и уборочных). Дальнейшее комплектование и совершенствование системы машин в МТС — очередная задача дня.

3. Использование рабочего времени в МТС

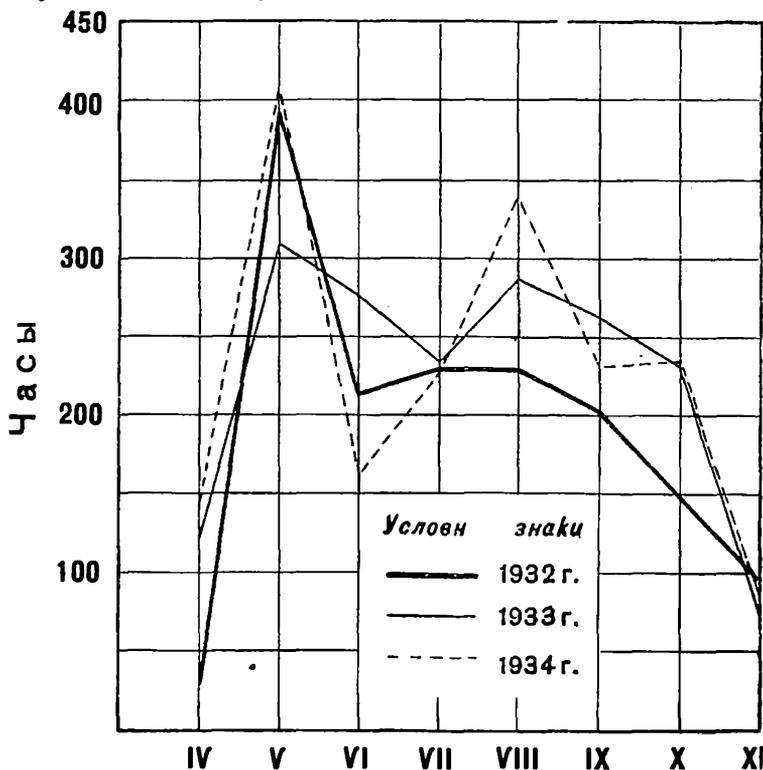
Создание кадров МТС, борьба за организацию людей, за повышение их материального благосостояния, за повышение квалификации, за соцсоревнование и ударничество — это ведущее звено в деле освоения техники, в деле эксплуатации машинно-тракторного парка. Основным эксплуатационным показателем для МТС является объем выполненной работы в условных га на один годовой трактор. По этому признаку следует судить о лучших МТС, трактористах и тракторах. Число часов использования и часовая производительность — частные признаки, определяющие результивный признак объема. Чтобы подойти к этому последнему, рассмотрим сначала, как использовано в Токаревской МТС рабочее время тракторов.

МТС в первый же год своей работы близко подошла к выполнению нормы использования тракторов, установленной НКЗемом в 2 400 часов в год. Норма выполнена на 94%. На второй год работы она на 19% превысила эту норму, но при этом не были выполнены необходимые качественные показатели по уходу за трактором. Поэтому машинно-тракторный парк был настолько искалечен, что работа в следующем, 1932 г. резко снизилась — норма была выполнена лишь на 62%. Этот скачок и последующий срыв в работе тракторны в период 1931—1932 гг. для многих МТС. Они отражают в своей работе вредительскую политику Коварского — Фабриканта на уничтожение сложной машинной техники, выведение из строя машины путем круглосуточного ее использования в руках неподготовленных людей. В 1932 г. кулацкий саботаж МТС и последствия вредительского использования машины в предыдущем году привели к резкому снижению использования парка. Последующие, 1933—1934 годы — годы медленного, но верного подъема в организационно-хозяйственном укреплении колхозов — приводят к тому, что и МТС повышает использование своего рабочего времени, а именно в 1933 г. — до 76,9% нормы, в 1934 г. — до 77,3% нормы. 1 854 часа чистой работы повышенного качества — как в обработке почвы, так и в уходе за машиной — говорят о вполне удовлетворительной постановке дела в условиях Токаревской МТС, которая пользуется этими тракторами уже пятый сезон.

Для новых 15-сильных машин Наркомзем назначил норму и 2 400 часов. Вместе с возрастом трактора эта норма должна снижать-

ся. Всего за пятилетку число часов работы на каждую машину составляет 10 400, что в среднем на каждый год пятилетки дает 2 080 час. Это — высокий уровень, от которого надо конечно отправляться в борьбе за дальнейшие достижения, помня однако уроки 1931—1932 гг.: не зарываться и обеспечивать вместе с подъемом высококвалифицированный уход за машиной и высокое качество обработки почвы и урожая. Трактористы, работающие на машинах нашей марки СТЗ—ХТЗ, использовали свое рабочее время хуже, чем работавшие на самой лучшей иностранной марке: интернационал 10/20. Отставание объясняется недостаточной освоенностью этой марки, завезенной в МТС в 1933 г.

Парк все годы работает по 8 месяцев в году — с апреля по ноябрь включительно. С декабря по март включительно он полностью бездействует. Трактор как специально облегченный с.-х. двигатель и не приспособлен для круглогодичного использования. При этом апрель и ноябрь — первый и последний рабочие месяцы — используются лишь частично, в зависимости от условий погоды, начала и конца с.-х. полевых работ. Что касается остальных месяцев, то их полное использование уже почти целиком зависит от качества планового руководства и технического обслуживания. Безусловно можно так спроектировать годовой план работы, чтобы добиться спокойного режима, с небольшими отклонениями — пиками в мае во время весеннего сева и в августе в косовицу — и незначительным по времени провалом в июле для производства среднего ремонта. График истекших лет имеет следующий характер:

Самым беспокойным режимом отличается 1934 г. Оба пика и провал наиболее ярко выражены. Наоборот, самым спокойным режимом характеризуется 1933 г. — и пики и провал не имеют резкого ха-

рактера. 1932 г. имеет самый высокий майский пик за все эти годы, однако последующий непрерывный скат привел к тому, что этот год дал минимум использования рабочего времени. В посевную кампанию МТС допустила перенапряжение в работе тракторов, не обеспечив надлежащего ухода, и до конца года уже не могла наладить ремонта и ухода за машинами.

Подобная же ошибка была повторена и в 1934 г. После весеннего перенапряжения пришлось в июне поставить тракторы в ремонт и растянуть его на два месяца. Однако в августе удалось опять поднять использование рабочего времени, правда, ненадолго — только на один месяц. Таким образом главнейшими причинами неполного использования являются недостатки в планировании работы и организации ремонта. Тщательным планированием годового графика работ нужно и можно добиться полного и равномерного использования всего запаса тракторной мощности в течение всех 8 месяцев. Тщательный зимний ремонт и постановка предупредительного ухода и ремонта создадут условия для бесперебойной работы в течение апреля, мая, июня, с тем чтобы перед косовицей ставить парк на средний ремонт

В 1932 г. трактор работал в сутки от 8 до 15 час., в 1933 г. — от 11 до 15,5 час. и в 1934 г. — от 15,5 до 17,5 час. Как видим, из года в год размах колебания суточной работы сокращается и число часов работы в сутки возрастает. Чтобы обеспечить, с одной стороны, выполнение и перевыполнение нормы и дать одновременно высокое качество работы, а с другой — проводить высококачественный уход, нужна в среднем чистая работа по 16 часов в сутки. Парк Токаревской МТС уже почти достиг этого показателя в 1934 г., но он добился его за счет сокращения количества дней работы, как это мы увидим ниже из анализа простоев. Не сократи МТС количества дней работы в течение года, парк при 16 часах суточной работы дал бы за год если не превышение, то во всяком случае выполнение годовой нормы (для этого нужно 150 рабочих дней).

Это свидетельствует о том, что Токаревская МТС добилась улучшения в уходе за трактором, стало меньше мелких неполадок, но все еще неблагоприятно с предупредительным ремонтом.

4. Борьба с холостыми переездами и простоями

Холостые пробеги тракторов в условиях МТС бывают двух видов. К первому из них относятся холостые пробеги тракторов, которые происходят в результате переезда с одного участка на другой, из одного колхоза в другой. Количество этих переездов зависит от качества планирования работы тракторных отрядов.

По отчетным данным Токаревской МТС, за последние годы холостые пробеги (с одного участка работы на другой) представляются в следующем виде:

Г о д ы	Тракторы интернационал 10/20			Тракторы СТЗ		
	холостые пробеги на 1 трактор (в часах)	в % к рабочим часам трактора	в % к 1931 г.	холостых пробогов на 1 трактор (в часах)	в % к рабочим часам трактора	в % к 1932 г.
1931	256,9	9,0	100	—	—	—
1932	168,1	12,6	65	163,7	—	100
1933	129,7	6,7	51	150,6	8,3	92
1934	138,7	7,6	54	186,8	10,5	114

Из приведенных цифр видно, что количество холостых пробегов в среднем на один трактор, снизившееся в 1933 г., в 1934 г. снова возросло. По трактору интернационал 10/20 холостые пробеги в 1933 г. сократились вдвое по сравнению с 1931 г., а в 1934 г. несколько выросли — до 54%. В это же время холостые переезды тракторов СТЗ, несколько сократившиеся в 1933 г., в 1934 г. безобразно возросли. Таким образом холостые переезды в Токаревской МТС как по абсолютному количеству — от 138 до 186 часов на 1 трактор, — так и в процентах к количеству рабочих часов трактора продолжают оставаться весьма значительными. В 1934 г. МТС потеряла на холостых переездах 12 098 тракторочасов, или свыше 4 тыс. га пахоты.

Второй вид холостых пробегов — это холостые проходы агрегата, которые он делает в процессе работы при поворотах, заездах, переездах с одной загонки на другую и подъездах к заправочным пунктам. Количество этих холостых проходов агрегата находится в прямой зависимости от качества работы по организации рабочего участка и расстановки на ней базы отряда, заправочного пункта, бочек с водой и т. п. Эти холостые пробеги не учитываются в МТС. По отчетным данным, они включаются в рабочее время трактора. Из непосредственных наблюдений над работой отдельных агрегатов в Токаревской МТС следует, что этот вид холостых пробегов колеблется в пределах от 10 до 20% всего рабочего времени трактора на данном участке. Количество этих холостых проходов при разумной организации рабочего участка может быть сокращено в 2—4 раза. Можно следовательно сэкономить каждому трактору сотни часов для полезной работы. К этому во многих отрядах МТС еще не приступили.

В большинстве отрядов база поставлена не на месте; заправочный пункт также стоит нерационально; направление рабочего хода трактора, величина рабочей загонки и ее конфигурация не отвечают условиям местности; рабочая борозда до безобразия искривлена и т. п. Не только трактористы и бригадиры, но и некоторые механики не понимают, какое огромное значение имеет прямая борозда для производительности агрегата и качества работы, как она уменьшает утомляемость тракториста, снижает износ рулевого механизма и механизмов дифференциала.

Как видно из приведенных выше примеров, перспективы Токаревской МТС в деле сокращения холостых пробегов исключительно велики. Почти вся работа в этом отношении еще впереди, а отсюда следовательно и огромные возможности повышения производительности машинно-тракторного парка за счет сокращения холостых проходов.

Перейдем к анализу простоев и возможности повышения производительности машинно-тракторного парка за счет их сокращения. Подразделим все простои на три вида:

1. Простой трактора полными сменами, в течение которых он совсем не выходит на работу.

2. Простой трактора за время рабочих смен; сюда относятся простои длительные, которые получаются по причинам технического или организационного порядка.

3. Простои технологического порядка, связанные с пуском, установкой и регулировкой агрегата и очисткой прицепных машин.

Первые два вида простоев учитываются в МТС и получают отражение в ее отчетных материалах: Третий же вид в отчетности не отражается, и о величине этих простоев можно судить лишь по косвенным показателям.

Простой первого вида, по отчетным данным Токаревской МТС, составляет 37,5% валового рабочего времени, иными словами — из каждых 100 рабочих дней трактор занаряжался в работу в течение 62,5 дня; остальные 37,5 дня он по разным причинам, в том числе частично и по уважительным, оставался без наряда и в борозду не выходил.

За время занаряженных смен трактор простаивал по разным причинам в борозде 24,5%, т. е. в течение каждого четырех часов он в среднем один час стоял.

Простои в весеннюю и летнюю кампании 1934 г.:

Причины простоев	Простои целыми сменами		Простои в борозде		Итого		В % к общему рабочему времени за данный период
	в часах	в % к итогу	в часах	в % к итогу	в часах	в % к итогу	
Из-за неисправности трактора . .	535,8	36,0	158,0	50,0	693,8	38,5	26,0
Из-за неисправности прицепных машин	10,1	0,7	23,5	7,3	33,6	1,9	1,2
лапово-предупредительный ремонт	5,3	0,3	—	—	5,3	0,3	0,2
Отсутствие нефтепродуктов . . .	23,2	1,5	4,5	1,4	27,7	1,5	1,0
Из-за непогоды . .	407,1	27,5	47,0	14,8	454,1	25,2	17,0
Прочие	126,2	34,0	83,9	26,5	210,1	32,6	7,8
Всего	1 107,7	100	316,9	100,1	424,6	100	53,2
В % к общему рабочему времени за данный период (134 рабочих дня по 20 час.)	41,5	—	11,7	—	53,2	—	—

Из причин простоев особое внимание обращает на себя «планово-предупредительный ремонт» (0,3% от общей суммы простоев). Ничтожное время, затраченное на предупредительные меры, говорит о том, что технический уход и планово-предупредительный ремонт во многих отрядах МТС фактически отсутствуют. Этим обстоятельством по существу и следует объяснить высокий процент простоев.

5. Организация ремонта

Организация ремонта в борьбе за полное использование машинно-тракторного парка является главнейшим звеном, тесно связанным с организацией ухода за машиной. Самая система ремонта состоит из звеньев предупредительно-текущего, среднего и капитального. Основа правильной системы ремонта — предупредительно-текущий ремонт. Именно это звено определяет размеры других звеньев — среднего и капитального. В Токаревской МТС главное внимание уделено было в истекшие годы организации капитального ремонта, и на этом участке, как будет указано ниже, уже достигнуты некоторые успехи.

Планово-предупредительный и текущий ремонт должен произво-

даться в полевых условиях непосредственно в бригадах. Ремонт должны проводить трактористы и бригадиры под руководством разъездных механиков. Самый характер предупредительных мероприятий определяет огромнейшую роль в этом деле технического руководства и жесткого плана, направляющего и регулирующего работу центральной ремонтной мастерской как поставщика деталей, походных мастерских, быстро направляющихся к месту аварии по указанию диспетчера, механиков, контролирующих своевременную замену дефектных частей, наконец самих бригадиров и трактористов как непосредственных исполнителей ремонта.

Только с лета 1934 г. некоторые отряды МТС начали подходить к организации предупредительно-текущего ремонта, старались выполнять план-график, заполнять паспорта и дефектные ведомости, заранее выписывать необходимые детали. В результате машины этих отрядов бесперебойно работали весь сезон. Однако этот опыт был больше почином самих отрядов. Главные организаторы этого дела — механики — не сумели осуществить технического руководства. В МТС 9 разъездных механиков. Количество вполне достаточное. По своей подготовке — это лучшие из бригадиров. Причина их недостаточной работы — в слабости общего технического руководства со стороны старшего механика и дирекции. Механики были целиком заняты исправлением уже происшедших поломок и аварий, а организацией предупредительного ремонта, внедрением графика паспортов, дефектных ведомостей, контролем исполнения не занимались.

Другой причиной неорганизованности летнего ремонта является недостаточное количество походных мастерских — всего одна на 23 отряда, а также недостаток инструмента и ремонтного оборудования в самих отрядах.

Для среднего и капитального ремонта МТС располагает мастерской капитального типа. Ее пропускная способность при двухсменной работе и при условии нормального снабжения запасными частями — два трактора капитального ремонта в сутки. За истекшие годы заново создано промышленное заведение, не уступающее настоящему заводу местного значения: 129 рабочих и двигатель в 40 HP. В МТС четыре цеха: монтажный, токарный, кузнечный и моторный. Если раньше, в 1930 г., мастерская не могла производить самых простых операций, то сейчас «сами рассчитываем, шлифуем, заводу не уступим», — говорит лучший ударник МТС, токарь Зотов.

Дальнейшее развитие мастерской требует конечно роста станочного оборудования, нужна испытательная установка, нужны измерительные приборы, пресса и кран.

После разборки трактора и составления дефектной ведомости детали поступают по принадлежности в подсобные бригады.

До 1933 г. в мастерской не было ни сдельной оплаты, ни необходимых для введения сдельщины норм выработки и плановых заданий, ни учета труда. Сейчас шестидневные плановые задания доведены до бригад, тщательно проработаны нормы выработки, поставлен учет труда. Еще предстоит сделать много в организации зарплаты. Есть заниженные нормы. Разряды для большинства рабочих установлены без сдачи пробы и соответствующего испытания. Нужна постоянная техучеба.

Начата серьезная борьба за повышение качества ремонта. До 1933 г. работы принимались от рабочих «на-глазок», без браковщика. Моторы и тракторы поступали из ремонта без технической приемки.

Детали ставились без промывки. За дефект, за поломку никто не отвечал. Сейчас каждая деталь из бригады поступает к браковщику и без его метки не принимается ни кладовщиком, ни монтажной бригадой. На каждую забракованную деталь, на поломку инструмента составляется акт и определяется фактический виновник; отвечает также сменный механик.

Большое значение имеет, разумеется, качество материала и привозных деталей. Качество поступающих поршней, гильз, поперечных валиков, подшипников очень низкое. В частности у поршней и гильз недопустимо велик зазор. Из-за недостатка материала часто приходится ставить материал, технически не отвечающий правилам, например чугун вместо меди и т. д.

Итоги ремонтной кампании 1935 г. ярко подтверждают улучшение в организации зимнего ремонта. Несмотря на значительно большее количество тракторов, ремонт был закончен в 1935 г. на месяц раньше. По качеству ремонт выше прошлогоднего. Каждая деталь проверена, промыта. Мотор после сборки приработан на стенде. Пуск мотора происходит с полоборота. Замеченные приемочной комиссией дефекты сейчас же были исправлены. А прежде, в 1931—1932 гг., собранный мотор не могли никак завести, заводило его 15 человек.

Очередная задача в организации зимнего ремонта — снижение себестоимости. Капитальный ремонт одной машины в 1935 г. обошелся в 2 100 руб. — недопустимо дорого. Объясняется это отчасти изношенностью старых интернационалов, но главным образом дефектами в организации производства. Мастерская делала ряд сложных деталей отдельными индивидуальными заказами, выполняла несвойственную ей работу.

Мастерская не переведена до сих пор на хозрасчет и не имеет поэтому стимулов хозяйственной заинтересованности. Нет контроля рублем.

Нет еще достаточного внимания к людям. Зарплата не выплачивается по два месяца. Уравниловка и обезличка не изжиты еще полностью. Еще недавно (в 1933 г.) классовый враг покушался на поджог мастерской. Только благодаря бдительности коммуниста т. Портных удалось погасить разбросанный по цехам для поджога промасленный обтирочный материал.

Необходимо развертывать дальше борьбу за повышение качества ремонта, за повышение производительности ремонтных рабочих и удешевление ремонта, а главное за сокращение времени простоя тракторов в ремонте. Необходимо обратить серьезное внимание на так называемые «мелочи» и изжить их в самый короткий срок. Главное же внимание надо сосредоточить на организации летнего предупредительного и текущего ремонта как основе всего ремонтного дела.

6. Объем и характер работ тракторного парка

Динамика объема выполненной МТС за истекшие годы работы показана в следующей таблице (в га мягкой пахоты):

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
По МТС в целом	28 463	46 199	27 644	36 144	41 470
На 1 наличный трактор	649	733	425	469	499,6
На 15-сильный трактор	983,85	1 099,97	638,41	669,33	676,51

Первые два года в условиях неправильной эксплуатации новых машин и за счет низкого качества работы МТС получала исключительно высокий объем работ, превышавший норму. В 1932 г. объем работы резко падает, так как машины не выносят перенапряжения при отсутствии квалифицированного ухода и недопустимом режиме работы. А затем наступает медленный, но уверенный подъем. В отношении к норме годовой выработки, установленной НКЗ для 15-сильного трактора в 510 га мягкой пахоты, производительность тракторного парка колебалась следующим образом: в 1930 г. — 195%, 1931 г. — 216, в 1932 г. — 126, в 1933 г. — 132 и в 1934 г. — 134%.

Нарастание производительности машин является результатом повышения квалификации массовых кадров (трактористов), лучшего ухода за машиной. Надо помнить, что этот количественный прирост сопровождается значительным повышением агротехнического качества работы.

Усиление технического руководства эксплуатацией парка и дальнейшая работа с кадрами позволят в ближайшие годы превзойти объем 1931 г. без ущерба для качества машин и работы.

Изменения в структуре работ, выполняемых МТС за эти годы, незначительны.

Обработка почвы (пахота, боронование и культивация) составляет в 1934 г. 88,7%. Доля посева падает с 5,8 до 0,3%, уборка остается все время ничтожной величиной и только для молотбы заметно возрастает — с 2,7 до 8,8%. Отсутствие посевных и уборочных работ отражает отсутствие у МТС соответствующих орудий и машин. Такая структура работ не обеспечивает всестороннего влияния МТС на выполнение планов колхозного производства. Необходимо в ближайшие годы добиться изменения в сторону увеличения таких работ, как тракторный сев, уборка, междурядная обработка.

Повышая объем выполнения колхозных работ, МТС добилась в 1934 г. и более высокого процента механизации как отдельных работ, так и всей работы в целом. Общий процент механизации всех работ достиг 25,2. Четверть всех полевых работ выполняется тракторами. Если мы вспомним, что в тяговом балансе мощность тракторов до разукрупнения МТС составляла 26,0%, то увидим, что производительность тракторного парка еще не достигла надлежащего уровня, что часто использование трактора находится еще на уровне использования лошади, в то время как одна механическая сила двигателя может дать работы в 1,5—2 раза больше, чем одна НР рабочего скота. Поражает низкий процент механизации молотбы. Еще более половины урожая обмолачивается на конных молотилках, что связано с потерями для государства и колхозов десятков тысяч центнеров хлеба. Необходимо в ближайшие два года добиться 80% механизации молотбы и резкого повышения механизации уборки и посева.

Из предыдущего уже известно, что и объем работ и использование рабочего времени в Токаревской МТС за последние годы возрастали. Теперь мы видим, что объем возрастал быстрее рабочего времени. Следовательно повышалась производительность труда. Это свидетельствует также об интенсификации работы тракторного парка, о повышении скорости движения трактора, о ширине захвата, о сокращении потерь на повороты, на заправку в борозде как результат лучшего освоения трактора и прицепов. Норма производительности в Токаревской МТС перевыполняется по всем видам работ. В то время как за предыдущие годы подавляющая часть пахоты выполнялась 2-кор-

пусным плугом, в 1934 г. 58% пахоты было произведено 3- и 4-корпусными плугами.

Сравним по производительности Токаревскую МТС с другими МТС. По главному показателю — средний объем выполненной работы — один 15-сильный трактор дал в 1933 г. по 2760 МТС Союза 362 га мягкой пахоты, по всей Воронежской области — 434 га, а по Токаревской МТС — 669 га. Расход керосина на 1 га по Союзу 26 кг, по области — 25,4, по Токаревской МТС — 20,8 кг. Величина затрат на 1 га по Союзу 15,3 руб., по области — 11,6 руб., по Токаревской МТС — 8,4 руб. Прибыль в результате хозяйственного года на 1 МТС по Союзу 18 тыс. руб., по Токаревской МТС — 236 тыс. руб., т. е. в 13 раз выше средней по Союзу.

Рассмотренные данные позволяют сделать ряд выводов. Прежде всего надо отметить, что прорыв в использовании машинно-тракторного парка, имевший место в 1932 г. из-за кулацкого вредительства, сопротивления классового врага, отсутствия массовых кадров (трактористов), успешно ликвидируется. Производительность хотя и медленно, но неуклонно повышается. Достижение в 1934 г. таких показателей, как 676 га на 15-сильный трактор и 1854 часа чистого рабочего времени на трактор, свидетельствует о том, что возможности, вытекающие из системы советского хозяйства, успешно реализуются, хотя еще далеко не исчерпаны. Успехи достигнуты благодаря разрешению проблемы массовых кадров и использованию возможностей советской системы хозяйства, благодаря крупному размеру хозяйств, плановому характеру производства, сознательной трудовой дисциплине, которая часто компенсировала недостаток знаний. Исключительная роль в этих успехах принадлежала политотделу. Благодаря своей бдительности политотдел своевременно учитывал проявления классовой борьбы, антимеханизаторские настроения, невнимательное отношение к людям, вскрывал виновников, помогал отстающим и т. д. Слабыми звеньями в работе МТС являются техническое руководство, организация работы отрядов и организация профилактического ремонта.

7. Борьба за сохранение и расширенное воспроизводство рабочего скота

Сплошная коллективизация поставила вопрос об обобществлении рабочего скота как основного средства производства. Рабочий скот начиная с года великого перелома и на протяжении всего реорганизационного периода стал поэтому объектом ожесточенной борьбы и классовой мести кулачества. Борьба с остатками кулачества и пережитками собственнической психологии в среде отсталых слоев колхозников не позволяет ни в какой мере ослабить внимание к вопросу о рабочем скоте и сейчас, после окончательной победы колхозного строя. XVII съезд партии в своих решениях указал, что проблема животноводства (в том числе рабочего скота) является первоочередной проблемой во второй пятилетке. Государственный план развития животноводства требует самой решительной борьбы за расширенное воспроизводство рабочего скота. Несмотря на исключительный размах тракторизации и на вступление в период завершения в основном механизации земледелия, рабочий скот продолжает оставаться одним из решающих условий дальнейшего укрепления колхозов и в частности улучшения и развития животноводства. Продол-

жавшееся в большинстве областей Союза вплоть до 1935 г. сокращение поголовья рабочего скота заставляет с особым вниманием изучать опыт передовых колхозов и лучших конюхов-ударников в борьбе за сохранение и расширенное воспроизводство рабочего скота. Лучшие колхозы Токаревской МТС представляют в этом отношении интересный материал.

В колхозах Токаревской МТС 1934 год был не только годом передела, но и началом нового подъема.

По массиву в целом (54 колхоза) поголовье взрослого рабочего скота увеличилось в 1934 г. на 3,5%, поголовье молодняка — на 15%, а все поголовье увеличилось на 8%. Этот подъем совершается не за счет небольшой группы лучших колхозов, но приобретает уже массовый характер. Из 54 колхозов в течение года дали расширенное воспроизводство 33, простое воспроизводство 11 и сокращение поголовья 10 колхозов. Впереди других идут 13 колхозов, добившихся за год прироста конского поголовья в размере от 13 до 41%. В чем же заключается «секрет» успеха этих колхозов?

Колхоз им. Блюхера, Троице-Росляевского сельсовета, прежде один из самых отсталых, сейчас вышел на одно из первых мест. Итоги его борьбы за молодняк блестящи: выжеребилось в 1932 г. — 1, в 1933 г. — 2, в 1934 г. — 7, в 1935 г. — 14 голов. При этом все остались живы и целы. В 1935 г. не было ни одного аборта: все 14 покрытых маток выжеребились благополучно. Лошади — все средней и выше средней упитанности, больных и чахоточных нет. Никакими особенными материально-техническими преимуществами колхоз не блещет. Успех объясняется отношением, людей к делу, организацией труда, борьбой за дисциплину и выполнением хозяйственных планов. Лучшим конюхом в колхозе является Мизин Егор Михеевич — старший конюх третьей бригады; родился в 1900 г., до революции нанимался пастухом. На каждые восемь лошадей в бригадах назначен отдельный конюх, который отвечает за уход и сохранность лошади, за сдачу и приемку лошади от колхозников. В уходе за лошадьми введен строгий почасовой режим. Водопой и дача кормов производятся 4 раза в сутки: в 5 ч. утра, 12 ч. дня, 5 ч. вечера и 12 ч. ночи. Навоз отбивается и подстилка меняется два раза в сутки: в 6 ч. утра и в 6 ч. вечера. Чистятся лошади ежедневно поутру. Особое внимание обращено на приемку и сдачу коня колхознику. Мизин так организовал передачу коня от конюха колхознику и обратно, как это делается в отношении сложной и дорогой машины. Передача сопровождается тщательным осмотром. Малейшая царапина и изменение в состоянии лошади тут же заносится в акт. Этим путем устраняются безответственность и обезличка. Ни конюх, ни колхозник не могут переложить вину один на другого.

Эта постановка дела организовала не только конюхов, но и колхозников. Последние стали с особым вниманием, интересом и любовью относиться к прикрепленным к ним лошадям. Каждая лошадь закреплена за одним из лучших колхозников. В случае невнимательного отношения лошадь отбирается и передается другому. Колхоз, прежде чем добился успеха, провел жестокую борьбу с рваческим отношением к лошадям. Один Мизин составил за последний год 4 акта и одного колхозника отдал под суд. Всем провинившимся скостили от 10 трудодней и больше. В случаях дальних поездок колхоз назначает особого старшего над всеми из активистов. За достигнутыми успехами еще скрыты однако громадные резервы дальнейшего подъ-

ема. В колхозе 23 матки. Они все были покрыты, а жеребых оказалось 14, остальные — холостые. Недоглядели того, что покрывали маток сильно перегруженным производителем.

Все эти данные из жизни и борьбы колхозов Токаревской МТС позволяют сделать вывод о том, что наша партия сумела реализовать директивы XVII съезда и поднять широкие колхозные массы на борьбу за расширенное воспроизводство рабочего скота. 1934 г. в ряде областей, МТС, колхозов принес уже первые успехи, начало подъема, однако число отстающих колхозов, МТС и областей еще очень велико, и резервы самых лучших колхозов огромны. Необходимо поставить как главную задачу заботливое выращивание кадров в борьбе за расширенное воспроизводство рабочего скота.

Опыт Токаревской МТС вдребезги разбивает вредительские теории о кратких сроках амортизации, о выбраковке тракторов после 8 тыс. часов работы, о снижении роли лошади и необходимости сокращения рабочего скота. Несмотря на достигнутые успехи, перед Токаревской МТС стоят огромные задачи и широчайшие перспективы дальнейшего углубления механизации, создания в МТС полноценной системы машин, доведения механизации до уровня, установленного XVII съездом партии, вытеснения ручного труда в косовице, севе, подъеме свеклы. Токаревская МТС как передовая МТС должна явиться примером завершения в основном механизации сельского хозяйства в ближайшем году и полного освоения машинной техники.

Техническое перевооружение колхозов произведено в напряженной борьбе за колхозы, за строительство МТС, за внедрение трактора, в острой борьбе с кулаком и его агентурой.

Машина вооружала бедноту в ее борьбе за колхозы против кулачества. Механизация, строительство МТС подводило твердую материально-техническую базу под колхозное хозяйство, подрывало экономическую мощь кулачества и содействовало полной ликвидации кулачества как класса. Политические чаяния кулачества нашли свое выражение в борьбе правых оппортунистов против политики индустриализации страны и механизации сельского хозяйства. Только благодаря мудрому руководству и железной воле ЦК нашей партии и т. Сталина сопротивление классового врага было сломлено, правый оппортунизм, враждебный классовым интересам пролетариата, был разоблачен до конца и разгромлен. Однако классовая борьба продолжается, и остатки враждебной идеологии продолжают сказываться вплоть до настоящего времени. Наиболее яркое выражение это находит в антимеханизаторских настроениях. В среде отстающих колхозников еще живучи настроения отказа от помощи со стороны МТС. В аппарате самих МТС и в среде некоторых членов нашей партии еще сказывается боязнь новых сложных машин. Последние решения пленумов ЦК об уборке урожая и об использовании комбайнов направлены против этих антимеханизаторских настроений. Борьба за безоговорочное и всемерное выполнение этих решений является обязанностью каждого коммуниста, работающего в сельском хозяйстве. В этих решениях заложены пути к завершению механизации колхозного хозяйства, к дальнейшему укреплению и развитию социалистического сельского хозяйства.

Капиталистическая рационализация в годы кризиса и положение рабочего класса

I

Все более быстрый рост относительного и абсолютного обнищания рабочего класса в странах капитализма ставит перед нами задачу всестороннего исследования всех явлений, которые приводят к углублению и росту этого процесса. Одним из важных факторов роста обнищания рабочего класса в годы экономического кризиса является капиталистическая рационализация технологического процесса производства.

В этой статье мы делаем попытку анализа некоторых сторон этой широкой проблемы на основе ряда конкретных данных двух основных отраслей машиностроения США и Германии—станко- и автостроения.

В своих работах Маркс с необычайной яркостью показал, как развитие машинного производства в условиях капитализма «порабощает человека силами природы», как оно приводит к «превращению рабочих в живые придатки мертвого механизма», к повышению интенсивности труда рабочего, к превращению его в паупера и т. д. Но никогда еще развитие и усовершенствование капиталистического машиностроения не были так непосредственно направлены к усилению эксплуатации рабочего, как в годы экономического кризиса и депрессии особого рода. Борьба за капиталистический выход из кризиса направила экономическую и техническую мысль капиталистических стран в сторону изыскания таких методов производства, которые, несмотря на колоссальную недогрузку производственного аппарата, дали бы возможность снизить издержки производства. Эта основная задача и определила собой направление рационализации машиностроения в годы кризиса. Рационализаторские мероприятия были направлены, с одной стороны, к повышению процента использования технического оборудования, находящегося в действии, и, с другой — к усилению интенсификации труда, к максимальному сокращению числа занятых и деqualификации рабочих с целью все большего снижения как абсолютного уровня зарплаты, так и относительной величины ее в стоимости единицы продукции.

Машиностроение до кризиса занимало в ряде других отраслей первое место в США и второе место в Германии. В годы кризиса отрасли, производящие средства производства, сократились в большей мере, чем отрасли, производящие средства потребления. Индекс физического объема предметов потребления сократился по США с 1928 до 1933 г. на 8%, а средств производства — на 40%; соответственно по Германии: 15,9 и 44,4%. Внутри отраслей, производящих средства производства, особенно сильному сокращению подверглись строительная промышленность и машиностроение. Индексы физического объема продукции машиностроительной промышленности в США (новые заказы на станки) составляли в феврале 1929 г. — высшая точка до кризиса — по отношению к 1928 г. 142,0, а в марте 1933 г. — низшая точка кризиса — 8,3; соответственно в Германии: июнь

1929 г. — 114,7, январь 1933 г. — 31,0. Особенно резко сократилось производство автомобилей: в апреле 1929 г. — высшая точка до кризиса — США производили 621,9 тыс. автомобилей, в октябре 1932 г. — низшая точка кризиса — производство автомобилей сократилось до 48,7 тыс.; по Германии производство автомобилей в мае 1929 г. — высшая точка до кризиса — составляло к 1928 г. 144,4⁰/₀, а в декабре 1931 г. — низшая точка кризиса — только 15,1⁰/₀.

При таком резком сокращении продукции стремление к снижению издержек производства, подстегиваемое обостренной конкурентной борьбой, привело к усилению капиталистической рационализации и к некоторым особенностям ее в этот период. Особенность рационализации в годы кризиса заключалась, во-первых, в необходимости снижения издержек производства путем повышения выработки рабочего без увеличения общей массы продукции; во-вторых, в перенесении центра тяжести с рационализаторских мероприятий, требующих значительного капиталовложения, как например конвейер, введение новых агрегатов и т. д., к рационализации с минимальным капиталовложением или совсем без него. Об этом откровенно говорится не только в теоретических работах буржуазных экономистов, но и в материалах официальных учреждений, как например Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit и т. д. Они² указывают, что основная задача рационализации в период кризиса заключается в повышении хозяйственности, в том, чтобы добиться рентабельности предприятия без всяких капиталовложений. Эта особенность кризисной рационализации нашла свое отражение как в организации производства, так и в рационализации технологического процесса производства.

В области организации производства это означало проведение ряда рационализаторских мероприятий, которые, несмотря на резкое сокращение продукции, дали бы возможность, во-первых, сохранить порожденные массовым и крупносерийным производством конвейер и существовавшие до кризиса методы непрерывнопоточной системы производства и, во-вторых, ввести более «гибкие» методы, максимально интенсифицирующие труд рабочего независимо от размеров производства.

Основным содержанием докризисной организации производства и важнейших рационализаторских мероприятий являлось массовое, крупносерийное производство. Массовое производство породило конвейерную систему, методы производства непрерывным потоком. Массовое производство требовало и вместе с тем делало возможными широкую специализацию и разделение труда. По этому принципу были организованы завод Форда, заводы, принадлежащие «Дженераль мотор корпорейшен», и целый ряд других машиностроительных предприятий. Введение массового производства в период относительной стабилизации капитализма потребовало переоборудования предприятий, реконструкции агрегатов в сторону все большей их специализации. Так например при переоборудовании завода Форда в Риве Руж в 1927 г. для производства моделей А были затрачены громадные средства на специальные станки, производящие самые мелкие детали. При смене оборудования 50⁰/₀ всех машин и станков было радикально перестроено, 25⁰/₀ заменено совершенно новыми и лишь 25⁰/₀ оставлено в прежнем виде. То чрезвычайно важное обстоятельство, что производственный аппарат в основном был приспособлен к массовому производству, в годы кризиса оказалось решающим препятствием для сколько-нибудь существенного изменения процесса организации производства. Наоборот, потребовался ряд мероприятий, чтобы эти крайне сокращенные размеры производства превратить в массовое производство. Последнее было также продиктовано стремлением к сохранению конвейера и методов производства непрерывным потоком, применявшихся

при массовом производстве и являющихся наиболее испытанным средством роста выработки в результате усиления интенсивности труда. Практически оно было достигнуто, во-первых, сокращением времени работы конвейера до 2—3 дней в неделю, во-вторых, сосредоточением производства на нескольких предприятиях, с тем чтобы каждый завод имел возможность производить какой-либо один, максимум два вида изделий или изделия определенного размера. Возможность вести производство крупными сериями была облегчена тем, что монополии сосредоточили производство на более крупных, технически более совершенных предприятиях.

В эти годы даже организовались особые виды монополистических объединений исключительно с целью превращения мелкого производства в массовое или крупносерийное. Так например четыре германских станкостроительных фирмы Böhlinger, Braun, Heidenreich u. Harbek, Wohlenberg заключили соглашение о единообразном производстве токарных станков с высотой центров в 180—450 мм, распределив его между собой соответственно размерам. Фирма Ruston u. Harmsby объединилась в 1930 г. с фирмой Listen, распределив между собой производство следующим образом: фирма Listen ограничивается производством силовых машин мощностью до 25 л. с., Ruston строит нефтяные двигатели и газовые моторы в 25—750 л. с. и т. д. Аналогичное явление имело место и в практике американского машиностроения. Превращение мелкого производства в крупносерийное на основе объединений дало возможность наиболее полно применить существовавшие методы непрерывного производства и кроме того провести ряд рационализаторских мероприятий в области стандартизации и нормализации отдельных деталей. Рассматривая процесс производства токарных станков на заводах упомянутого выше объединения четырех фирм, «Maschinenbau» отмечает, что только благодаря объединению фирм, разделению производства станков по одинаковым размерам заводы получили возможность наиболее широко использовать конвейер и непрерывное производство.

Основные мероприятия в области организации производства были направлены в годы кризиса к использованию конвейера и непрерывного производства путем превращения на основе ряда указанных выше организационных мероприятий мелкого производства в массовое и крупносерийное. Однако было бы неверно только к этому сводить все те рационализаторские мероприятия, которые проводились в этой области. Уже в первые годы кризиса очень широко экспериментировался, а затем получил значительное применение метод работы непрерывным потоком в мелком производстве и даже на предприятиях индивидуальных заказов. О внимании, которое уделялось этому вопросу в годы кризиса, говорит хотя бы тот факт, что в Германии Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit в одном только 1932/33 хозяйственном году для изучения этой проблемы получило от правительства (помимо дотации со стороны предпринимателей) 36 тыс. марок («Кельнише цейтунг» от 25/XII 1933 г.). Работа непрерывным потоком в мелком производстве применялась при помощи различных методов. Так например на заводе электроприборов Сименс-Шуккерт (Берлин) применение поточной системы в мелком серийном производстве и даже в производстве индивидуальных заказов было достигнуто при помощи крайне незначительного изменения конструкции аппаратов в сторону их некоторой универсализации. На машиностроительном заводе Вандерер (Хемниц) и ряде других машиностроительных заводов оно было достигнуто путем организации труда на основе жесткого нормирования времени каждой отдельной операции, учитывая подачу и скорость резания. Установленный таким образом на этой основе последова-

тельно согласованный ритм работы, который целиком соответствует ритму работы при механизированном конвейере, дал возможность максимально интенсифицировать труд рабочего, во-первых, без всяких затрат на механизацию процессов производства и, во-вторых, независимо от размеров продукции.

Именно этим объясняется то обстоятельство, что за последние годы этот метод непрерывнопоточной работы получил, особенно в Германии, при активном содействии со стороны RKW широкое применение. Будучи чрезвычайно простым, легко применяемым независимо от размеров продукции, этот метод не только привел к росту числа лиц, охваченных непрерывнопоточной системой, но и резко усилил интенсификацию их труда даже по сравнению с механизированным конвейером, так как кроме быстроты темпов здесь требуются от рабочего исключительная сосредоточенность и ловкость. Особенно широкое применение этот метод получил в таких областях производства, как станкостроение, производство металлических изделий и пр., где массовое производство и конвейер и в докризисные годы применялись в незначительных размерах. Таким образом в годы кризиса буржуазии удалось не только сохранить конвейер и непрерывнопоточное производство, существовавшие до кризиса, но и значительно расширить их применение. Это значит, что буржуазии удалось почти без всякого капиталовложения добиться в этой области усиления интенсификации труда и снижения на этой основе издержек производства.

II

Однако рационализация в области организации труда оказалась недостаточной для сколько-нибудь значительного снижения издержек производства. Превращение мелкого производства в крупносерийное или массовое производство дало возможность использовать конвейер — это наиболее испытанное средство интенсификации труда. Оно дало возможность использовать оборудование, специально приспособленное к массовому производству. Но оно не могло спасти громоздкий производственный аппарат от работы в значительной мере вхолостую, что ложилось тяжелым бременем на издержки производства. Это обстоятельство вынуждало капиталистическое производство в ходе кризиса к известной рационализации технологического процесса производства и к некоторой реконструкции производственного аппарата. Не имея возможности проанализировать все рационализаторские мероприятия в технологическом процессе производства, которые были проведены в годы кризиса в такой многогранной отрасли промышленности, как машиностроение, мы рассмотрим лишь важнейшие из них с точки зрения их влияния на рабочего (станкостроение и автпромышленность).

Рационализация станкостроения представляет для нас исключительный интерес ввиду особой его роли в машиностроении. Вооружая все отрасли машиностроения орудиями труда, станкостроение отражает: а) основные изменения, которые произошли в технологическом процессе производства в самом машиностроении, б) изменившиеся потребности промышленности в соответствующих типах станков; оно делает возможным более конкретно выявить влияние рационализации технологического процесса производства на рабочих.

Рационализация станкостроения выявила три основных направления: 1) гибкость и приспособляемость станков к выполнению различных видов работы, 2) резкое повышение скорости станка, 3) рост автоматизации управления станком. Рассмотрим более подробно каждую из этих тенденций.

Преобладавшее до кризиса массовое и крупносерийное производство, т. е. производство изделий одного типа при больших количествах одинаковых деталей, делало наиболее эффективными специальные станки. При

массовом производстве специальный станок является наиболее производительным. Его преимущество по сравнению с универсальным или сложным специальным станком заключается в том, что он по своей конструкции наиболее прост, наиболее дешев, труднее подвергается порче и т. д. и вследствие этого делает менее возможными перерывы в его работе. Преимущество его заключается еще и в том, что конструкция этого станка предусматривает определенные рабочие скорости (число оборотов, подач и т. д.) и тем самым сокращает вспомогательное время, связанное с наладкой станка. Однако, будучи специализированным на одном твердо установленном комплексе определенных операций над предметом определенной формы, он не может быть легко переприспособляем для других работ. Этот недостаток в конструкции узкоспециальных станков особенно сильно отразился в ходе кризиса.

Наряду с резким сокращением продукции кризис до крайности обострил конкурентную борьбу, которая вызывала частую смену моделей машин, и в связи с этим резче обнаруживалась потребность в более «гибких», легко приспособляемых станках. Яркой иллюстрацией частых смен моделей, которые были вызваны жесточайшей конкуренцией в период кризиса, является смена моделей на заводах Форда. Первая фордовская модель *T* действовала на протяжении 24 лет (с 1903 до 1927 г.). Количество выпущенных автомобилей этой модели только за период с 1920 по 1927 г. составляет 11 779 630. В 1927 г. Форд значительно переоборудовал свои предприятия применительно к новой модели *A*. Однако модель *A* действовала уже не 24 года, а всего лишь 3 года (с 1928 по 1931 г.). Этой модели было выпущено 4 305 910 автомобилей. В 1931 г. Форд изготавливает автомобили по новой модели *A—AA*, но было выпущено их всего 625 559 штук. В 1932 г. он уже изготавливает автомобили по двум новым моделям: по 8-цилиндровой модели *18* и по 4-цилиндровой модели *B—BB*. По этим двум моделям было выпущено всего 328 457 машин. В 1933 г. Форд мотор компании производит две модели легковых машин—40 и 44—и одну грузовую — 45.

Эта необычайная смена моделей, с одной стороны, и резкое сокращение продукции, с другой, сделали узкоспециальные станки нерентабельными, так как приспособление их к новым видам работы даже в тех случаях, когда это возможно, сопряжено со значительными расходами. Наиболее рентабельными в таких случаях являются станки, легко настраиваемые на разнообразные технологические операции — то, что мы в данном случае условно называем универсальными станками, — или же станки, производящие обработку чрезвычайно сложных деталей и представляющие собой единый агрегат-конвейер. Последний является большим достижением в развитии техники станкостроения. Но в годы кризиса, когда капиталовложение было чрезвычайно незначительно, этот новый тип специального станка не нашел сколько-нибудь широкого применения. Имеющиеся данные по этому вопросу пока что говорят о единичных случаях оборудования цехов машиностроительной промышленности этими типами станков. Противоположными агрегат-конвейеру являются применяемые за последние годы станки, легко приспособляемые к различного вида работам — универсальные станки. Применение универсальных станков за последние годы превышает размер замещения устаревшего станочного оборудования, так как оно включает некоторую часть идущих по этой линии усовершенствований наличного станочного парка. Об этом говорит целый ряд данных о производимых в годы кризиса типах станков и осуществленных различными станкостроительными фирмами США и Европы усовершенствованиях. Несмотря на экономический кризис, пишет немецкий инженер Кикебуш, германское станкостроение неустанно работало над усовершенствованием и дальнейшим развитием станков.

Были созданы новые типы станков, но главным образом были усовершенствованы существующие. Каково же направление этих усовершенствований? Повышение числа оборотов, а вместе с тем и мощности, приспособление станков для выполнения различного вида работ.

В револьверных станках и автоматах применяются устройства для сокращения времени на наладку, благодаря чему станки могут быть быстро приспособлены для обработки других изделий. Сконструирован станок, приспособленный к производству не только крупных изделий, но и средних и мелких с одинаковой экономичностью. Нормальные тяжелые токарные станки легко превращаются в универсальные путем ряда отдельных приспособлений. Так например фирма Wagner und K^o (Дортмунд) доставляет для своих токарных станков приспособления для фрезеровки, шлифовки и сверления отверстий. Особенность сконструированного в годы кризиса в Германии самого большого в мире, по заявлению его автора, карусельного станка заключается в следующем: станок может обрабатывать изделия диаметром от 18 до 22 мм. Наибольшая высота изделий 5 м, наибольший вес изделий 300 т, мощность приводного мотора 250 л. с. Этот карусельный станок отличается от других станков наличием двойной планшайбы, состоящей из внутренней и наружной частей, которые могут вращаться совместно и независимо друг от друга. При обработке меньших изделий вращается только внутренняя часть планшайбы, для обработки кольцеобразных изделий применяется только наружная часть планшайбы станка.

Какое влияние оказывает на рабочего приспособление станка к выполнению ряда различных операций или то, что мы выше условно назвали универсальностью станка? При автоматической переналадке станков, доставке и установке деталей влияние универсальности на интенсивность труда незначительно. Но в том-то и дело, что универсализация станков в годы кризиса в связи с крайне дешевой рабочей силой не всегда сопровождалась автоматизацией переналадки, доставки и установки деталей.

Вот что рассказывает об этом поводу т. Осинский из виденного им в начале 1935 г. на заводе Форда: «Надо отметить, что автоматическая доставка и установка деталей под обработку не развивается почти совсем. Приспособления, способные передавать тяжелые и сложные детали, вроде блока цилиндров или коленчатого вала, по неизбежности громоздки и должны стоить дорого. Во время кризиса в особенности предпринимателям выгоднее употреблять дешевых живых таскальщиков, наладчиков тяжелых предметов, чем заставлять это делать механизмы». Аналогичные примеры показывает универсализация прокатных станков. Сокращенные размеры продукции и в связи с этим резкое увеличение числа различных сортов стали, прокатываемых на одном и том же стане, вызывали в годы кризиса чрезвычайно частую смену валков. По данным, приведенным «The Iron and Coal Trades Review», в ряде прокатных цехов США смена валков, в обычное время происходившая 3—4 раза в месяц, за годы кризиса производилась нередко несколько раз в сутки. То же наблюдалось в эти годы и на германских прокатных заводах, и в частности на заводах Круппа. Но если обычно смена валков отнимала у рабочих от 3 до 5 часов, то в годы кризиса она производилась в 15—20 минут, причем перевалка достигалась не путем установления каких-либо новых механизированных установок, а исключительно за счет укомплектования этих цехов более квалифицированной рабочей силой и неслыханной интенсификацией их труда. Универсализация как выражение гибкости и приспособляемости станков к различным размерам продукции дала возможность повысить степень использования действующего станочного парка, а следовательно снизить издержки производства. Но так как универсализация

в большинстве случаев не сопровождалась механизацией и автоматизацией переналадки станков, доставки и установки обрабатываемых деталей, то это снижение издержек производства по существу было достигнуто исключительно за счет усиления интенсивности труда.

Еще большее влияние оказало на процесс повышения интенсивности труда второе, ярко выраженное за последние годы направление в рационализации станкостроения — увеличение скорости работы станка в связи с применением сверхтвердых сплавов. Применению сверхтвердых сплавов было уделено в годы кризиса исключительное внимание. «Главной причиной изменения конструкции станков, — констатирует годовой обзорный номер «Engineering Review» за 1933 г., — было применение на них режущих инструментов из карбида-вольфрама и твердых сплавов. Высокие скорости и повышенные усилия, имеющие место при работе с новыми режущими инструментами, не выдерживали детали старых станков. Кроме того в связи с новыми условиями работы станков потребовались особые устройства для остановов, охлаждения, быстрой смены деталей, изменения хода и т. д.». О широком применении за последние годы сплавов из карбида-вольфрама сообщается и в германской технической литературе. На нем также подробно останавливается «Machinist», в частности в статьях, посвященных выставке технического оборудования в Лейпциге (в начале 1933 г.). О том, что явилось «главной причиной» изменения конструкции станков в период кризиса, мы уже выше говорили. Однако несомненно, что применение сверхтвердых сплавов оказало большое влияние на ряд существенных изменений в конструкции станков. Увеличение скорости резания в связи с применением сверхтвердых сплавов сделало необходимыми, во-первых, увеличение жесткости и устойчивости станины, во-вторых, соответствующую балансировку быстро вращающихся частей, плавность поступательно-возвратного движения и уменьшение вибрации от привода к главному шпинделю и т. д. Последнее было достигнуто главным образом применением гидравлических приводов. Этим объясняется в основном то обстоятельство, что в годы кризиса получили особо широкое развитие различные конструкции гидравлических приводов.

Хотя эти изменения в конструкции станков, вызванные применением сверхтвердых сплавов, не связаны со сколько-нибудь значительными капиталовложениями, но в период современного экономического кризиса всякие капиталовложения, даже самые незначительные, могут стимулироваться только особо экономическими выгодами. В чем же экономические выгоды с точки зрения капиталиста в применении сверхтвердых сплавов? Они заключаются в том, что сверхтвердые сплавы дают возможность развить высокие скорости резания, далеко превосходящие быстрорежущую сталь. Так например быстроходный настольно-верлильный станок фирмы Л. Левэ делает от 8 до 12 тыс. *об/мин*; токарные станки, выпущенные в 1932 г. фирмой Sharp Machine Co, дают при применении мотора в 220 вольт переменного тока 3 400 *об/мин*; новые марки американских мелко-токарных станков многорезцового типа развивают скорость шпинделя до 1 800 *об/мин*; контурный шлифовальный станок Bakker дает 7 200 *об/мин*.

Фрезерные станки Cincinnati, на которых фрезы изготовлены из карбида-вольфрама, повысили скорость фрезы на 100%.

Современные токарные станки Schiess Defriss режут в среднем 60—80 м и до 150 м в минуту, в то время как токарные станки более ранней конструкции режут от 8 до 12 м в минуту. По определению наших инженеров, скорость автоматов и обычных современных станков в связи с применением сверхтвердых сплавов увеличилась в среднем в 6—8 раз по сравнению со скоростью тех станков, которые еще недавно считались нормальными.

Параллельно с ростом скоростей в конструкции станков шло в годы кри-

зиса также резкое сокращение холостых ходов. Так например в револьверных станках с гидравлическим приводом имеется возможность при всех ходах и скоростях давать постоянно большую скорость обратного хода; время холостого хода сократилось поэтому до минимума. В 1932 г. в Германии началось производство кромко-строгательного станка, суппорт которого устроен так, что при движении как вперед, так и назад резец снимает стружку с одинаковой производительностью. Таким образом удалось совершенно избежать холостого хода. Колоссальный рост скоростей резания и максимальное сокращение холостых ходов являются наиболее характерной чертой станкостроения в период современного экономического кризиса.

Мы не имеем прямых цифровых данных, на основе которых можно было бы более или менее полно выяснить, насколько процесс резкого увеличения скорости машины снизил издержки производства и как он отразился на рабочем классе. Вполне понятно, почему ни промышленная, ни профессиональная статистика капиталистических стран не занимается учетом этих явлений. Однако достаточно привести несколько данных о влиянии роста скорости машин на выработку, на сокращение числа занятых и снижение сдельных ставок, для того чтобы установить не только факт самого снижения издержек производства в связи с ускорением хода машин, но и то, что это снижение издержек производства в период кризиса производилось несомненно только за счет рабочего класса. Например в германском машиностроении применение сверхтвердых сплавов и в связи с этим увеличение скоростей резания повысили выработку токарных станков от 10 до 50%, револьверно-токарных станков — почти вдвое. Обточка 12 радиусов на токарно-револьверных станках при применении быстрорежущей стали требовала затраты 980 мин., а с применением сверхтвердых сплавов — только 500 минут. Затрата времени на обточку одного поршня сократилась с 350 до 200 мин. В станкостроении выработка возросла почти на 50%, в тяжелом машиностроении — на 37%. Одновременно с ростом выработки шел процесс сокращения числа занятых, с одной стороны, и резкое снижение сдельных ставок, с другой.

Применение сплава «Видиа» в котлоаппаратостроении увеличило выработку в 6 раз и привело к сокращению во столько же раз числа занятых. В самом станкостроении применение сверхтвердых сплавов в различных типах станков привело к сокращению числа занятых на 35—40% и снижению сдельных ставок на 60% и т. д.¹ Даже немецкий профессиональный союз рабочих металлической промышленности в свое время констатировал, что это резкое увеличение скорости машины означает для рабочих напряжение всех их сил и нервов.

Итак, уже эти далеко не полные данные проливают яркий свет на истинные причины широкого применения сверхтвердых сплавов в период кризиса. Наряду с другими мероприятиями применение сверхтвердых сплавов явилось одним из решающих факторов снижения издержек производства за счет неслыханной интенсификации труда рабочего, сокращения числа занятых рабочих и пр.

К резкому сокращению числа занятых рабочих, деградации их и снижению зарплаты привело и указанное выше третье направление в рационализации станкостроения — рост автоматизации управления станком. Необходимость частого приспособления станка к различным операциям требовала автоматизации управления станком. Последнее было достигнуто главным образом применением гидравлических механизмов и индивидуаль-

¹ Эти данные заимствованы нами из произведенного в 1931 г. обследования металлопромышленности германским реформистским профсоюзом. См. «Die Rationalisierung in der Metallindustrie»

ных моторов для каждой функции станка и централизацией управления. Значение применения гидравлических механизмов в данном случае заключается в том, что при этих механизмах применение одного или двух клапанов дает автоматический или полуавтоматический цикл операций. То же может быть осуществлено при электромоторных приводах с помощью центральной панели, оборудованной выключателями и реле.

Шлифовальный станок Нортон для отдирки и отделки кулачковых валков работает совершенно автоматически. Гидравлический привод двигает стол, переводя его из одного положения в другое, и подает головку шлифовального круга быстро во время холостого хода и медленно — в продолжение резания. Так например современные германские шлифовальные станки автоматически правят шлифовальный круг и устанавливают его также автоматически на должную глубину шлифовки, после чего станок останавливается. Таким образом он превращается в полуавтомат, быстро налаживаемый в соответствии с изделием. Фирма Naef Mfg. Co выпустила серию независимых гидравлических сверлильных аппаратов, которые устанавливаются на существующем оборудовании для стандартного цикла операции, состоящей из быстрого подхода к детали, подачи, быстрого обратного хода и остановки или вторичного обратного хода и пр. Управление всем циклом производится двумя кнопками, устанавленными на тяге, связанной с контрольным клапаном.

В начале 1933 г. в Америке был выпущен фрезерный станок с 6 шпинделями (планетарного типа), где все головки вращаются вокруг центральной колонны. Производя работу 6 станков, описываемый станок обслуживается одним человеком. Нажимом одной кнопки приводятся во вращение все головки вокруг колонки. В момент, когда головка подходит к рабочему месту, автоматически включаются все 6 шпинделей и планетарная подача. Конструкция машины предусматривает возможность автоматической загрузки при помощи конвейера.

В германской конструкции также много упрощений в управлении системой одного рычага. Например на быстроходном вертикальном расточно-фрезерном станке фирмы Schiess Defriss два контрольных рычага при быстром движении дают управление в восьми различных направлениях. Германские тяжелые токарные станки оборудованы электрическими индивидуальными приводами. Изменения числа оборотов шпинделя, подачи скоростей ускоренного хода, быстро включаются посредством кнопочного управления в различных местах станка.

Технический прогресс в области управления станком за последние годы весьма значителен. Достаточно указать хотя бы на то, что только благодаря применению пневматических патронов для закрепления обрабатываемых изделий одно из заграничных предприятий достигло экономии 65% рабочего времени¹. Но в том-то и дело, что самый прогрессивный фактор в развитии производительных сил — экономия рабочего времени — в эпоху кризиса капиталистической системы превращается в свою противоположность. Колоссальная экономия рабочего времени в результате усовершенствования техники управления станком в странах капитализма способствовала лишь еще большему возрастанию безработицы, еще большей неуверенности рабочего в завтрашнем дне, привела к еще более резкому ухудшению положения рабочего класса. «Капитализм ни на минуту не может стоять на месте, — писал в свое время Ленин. — Он должен идти вперед и вперед. Конкуренция, особенно обостряющаяся в эпохи кризиса, подобные нашей, заставляет изобретать все новые средства для удешевления производства. А господство капитала

¹ «Техник а» от 19/XI 1934 г.

превращает все такие средства в орудия дальнейшего угнетения рабочего»¹.

Мы привели эти фактические данные, для того чтобы выявить те новые направления, которые имеют место в технике станкостроения в годы современного экономического кризиса и депрессии особого рода, и показать, какое влияние они оказывают на положение рабочих. Но, разумеется, установление степени этого влияния, его значимости в ускорении процесса обнищания рабочего класса возможно лишь на основе конкретных данных о размерах применения этих новых станков и усовершенствований в станочном парке. Точные статистические данные о размерах замещения устаревшего станочного оборудования и его усовершенствования могут быть получены в итоге официальных переписей. За последние годы ни в США, ни в Германии органы государственной статистики официальных переписей оборудования не производили. Но имеющиеся в нашем распоряжении косвенные данные все же дают возможность приблизительно выявить это положение, по крайней мере в части применения новых станков.

В 1920 г. станочный парк всех отраслей промышленности США (исключая судостроение и государственные военные заводы) насчитывал 742 346 металлообрабатывающих станков. За 10 лет—с 1920 до 1930 г.—число станков возросло до 1 745 517 штук, составляя в среднем за это десятилетие ежегодный прирост в 80 тыс. станков. В годы кризиса новый прирост станков резко снизился. Заказы на станки в США дают следующую картину (среднемесячные за год):

Годы	Индекс новых заказов ²
1929	100
1930	45,5
1931	26,0
1932	12,5
1933	17,3
1934	30,0
1935 ³	39,8

По последним данным, опубликованным в «The Machinist», в 10 тыс. предприятий американской металлообрабатывающей промышленности с 1929 до 1934 г. было установлено 129 200 новых станков. В среднем ежегодный прирост станков с 1929 по 1933 г. составляет 25 840 штук, или 32,2% по отношению к ежегодному приросту станков с 1920 до 1930 г. Включая 1934 г. этот прирост составит около 40%.

Приблизительно такую же картину представляют данные о замещении в годы кризиса устаревшего машинного оборудования США, опубликованные Американским институтом машиностроения. В начале 1935 г. этот институт опубликовал данные анкеты, проведенной им среди членов 58 машиностроительных концернов. Цифры, охватывающие 90% всего современного машиностроения США, показывают, что огромная масса оборудования, на котором еще в 1929 г. производились различные товары на сумму 70 млрд. долл., до сих пор не замещена. В то время как годовая продукция машинного оборудования до кризиса равнялась 6,6 млрд. долл., годовая продукция этого оборудования в годы кризиса составляет 2,7 млрд., или 40,9% по отношению к годичной докризисной продукции. Резко повысился в годы кризиса процент машинного оборудования, имеющего более чем 10-летнюю давность. Машинное оборудование, которое

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 247.

² По данным «Survey Current Business».

³ Данные за первые четыре месяца.

имеет более чем 10-летнюю давность, составляло в 1925 г. 44%, в 1930 г. — 48 и в начале 1935 г. — 65%.

Все эти данные говорят о том, что, несмотря на известное посленизшей точки кризиса оживление в производстве машинного оборудования США, в том числе и станкостроения, все же производство новых станков и замещение машинного оборудования по отношению к предкризисным годам все еще находится в пределах 35—45% и следовательно составляет по отношению к наличному станочному парку приблизительно около 10%.

Но фактическая доля новых станков в действующем станочном парке составляет около 25—30%, так как использование наличного станочного парка даже в настоящее время достигает по США не больше 40—50%, а в годы наиболее глубокого развития кризиса оно снижалось до 20—22%¹.

Таким образом станки новой конструкции являются существенным фактором не только с точки зрения их экономической эффективности, но и с точки зрения их влияния на рабочий класс. 25—30% станков новой конструкции в действующем станочном парке — это новое боевое средство в руках капитала против рабочего класса!

III

Мы остановились более подробно на рационализации станкостроения, поскольку ее влияние распространяется на широкие массы рабочих. Но не только воздействие рационализации станкостроения приходится испытывать на себе пролетариату капиталистических стран в годы кризиса. Вряд ли можно назвать хотя бы одно какое-либо рационализаторское мероприятие технологического процесса производства, проведенное за последние годы, которое бы не ухудшило положения рабочих. Возьмем например внедрение в металлообработку электросварки или передвижку ряда работ по обработке деталей из механических цехов в заготовительные цехи: кузнечный, литейный, листопрессовый и пр. Все это резко сократило общее число занятых. Замена поковок коленчатого и кулачкового валов (автомашинность) отливкой сократила больше чем вдвое число операций по обработке этого вала; соответственно сократилось число рабочих. Изготовление штампа методом штамповки сократило необходимое время по сравнению с методом изготовления их на станках в 2—2½ раза и т. д.

Яркое представление о влиянии капиталистической рационализации в годы кризиса на процесс усиления эксплуатации рабочих дает опубликованное в начале 1935 г. сообщение комитета Гендерсона². Приведем из этого сообщения некоторые наиболее характерные данные о влиянии рационализации на интенсификацию труда и сокращение числа рабочих. В связи с устранением деревянных частей, которые еще в 1928 г. представляли собой значительный фактор производства автомобилей, только по одной автомобильной фирме в Детройте было сокращено 3 тыс. рабочих, работавших на принадлежащем ей лесопильном заводе; применение штамповочной машины для производства рамы автомобиля сократило время производства автомобиля на 50 часов, и соответственно было сокращено число рабочих; сокращение числа операций в производстве автомобильной двери модели 1935 г. по сравнению с моделью 1929 г. привело к сокращению востолько же раз числа занятых и т. д.

¹ По Германии отсутствие каких-либо статистических данных не дает возможности сделать более или менее точные исчисления. Приблизительно удельный вес станковой конструкции в германской промышленности тот же, что и в США.

² Комитет Гендерсона был создан по предложению Рузвельта для обследования важнейших отраслей автоиндустрии США.

Понятно, что рационализация технологического процесса, приводящая в годы кризиса к такому резкому сокращению числа занятых, ведет не только к росту безработицы, но и к резкому ухудшению положения рабочих, оставшихся на производстве. Это подтверждается хотя бы тем вопиющим фактом, что в автоиндустрии США фактически установлен возрастной лимит. В эту индустрию допускаются на работу рабочие не старше 40 лет. Колоссальная интенсификация труда, происходящая вследствие капиталистической рационализации, выматывает все силы рабочего и к сорокалетнему возрасту превращает его в непригодного к труду инвалида.

Факты говорят о том, что не только в тех случаях, когда новые модели приводили к сокращению числа операций, но и в тех случаях, когда число операций возрастало и когда в самом технологическом процессе производства почти никаких изменений не происходило, число рабочих все же резко сокращалось. Так например, меньше пяти лет назад, говорится в сообщении комитета Гендерсона, Форд заканчивал 100 блоков для 8-цилиндрового мотора на конвейере с 250 рабочими, теперь этот самый конвейер производит 250 моторных блоков, имеющих операций на 20% больше по сравнению со старыми блоками, а число рабочих, работающих у конвейера, сократилось с 250 чел. до 19 чел. Таких фактов неслыханного повышения интенсивности труда независимо от рационализации технологического процесса производства очень много, но это не только не исключает, а, наоборот, подтверждает рост интенсивности труда вследствие рационализации технологического процесса, выражая основное направление в современном развитии капитализма. Как же возможна такая нечеловеческая интенсификация труда? На этот вопрос отвечает один из выводов комитета Гендерсона, который, кстати сказать, никак нельзя обвинить в безразличном отношении к интересам родного ему класса капиталистов: «Возможность существования такой потогонной системы объясняется единственно фактом огромного предложения труда, благодаря которому на место падающего от изнеможения рабочего становится сразу другой».

Таким образом не только в станкостроении, но и в автопромышленности рационализация технологического процесса производства направлена к усилению интенсивности труда, к резкому сокращению числа занятых, к изменению целого ряда профессий, к деквалификации рабочих и т. д.

Рамки данной статьи не дают нам возможности подробно рассмотреть влияние каждого из этих факторов на процесс неизбежного роста относительного и абсолютного обнищания рабочего класса — они должны явиться предметом самостоятельного рассмотрения. Здесь мы коснемся лишь вопроса о влиянии этой рационализации на квалификацию труда.

В связи с колоссальным ростом военных заказов магнаты тяжелой промышленности Германии, как Крупп и другие, забили тревогу о недостатке квалифицированных рабочих. Несмотря на меры, принятые в Германии по реквалификации и спешной подготовке квалифицированных рабочих из числа лиц, окончивших среднюю школу, для которых, по выражению Круппа, двери высших школ не могут быть открыты, вопрос о недостатке квалифицированных рабочих в промышленности Германии и в особенности в машиностроении до сих пор остается неразрешенным, хотя огромные массы безработных тщетно стучатся в ворота фабрик и заводов. Недостаток квалифицированных рабочих ощущает уже и металлопромышленность США, хотя и там количество безработных измеряется многими миллионами. «The Iron Age» (июль 1935 г.) сообщает, что законченное в июле 1935 г. обследование 287 компаний металлопромышленности, которое было произведено «National Conference Board», выявило недостаток квалифицированных рабочих. Для того чтобы заполнить этот недоста-

ток, отмечает «The Iron Age», необходимо в ряде отраслей этой промышленности установить всеобъемлющую систему высококвалифицированного обучения занятых рабочих.

В чем же причина недостатка квалифицированных рабочих в таких передовых странах развитого капитализма, как США и Германия? Колоссальное влияние на деквалификацию квалифицированных рабочих оказала длительная безработица. Многие годы безработицы деквалифицировали огромные массы квалифицированных рабочих, и даже инженеров, для которых уже нет работы на капиталистических предприятиях. В частности в Германии недостаток квалифицированных рабочих особенно усилился в связи с необходимостью освоения целым рядом предприятий «гражданского типа» нового для них военного производства. Кроме того расширение военного производства, которое является производством более точным, требует большого числа рабочих высокой квалификации. Именно в связи с этим Крупп в апреле 1934 г. заявил, что «промышленность теперь, как никогда раньше, требует высококвалифицированной работы». Особенно надо обратить внимание на то обстоятельство, что в Германии фашисты производят специальный «отбор», не принимая на работу лиц «неарийского» происхождения, политически «неблагонадежных» и т. п. Все эти факторы создают своеобразный недостаток в квалифицированных рабочих при наличии огромной армии безработных, в рядах которой насчитываются массы неиспользуемых квалифицированных рабочих.

Но несомненно, что недостаток квалифицированных рабочих вызван в известной степени также изменениями в технологическом процессе производства. Влияние этого процесса двоякое. С одной стороны, многие из новых направлений в технике в годы наиболее глубокого развития кризиса «вынашивались» и накапливались преимущественно в конструкторских бюро (которые, кстати сказать, в годы кризиса работают более интенсивно, чем когда-либо до кризиса), а затем по мере расширения производства сразу начали применяться на практике. С другой — эти новые технические сдвиги существенно изменили ряд профессий. В большинстве своем эти изменения при капитализме идут по линии деквалификации рабочего. Так например, внедрение сварки главным образом в аппаратостроении, автостроении, производстве железостальных изделий и пр. сделало ненужным либо легко заменимым ряд профессий высокой квалификации: клепальщиков, ручных паяльщиков, слесарей и т. д.; широкое применение метода штамповки железа и стали сделало излишним ряд работ по механической обработке деталей, которые до того выполнялись высококвалифицированными рабочими; применение вытяжных прессов совершенно изменило токарно-металлодавильное дело; применение

Категории зарплаты (в марках)	1929 г.	1934 г.
I от 1 до 6	3,5	3,8
II » 11 » 12 . . .	12,3	22,2
III » 12 » 18 . . .	16,5	17,6
IV » 18 » 24	13,0	14,6
V » 24 » 30	8,8	11,7
VI » 30 » 36	8,1	10,5
VII » 36 и выше . . .	37,8	19,6
Итого	100,0	100,0

болтонарезных полуавтоматов дало возможность заменить высококвалифицированных рабочих-нарезчиков резьбы подученными и неквалифицированными рабочими.

То же относится и к росту автоматизации управления станками и контроля качества продукции.

Процесс деквалификации рабочих наиболее ярко отражен в официальных данных распределения рабочих Германии по категориям зарплаты¹ (см. стр. 140).

В 1934 г. количество получающих зарплату по VI категории повысилось по сравнению с наиболее глубоким кризисным годом (1932) на 0,5%, составляя все же только 50% по отношению к 1929 г. Большое влияние на резкое снижение количества рабочих, получавших зарплату по VII категории, оказало прямое снижение уровня зарплаты. Но кроме того оно несомненно явилось следствием процесса колоссальной деквалификации рабочих. Однако ряд технических сдвигов потребовал и более квалифицированных рабочих. Усовершенствования в литейных и кузнечных цехах привели частично к замене токарных работ более квалифицированными — фрезерными, шлифовальными, расточными, но кроме того потребовался новый «тип» квалифицированных кузнецов, литейщиков, прессовщиков и т. д. Изготовление штампов методом штамповки, которое впервые начало применяться только в виде опытов на заводах Форда в 1929—1930 гг., сейчас уже охватывает около 85 наименований различных штампов. Эта замена механической обработки штампов методом штамповки потребовала не только большого количества специальной высококачественной стали, но и большого количества новых квалифицированных рабочих. «От кузнеца зависит сохранность дорогостоящего маточника, от должного нагрева и режима зависит получение точного ручья, от соблюдения режима ковки зависит стойкость рабочих штампов. Плохая работа кузнеца может свести к нулю все преимущества этого метода, заключающегося в том, что рабочая поверхность отштампованных штампов не должна подвергаться механической обработке режущим инструментом»². Рост станков, часто переоборудованных к различным видам работы, потребовал высокой квалификации наладчиков и т. д.

Наряду с дальнейшей деквалификацией рабочих современные изменения в технологическом процессе производства безусловно связаны и с некоторым ростом очень узкой прослойки рабочих высокой квалификации.

Таковы некоторые основные черты современной капиталистической рационализации, ведущей к дальнейшему резкому усилению обнищания рабочего класса,

¹ Данные страховых взносов по инвалидности. «Wochenbericht» от 8/V 1935 г.

² «Американская техника и промышленность», № 6, 1935 г., стр. 261.

Упадок мировой судостроительной промышленности и гонка морских вооружений

Развитие и расширение всевозможных форм кадровой военной промышленности и использование для военных целей обширных отраслей промышленности «мирной» представляют одну из самых характерных и ярких особенностей современного периода. Чтобы показать это на конкретном примере, нужно взять отрасль общей промышленности, подверженную в отличие от чисто военных производств воздействию кризиса и вместе с тем в большей или меньшей степени используемую для военных целей.

Конечно для такого рода исследования необходимо иметь возможность четкого разграничения между «мирным» и военным производством в данной отрасли промышленности, а также более или менее точного учета как того, так и другого вида производства. В отношении многих видов промышленности такое разграничение и учет представляются фактически неосуществимыми. Сюда в особенности относятся различные формы замаскированных военных производств, таких, как всевозможные виды химической промышленности, добыча различных материалов (никель, олово и т. п.), т. е. производств, используемых в значительной степени для военных целей, но имеющих и мирное значение. Трудно также на основании публикуемых в печати данных определить степень использования для военных целей продукции автомобильной промышленности, авиозаводов (исключая конечно кадровые предприятия военной промышленности) и т. п. Поэтому в отношении лишь очень немногих отраслей промышленности существуют явные и твердые критерии для сопоставления их мирной продукции и их использования для производства вооружений. Тем более необходимым является тщательное изучение этих отраслей.

В ряду их наиболее важной представляется судостроительная промышленность. В самом деле, она производит все средства водного транспорта, являющегося одним из важнейших элементов мировой экономики, и одновременно создает одну из главных категорий вооружений — военные флоты. Ученья количественную сторону «мирной» и «немирной» части судостроения нетрудно. Капиталистические правительства вынуждены публиковать как регулярные статистические данные о торговом судостроении, так и общие сведения об их военных судостроительных программах. Последние трудно осуществлять в полном секрете, поэтому количественные показатели военного судостроения всех стран — число строящихся кораблей каждой категории, их тоннаж, наибольший калибр их орудий — известны. В секрете держатся моменты качественного порядка, составляющие технические и тактические элементы боевой мощи кораблей. Однако это

не мешает выполнению намечаемой здесь задачи, а именно сравнению использования судостроительной промышленности капиталистических стран во время кризиса для постройки торгового тоннажа, с одной стороны, военного судостроения — с другой. Правда; и торговые суда во время войны могут найти применение в качестве вспомогательных военных судов, но в мирное время это сравнительно мало отражается на характере торгового судостроения, если не считать определенных и ограниченных категорий судов.

Сравнивая общее и коммерческое судостроение в главных капиталистических странах с судостроением военным, анализируя выполнение военно-морских программ, получаем яркую картину, показывающую ускорение военно-промышленной подготовки к войне на фоне общего упадка капиталистической промышленности. Мировой экономический кризис с потрясающей силой сказался на мировом судостроении, поскольку последнее является функцией и выражением потребностей мировых хозяйственных связей. Ослабление последних, катастрофическое сокращение оборотов международной торговли чрезвычайно уменьшили потребности в тоннаже для перевозок и на некоторое время почти свели к нулю потребности в новом тоннаже.

В годы кризиса мировая торговля в целом упала до одной трети предкризисного периода. Переход к депрессии особого рода не принес здесь улучшения, и сокращение внешней торговли в ценностном выражении продолжалось в 1933 и в 1934 гг. Политика экономического национализма, особенно усердно проводимая в фашистских странах, рост автаркических тенденций для подготовки к войне и для закрепления «своего», внутреннего рынка полностью за отечественной буржуазией — все это еще больше ослабляет хозяйственные связи и расстраивает внешнюю торговлю. «Закрепительные таможенные пошлины, уничтожение остатков свободной торговли, торговая война, демпинг, сокращение емкости колониальных рынков, продолжающийся кризис в колониях, расстройство международной кредитно-денежной системы — все это препятствует восстановлению международных связей и расширению внешней торговли» (В. Пик, Отчет о деятельности ИККИ, стр. 91). Прямым следствием всего этого является то обстоятельство, что в торговом судостроении всех капиталистических стран наблюдается в течение нескольких лет почти полное прекращение всякой производственной активности.

На этой почве идет не только уничтожение значительной части наличных запасов готового тоннажа, что имеет место во всех капиталистических странах, но и сокращение самих производственных возможностей в виде частичного уничтожения основного капитала.

Правительственные субсидии, средства для которых добываются дальнейшим нажимом налогового пресса и «экономией» за счет зарплаты госслужащим и пособий безработным, являются не более чем дозами наркотиков, лишь в весьма слабой степени смягчающими «страдания» судостроительной промышленности, но бессильными остановить ход ее «болезни».

На темном и беспросветном фоне упадка судостроительной промышленности резко выделяется «расцвет» военного судостроения, выполнение лихорадочными темпами грандиозных программ усиления военных флотов капиталистических стран. Лихорадочные усилия последних в этой сфере являются непосредственным и ярким выражением обострения империалистических противоречий и подготовки к новым войнам.

I

Простые цифры и факты красноречиво обрисовывают указанные положения. Они ярко демонстрируют упадок судостроительной промышленности в целом и торгового судостроения при одновременном развитии военно-морского строительства.

Тоннаж спущенных в воду судов¹

Страны	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Великобритания и Северная Ирландия	1 478 563	502 487	187 794	133 115	459 877
Соединенные штаты	246 687	205 865	143 559	10 771	24 615
Германия	245 357	103 934	80 799	42 195	73 733
Голландия	153 072	120 296	26 232	35 899	46 905
Япония	151 272	—	54 422	74 290	152 420
Италия	—	165 048	47 441	16 560	26 638
Франция	—	103 419	89 310	34 073	15 950
Дания	137 230	125 974	22 413	34 016	61 729
Швеция	131 781	112 703	43 000	60 860	49 542

При почти полном прекращении нового строительства вплоть до 1934 г. и при одновременном уничтожении значительной части наличного тоннажа торговых флотов капиталистических стран (даже в годы депрессии особого рода уничтожено: в 1933 г. — 2 413 тыс. т, в 1934 г. — 1 741 тыс. т и за первую половину 1935 г. — 683 тыс. т) общая сумма мирового тоннажа в годы кризиса дала некоторое снижение. Если в 1931 г. мировой тоннаж торговых флотов составлял (по данным «Brassey's Naval and Shipping Annual») 70 131 тыс. т, то к 1 июля 1932 г. он выразился в цифре 69 734 тыс. т, на то же число 1933 г. — 67 920 тыс. т, в 1934 г. — 65 577 тыс. т и в 1935 г. — 64 886 тыс. т. Эти цифры, отражающие сокращение наличного тоннажа за годы кризиса, нужно сопоставить с непрерывным ростом мирового тоннажа за предшествующий период: мировой торговый тоннаж в 1914 г. — 45 404 тыс. т, в 1923 г. — 62 335 тыс. т. В отношении торговых флотов отдельных стран, как мы увидим, имело место и более резкое сокращение тоннажа. Наряду с этим значительная часть оставшегося тоннажа не используется и ржавеет в портах. На 1934 г. она составила 9 800 тыс. т, или свыше 15% всего мирового тоннажа, а на 1935 г. — 6 500 тыс. т, причем это сокращение объясняется главным образом сломом судов. При таких условиях вполне понятно, что потребности судовых компаний в строительстве новых судов были сведены к нулю и ныне остаются еще крайне ограниченными. Это создает для мировой судостроительной промышленности условия резкого упадка. Ни одна из крупных отраслей промышленности в такой степени не поражена кризисом и ни в одной из них тягостный характер депрессии особого рода и невозможность нового «расцвета» не сказываются с такой отчетливостью.

Для Англии упадок судостроительной промышленности имеет особо серьезное значение, поскольку судостроение является одной из важнейших отраслей промышленности этой морской страны. Роль Англии в качестве величайшей колониальной державы и посредницы в области мировой торговли обусловила совершенно исключительное

¹ Данные «Ллойд Реджистер».

значение для нее торгового флота. Последний выполняет не только функции единственного средства транспорта для доставки английской метрополии продовольствия и сырья и для вывоза продуктов ее промышленности на внешние рынки: услуги, оказываемые британским торговым флотом и другим капиталистическим странам, являются весьма значительными. Так, США перевозят свыше 50% своих морских грузов, отправляемых на внешние рынки, на британских судах. Ряд других стран (в частности крупные страны Латинской Америки — Аргентина, Бразилия, Чили и многие другие государства) использует для своей морской торговли почти исключительно британский тоннаж.

Фрахты, полученные таким образом британскими судовладельцами, являются одной из важных отраслей так называемого «невидимого экспорта», составлявшего актив английского платежного баланса. Помимо этого заказы иностранных судоходных компаний и правительств на английских верфях также являлись в докризисные годы крупным источником дохода. От конъюнктуры английской судостроительной промышленности в значительной степени зависит и состояние других отраслей английской экономики, в особенности металлургии, машиностроения, угольной промышленности, деревообделочной, химической, электротехнической и т. д. Решающее значение судостроительной промышленности для самой судьбы капиталистической Англии сказалось во время мировой войны 1914—1918 гг., когда производительность британских верфей стала для Англии буквально вопросом жизни и смерти, когда перед ней стояла угроза голодной блокады, когда вопрос о конечном исходе войны ставился в форме простого арифметического расчета: сопоставлялись цифры тоннажа, уничтожающегося германскими подводными лодками, с цифрами нового строительства. В результате гигантских усилий во время войны, осуществлявшихся британскими судостроительными фирмами с помощью субсидий и различных чрезвычайных мероприятий правительства, производственный аппарат британской судостроительной промышленности, достигший огромного развития еще в довоенное время, еще более разросся¹.

Однако после войны возможности его использования неуклонно сужались. Это было тесно связано с общим упадком и загниванием британского капитализма, с постепенным падением прежней руководящей роли Англии в ряду других капиталистических стран.

Судостроительную промышленность чрезвычайно развивает за время войны ряд других государств. В результате британскому торговому флоту, доля которого в мировом тоннаже со времени мировой войны медленно, но неуклонно снижается и падает с 41,6% в 1914 г. до 29,87% в 1930 г. и 27,1% в 1935 г., приходится иметь дело с окрепшими конкурентами. Это относится не столько к американскому торговому флоту, который хотя и чрезвычайно разросся за время мировой войны, но по окончании ее оказался неспособным удовлетворять нормальные потребности торговли и выдерживать условия конкуренции, сколько к торговым флотам континентальных европейских держав. Опасным соперником Англии в области судостроения и судоходства явилась Франция, а с возрождением уничтоженного войной германского флота и ее старый конкурент — Германия. Италия стано-

¹ Интересный материал по всем этим вопросам дают «Военные мемуары» Ллойд Джорджа; см. напр. т. III, главы 40—43.

вится важнейшим соперником Англии в области получения иностранных судостроительных заказов, усугубляя этим и без того тяжелое положение британской судостроительной промышленности. Мировой экономический кризис нанес этой последней потрясающие удары.

Упадок британской судостроительной промышленности — абсолютный и относительный — носил катастрофический характер. В 1930 г. на долю Великобритании и Северной Ирландии приходилось 51,2% тоннажа, спущенного на воду во всем мире. В 1931 г. этот процент сократился до 31,1, а в 1932 г. — до 25,8. Правда, с тех пор удельный вес британского судостроения несколько поднялся: на 1 июля 1935 г. он составил 43,7%.

Британская судостроительная промышленность способна была к началу 1933 г. строить до 3 млн. т в год. Ее нагрузка в момент наибольшего развития кризиса упала до 7—8% производственных возможностей. На 1 января 1933 г. тоннаж строящихся в Великобритании и Северной Ирландии судов составил всего 225 497 т — наинизшая цифра с 1887 г., т. е. с тех пор как начал публиковаться ллойдский регистр. В среднем были заняты не более 9 эллингов из каждых 100. Сверх того эти 225 497 т включали и 142 777 т судов, приостановленных постройкой. С переходом от низшей точки кризиса к депрессии особого рода положение несколько улучшается, но в очень незначительной степени, если учесть производственные возможности британской судостроительной промышленности и цифры ее продукции в докризисные годы. На 1 июля 1933 г. тоннаж судов, находящихся в постройке, составил 287 502 т. На 1 июля 1934 г. он увеличился до 587 142 т и на 1 июля 1935 г. составил 560 391 т. Сопоставление последних двух цифр показывает, что в условиях депрессии особого рода кривая производства отнюдь не является непрерывно восходящей.

Следствием этого упадка был колоссальный рост безработицы среди рабочих судостроительной промышленности. Процент безработных в момент наибольшего развития кризиса (конец 1932 г.) доходил до 63,5, а в Северной Ирландии — даже до 82,5. По выражению известного британского морского публициста Арчибальда Херда, «никогда не было времени, когда бы столь малая доля населения зарабатывала себе на жизнь трудом в морской промышленности». Этот публицист указывает, что рабочие британской судостроительной промышленности в своей огромной части систематически деквалифицируются, так как они вынуждены искать заработка в других отраслях производства.

Перед лицом кризиса магнаты британской судостроительной промышленности предприняли «героические» меры в области «рационализации». В феврале 1930 г. образовалась особая корпорация «National Shipbuilders Security», объединившая все крупнейшие судостроительные фирмы и имевшая неограниченные полномочия закрывать «излишние» верфи. Уже в сентябре 1930 г. корпорация ликвидировала гигантские верфи известной компании Вильям Бирдмор в Дальмуире на Клайде. Эти верфи были сломаны, и место, где они находились, сравнено с землей. В дальнейшем в этом же направлении была произведена «рационализация» верфей компании Кемель-Лэрд. В апреле 1932 г. разоружены верфи компании Мак Мюллен в Думбартоне, компании Барклей Керн в Глазго и наконец компании Роберт Томсон в Сендерланде. В результате мероприятий этого рода производственная способность судостроительной промышленности искусственно понижена с 3 млн. т с лишком до 2,5 млн. В общей сложно-

сти ликвидировано было 17 верфей с годовой производительностью 634 тыс. т. Таким образом под тяжестью кризиса британская судостроительная промышленность вынуждена была идти на сокращение своего основного капитала. Но это не разрешило ее затруднений в сколько-нибудь значительной степени.

Одновременно с сокращением производственных возможностей судостроительной промышленности идет и сокращение наличного тоннажа путем усиленного слома судов. В то время как за 7 лет, предшествовавших кризису (1923—1929 гг.), тоннаж судов, сломанных в Великобритании и Северной Ирландии, составил всего 1 340 тыс. т, за один 1932 г. сломано такое количество судов, что общий тоннаж британского торгового флота, несмотря на вступление в его состав новых единиц, уменьшается с 20 193 тыс. т до 19 562 тыс. т. На 1 июля 1933 г. тоннаж составил 18 705 тыс. т, на 1 июля 1934 г. — 17 735 тыс. т и на 1 июля 1936 г. — 17 298 тыс. т.

Тем не менее бездействующий тоннаж все еще остается чрезвычайно большим: на 1 апреля 1935 г. — 1 165 тыс. т. Мольбы британских судостроительных магнатов и их агентов в печати о предоставлении правительственных субсидий оставались вплоть до 1934 г. безрезультатными, поскольку в условиях бюджетной «экономии» и драконовского сокращения расходов, производившегося поневоле британским «национальным» правительством, возможность сколько-нибудь значительных ассигнований на этот предмет была совершенно исключена. В 1934 г. правительство наконец предоставило грузовым пароходным компаниям субсидию в размере 2 млн. ф. ст. Условия этой субсидии чрезвычайно характерны: она обуславливается уничтожением «устаревшего» и постройкой нового тоннажа, причем на каждую тонну вновь закладываемых кораблей должно приходиться не менее двух тонн уничтоженных. На международной конференции судоводных компаний в январе 1935 г. англичане в целях искусственного повышения катастрофически упавших фрахтов рекомендовали те же «рационализаторские» мероприятия другим странам. Примером таких мероприятий является хотя бы недавний акт своеобразного «вандализма»: продажа на слом знаменитого трансатлантического гиганта компании Кунард «Мавритания» водоизмещением в 32 тыс. т. «Мавритания» представляла собой еще прекрасное судно, но была выведена из строя в связи с предстоящим вступлением в навигацию другого гиганта — «Куин Мери».

Переходя к судостроительной промышленности Соединенных Штатов в Америке, нужно констатировать, что переживаемое ею состояние паралича является, с одной стороны, отражением того, что мировой экономический кризис особенно болезненно потряс всю экономику этой страны, а с другой — следствием тех исторических условий, в которых происходило развитие американского торгового флота.

Американский торговый флот был, как известно, выстроен в годы мировой войны в связи с огромными потребностями в тоннаже для перевозки войск, военного снаряжения, боеприпасов, продовольствия и сырья. Строился он наспех, причем тысячи судов, построенных в военные годы, сооружались частными верфями по заказам американского федерального управления судоходства. Всего было построено по этим заказам или приобретено управлением судоходства 2 546 судов общим тоннажем в 14 703 717 т (напомним, что к началу войны тоннаж американского торгового флота составлял 3 790 578 т). Однако

огромный тоннаж, состоящий из судов стандартного типа и невысокого качества, выстроенных для специфических целей, в мирное время не мог быть в сколько-нибудь значительной степени использован для коммерческих потребностей и выдерживать конкуренцию с торговыми флотами европейских стран. Поэтому после войны началась массовая ликвидация «правительственного» флота США, часть которого попросту отдавалась на слом, а другая продавалась за бесценок частным судовладельцам. В результате в распоряжении управления судоходства к 1933 г. осталось всего около 400 судов. Количество тоннажа, отданного на слом, видно из того, что даже за 7 лет «просперити», предшествовавших кризису (1923—1929), было сломано 1 939 тыс. т.

Американский торговый флот, достигший в 1922 г. (кульминационный пункт его количественного роста) 14 738 506 т, снизился уже к середине 1930 г. до 11 388 367 т, к 1 июля 1932 г. — до 10 889 тыс. т, к той же дате 1934 г. — до 10 355 тыс. т и к 1 июля 1935 г. — до 9 665 тыс. т.

Весьма значительная доля этого тоннажа приходится на суда, праздно стоящие в портах. Уже на 30 июля 1930 г. этот «излишний» тоннаж составлял 2 096 079 т. С тех пор его доля значительно увеличилась.

Ежегодные цифры послевоенного торгового судостроения США были сравнительно невелики и покрывали лишь небольшую долю уничтожаемого или ликвидируемого тоннажа. По мере углубления кризиса судостроение непрерывно падало. К 1 июля 1931 г. в постройке находилось 44 судна общим тоннажем 231 003 т, к 1 января 1932 г. сумма тоннажа строящихся судов упала до 207 837, а на 1 января 1933 г. она составила сравнительно ничтожную цифру в 59 628 т.

Переход к депрессии особого рода не принес оживления парализованной американской судостроительной промышленности. На 1 июля 1933 г. строилось всего 14 654 т, на 1 июля 1934 г. — 22 225 т и на 1 июля текущего года всего два нефтеналивных судна тоннажем в 18 тыс. т. К этому моменту на верфях США не находилось в постройке ни одного пассажирского или грузового парохода. Это положение коммерческого судостроения резко контрастирует с усиленным строительством военного флота, о чем подробнее мы скажем ниже.

Падения американского торгового судостроения не могли приостановить исключительно щедрые правительственные субсидии. Акт Джонса-Уайта, принятый американским конгрессом в 1928 г., предусматривал правительственные кредиты частным верфям на новое судостроение в пределах общей суммы в 145 131 165 долл. Фактически ссуды были почти беспроцентными, поскольку в некоторых случаях они предоставлялись из чисто номинальных 0,25%. Далее, почтовое ведомство Соединенных штатов заключает контракты с отдельными судостроительными фирмами, причем последним обеспечиваются заранее щедрые платежи за будущее использование строящихся на их верфях судов для перевозки почты. Проводился также ряд «рационализаторских» мероприятий в порядке выполнения «кодекса» НРА. Но все эти меры бессильны не только остановить, но и в сколько-нибудь значительной степени задержать катастрофический упадок американского торгового судостроения. Вся работа американских верфей сводится исключительно к выполнению военных заказов.

Сходную картину можно констатировать и в отношении коммерческого судостроения других главных капиталистических стран. В

частности французский торговый флот в последние годы развивался вплоть до кризиса сравнительно быстро (в значительной степени благодаря щедрым правительственным субсидиям). Если в 1914 г. он составлял 1 922 тыс. т, то в 1930 г. он достиг уже 3 471 тыс. т. При этом нужно учесть значительные потери французского торгового флота во время мировой войны, а также и уничтожение в послевоенные годы устаревшего тоннажа (за 1923—1929 гг. сломано 592 тыс. т). Таким образом к началу кризиса этот флот в большей своей части состоял из совершенно новых судов. Новое судостроение, развивавшееся столь быстрым темпом до кризиса, катастрофически сократилось в годы кризиса, несмотря на то, что правительственные субсидии судостроительным компаниям составили за период 1928—1932 гг. свыше 3 млрд. франков.

Если на 1 июля 1931 г. в постройке находилось 221 940 т и на 1 января 1932 г. — 164 440 т, то к началу 1933 г. эта цифра упала до 101 675 т. Большая часть этой цифры приходилась при этом на одно судно — гигантский пароход «Нормандия» в 79 тыс. т. На 1 января 1935 г. цифра строящегося тоннажа составила 120 952 т. Количество праздного тоннажа равнялось на то же число 480 тыс. т. Вследствие слома торговых судов общий тоннаж французского торгового флота на 1 июля 1934 г. сократился до 3 262 тыс. т, а на 1 июля 1935 г. — до 2 989 тыс. т.

Приблизительно в таком же положении находится и торговое судостроение главной конкурентки Франции на всех важнейших океанских линиях, ее «латинской сестры» — Италии. Последняя еще в большей степени увеличила в послевоенные годы, предшествовавшие кризису, свой торговый флот в сравнении с довоенным временем: с 1 430 тыс. т в 1914 г. до 3 262 тыс. т в 1930 г. При этом систематически выводился из строя и уничтожался устаревший тоннаж: с 1923 по 1929 г. было уничтожено 713 тыс. т. Щедрые субсидии, предоставляемые судостроительной промышленности, несмотря на ограниченные бюджетные ресурсы Италии (по английским сведениям, общая сумма этих субсидий за 1928—1932 гг. составила около 3 800 млн. лир), не могли задержать упадка итальянского судостроения во время кризиса. Цифры строящегося тоннажа составили соответственно на 1 июля 1931 г., 1 января 1932 г. и 1 января 1933 г. 170 658 т, 178 000 т и 59 113 т. В годы депрессии особого рода сколько-нибудь значительного увеличения строящегося тоннажа пока не наблюдается. К концу 1934 г. в постройке находилось всего 4 корабля общим тоннажем в 38 тыс. т, что лишь немногим превышает тоннаж каждого из двух итальянских линкоров, заложенных в том же году.

Общий тоннаж итальянского торгового флота к 1 июля 1935 г. сокращается до 2 838 тыс. т.

Что касается Германии, то последняя, как известно, в результате мировой войны и Версальского договора почти целиком лишилась своего флота. Мощная германская судостроительная промышленность быстро восстановила торговый флот, достигший в 1930 г. 4 199 тыс. т против 5 135 тыс. т в 1914 г. Однако кризис нанес решительный удар дальнейшему развитию германского судостроения. На 1 января каждого из трех годов — 1931, 1932 и 1933 — тоннаж строящихся германских судов составил соответственно 130 651 т, 104 000 т и 80 310 т. На 1 июля 1935 г. строящийся тоннаж несколько увеличивается, достигая 237 045 т. Германское правительство, помимо усиленного субси-

дирования судостроительных фирм, в грандиозном масштабе применяло в последние годы слом старых судов, чтобы искусственно создать потребности в новом тоннаже. Основываясь на том, что количество бездействующего тоннажа к 1932 г. превысило $\frac{1}{4}$ всего германского торгового флота, правительство предложило промышленникам субсидии в размере до 12 млн. марок при условии разрушения «устаревшего» тоннажа (в категорию которого включаются все суда, построенные до 1913 г.) в общей сумме до 400 тыс. т. В результате к 1 июля 1935 г. тоннаж германского торгового флота сокращается до 3 693 тыс. т. «Рационализаторские» мероприятия германского фашизма в области судостроения тесно связаны с его общим наступлением на германский рабочий класс в интересах магнатов монополистического капитала. Они столь же тесно увязаны с форсированной подготовкой Германии к войне, о чем скажем ниже.

Японское торговое судостроение еще в довоенное время базировалось главным образом на правительственных субсидиях. Эти субсидии были значительно расширены в период кризиса. За время 1928—1932 гг. они составили около 185 млн. иен. Одновременно делается также попытка облегчить возможность нового судостроения путем вывода из строя старых судов. Правительство заставляет судостроительные фирмы согласиться на разрушение 400 тыс. т устаревшего тоннажа, с тем чтобы было построено 200 тыс. т новых судов. За каждые две уничтоженных тонны и за каждую тонну нового судостроения правительство предоставляло субсидии в размере от 50 до 55 иен. Однако эта политика оказалась бессильной перед разрушающим действием кризиса. Огромная часть японского торгового флота, чрезвычайно «раздувшегося» со времени начала мировой войны (с 1 708 тыс. т — в 1913 г. до 4 317 тыс. т — в 1930 г.) и составлявшего на 1 июля 1935 г. 4 086 тыс. т, в настоящее время бездействует. Этот упадок составляет, как увидим ниже, резкий контраст с бешеными темпами военного судостроения.

Аналогично положение торгового судостроения и других капиталистических стран — Голландии, Дании, Швеции и т. д.

Единственным исключением является Норвегия. Здесь тоннаж торгового флота после мировой войны непрерывно увеличивался вплоть до середины 1933 г., когда он достиг 4 080 тыс. т против 1 858 тыс. т в 1919 г. Лишь в последнее время он слегка сократился: на 1 июля 1935 г. — 3 967 тыс. т.

Чтобы закончить наш обзор продукции мировой судостроительной промышленности за годы кризиса, отметим, что из все уменьшающегося тоннажа, строящегося в различных странах, значительная, а в некоторых случаях и большая, часть приходится на долю судов, могущих сравнительно быстро найти военное применение. Так, капиталистические страны усиленно строят гигантские океанские пароходы большой скорости, которые в случае войны быстро могут быть превращены во вспомогательные крейсера. Во Франции только что вошел в навигацию гигант «Нормандия», развивавший на пробе скорость свыше 30 узлов. Еще ранее, в 1932 г., вступил в строй «Атлантик» в 40 тыс. т, сгоревший однако от пожара при пробных испытаниях. Италия ввела в строй два быстроходных парохода-гиганта по 50 тыс. т со скоростью 27 узлов. Англия уже имеет большое число быстроходных и крупных океанских пароходов, что не мешает британским судостроительным компаниям проектировать новые единицы этого типа. В частности заканчивается постройка величайшего и бы-

строходнейшего в мире парохода компании Кунард «Куин Мери». Было бы конечно преувеличением сказать, что эти суда строятся исключительно или даже преимущественно в целях их использования в случае войны, но возможность такого использования заранее несомненно учитывается соответствующими адмиралтейскими и морскими генштабами. Так, чтобы обеспечить возможность установки орудий 6-дюймового или даже большего калибра, при постройке этих крупных и быстроходных пароходов производится специальное утолщение палуб.

Кризис японского торгового судостроения и судоходства и вызываемый этим слом части японского торгового тоннажа не помешали японскому правительству закупить в 1933 г. в Англии 16 океанских пароходов, из которых два очень большого тоннажа (25 тыс. т). Несмотря на официальные «опровержения», представляется несомненным, что эти суда предназначаются к использованию в качестве войсковых транспортов в случае войны.

II

Если торговое судостроение капиталистических стран в соответствии с падением мировой торговли представляет собой зрелище не прерывного упадка и прогрессивного паралича, то их военное судостроение проходит при неослабевающем «оживлении» и кипучей активности. Выполнение морских программ идет бешеным темпом и в условиях кризиса. Тяжелые финансовые затруднения не мешают вздуть морские бюджеты и отпускать огромные суммы на новое строительство.

А н г л и я, остающаяся крупнейшей морской державой, планомерно выполняет свои ежегодные морские программы в эластичных рамках Вашингтонского и Лондонского морских договоров. Строительство линкоров и больших крейсеров «вашингтонского типа» (по 10 тыс. т с 8-дюймовыми орудиями) приостановлено Вашингтонским и Лондонским морскими договорами до конца 1936 г. Вызывается это конечно отнюдь не пацифизмом участников этих договоров, а тем, что боевое значение крупных боевых кораблей подверглось коренной переоценке. Военно-морское строительство Англии, начиная с 1930/31 бюджетного года, сосредоточивается поэтому на легких крейсерах с 6-дюймовыми орудиями, эсминцах, подводных лодках и наконец шлюпах и различных судах особого назначения. Программа 1930/31 г. предусматривала постройку 3 крейсеров по 7 тыс. т с 6-дюймовыми орудиями, 1 лидера, 8 эсминцев (т. е. одной флотилии судов этого класса), 3 подводных лодок и 4 шлюпов.

Программа 1933/34 г. повторяет эти ежегодные программы, но с той существенной разницей, что размеры крейсеров значительно увеличены (2 по 9 тыс. т и 1 в 5 тыс. т). Таким образом всего за четыре года (1930—1933) начаты постройкой 12 крейсеров (2 по 9 тыс. т, 7 по 7 тыс. т и 3 по 5 тыс. т), лидера, 32 эскадренных миноносца и 12 подводных лодок. Программа 1934/35 г. предусматривает постройку 3 крейсеров по 9 тыс. т, 1 крейсера в 5 тыс. т, 1 авионосца, 1 лидера, 8 эсминцев, 3 подводных лодок, 6 шлюпов и различных вспомогательных судов. По программе 1935/36 г. намечено заложить еще 3 крейсера по 9 тыс. т, 1 лидер, 8 эсминцев, 3 подводных лодки и 8 шлюпов. В дальнейшем британское адмиралтейство отнюдь не на-

мерено сокращать размеры своих ежегодных судостроительных программ.

Не довольствуясь этим, Англия в связи с предстоящей морской конференцией выдвигает требования о предоставлении ей права иметь не менее 70 крейсеров. Конкретно это притязание означает стремление Великобритании приступить после 1936 г., т. е. по истечении срока действия Лондонского морского договора, к постройке не менее чем 30 новых единиц крейсерского класса, так как в настоящий момент число готовых и строящихся крейсеров, не считая устарелых, составляет около 40. Помимо этого с британской стороны выдвигается также программа возобновления строительства линкоров по истечении срока вашигтонских и лондонских ограничений. Начиная с 1937 г. предполагается ежегодно закладывать по 2 единицы этого класса. Линкоры попрежнему считаются британским адмиралтейством основной боевой мощи флота.

Расходы на военное судостроение, равно как и на модернизацию старых судов, неуклонно повышаются. В 1933/34 г. они составили 18 391 300 ф. ст., а в 1934/35 г. — 20 677 500 ф. ст. Общий морской бюджет вырос с 53 570 тыс. до 56 550 тыс. ф. ст. В 1935/36 г. он составит 60 050 тыс. ф. ст.

Всего, включая корабли предыдущих программ (начиная с программы 1931 г.), в постройке на 1 января 1935 г. находились 13 крейсеров общим тоннажем 93 800 т, 1 авионосец, 27 эсминцев, 8 подводных лодок и 14 шлюпов.

Франция планомерно продолжает осуществление Statut Naval—закона, определяющего нормы, которых должен достигнуть французский флот к 1942 г., и долгосрочную судостроительную программу, необходимую для достижения этих норм. Всего за период 1924—1932 гг. Франция, в течение этого времени сосредоточившая свои главные усилия на строительстве легких судов и подводных лодок, построила и заложила 7 крейсеров «вашигтонского типа», 11 легких крейсеров, 1 авионосец, 32 лидера, 26 эсминцев и 78 подводных лодок. Расходы на новое судостроение составляют 1 360 млн. фр. из 2 583 млн. фр., или 54%, в 1929 г. и 1 355 млн. фр. из 2 722 млн. фр., или 52% морского бюджета в 1930 г. Начиная с 1932 г. Франция возобновляет строительство линкоров. В 1932 г. закладывается линкор «Дюнкерк» в 26 500 т. В 1934 г. закладывается второй линкор того же типа «Страсбург», а также 1 лидер, 1 эсминец и 2 подводных лодки.

В марте 1935 г. во французском парламенте проводится законопроект, предусматривающий постройку двух линкоров-гигантов по 35 тыс. т, из которых один должен быть заложен немедленно, а другой после 1936 г.

Одновременно закладываются еще один эсминец и две подводных лодки.

США в течение первых трех лет по заключении Лондонского договора воздерживались от принятия новых морских судостроительных программ и от использования широких возможностей, предоставляемых им лондонским «разоружением». В течение всего этого периода заложено было лишь 8 эсминцев (по 1 500 т), составляющих «хвост» американской судостроительной программы военного времени. Причина такого временного замедления темпов заключалась, с одной стороны, в острых финансовых затруднениях, вызванных кризисом, а с другой — в том, что руководители политики США вновь пытались в своих интересах добиться дипломатическим путем

дальнейших ограничений вооружений других держав. Усиленное военно-морское строительство в категориях легких судов в Англии и Японии, а также агрессия японского империализма на Дальнем Востоке заставляют США активизировать свою морскую политику. Летом 1933 г. правительство Рузвельта использовало полномочия и средства, предоставленные ему знаменитым «биллем о промышленном восстановлении», для того чтобы приступить к выполнению новой судостроительной программы. На выполнение этой программы было ассигновано 238 млн. долл. из особого фонда для финансирования общественных работ, учрежденного указанным выше биллем. Программа была рассчитана на трехлетний срок, причем все предусмотренные ею суда были заложены немедленно. В программу входила постройка всего 32 военных кораблей, в том числе 4 крейсеров по 10 тыс. т с 6-дюймовыми орудиями, 2 авионосцев по 20 тыс. т, 4 лидера по 1 850 т, 16 эсминцев по 1 500 т, 4 подводных лодок по 1 400 т и 2 канонерских лодок по 2 тыс. т каждая.

Одновременно с выполнением этой чрезвычайной трехлетней программы в очередной бюджет США были включены дополнительные ассигнования на постройку кораблей, которые были предусмотрены более ранними программами, но к сооружению которых не было приступлено в предыдущие годы за отсутствием средств. Эти корабли, на постройку которых было ассигновано по бюджету 1933/34 г. свыше 40 млн. долл., включали 2 крейсера «вашингтонского типа», т. е. по 10 тыс. т с 8-дюймовыми орудиями (16-й и 17-й корабли этого типа в американском флоте) и 4 лидера по 1 850 т. Таким образом начато строительство одновременно 38 боевых единиц различных классов.

27 марта 1934 г. в американском конгрессе прошел законопроект, внесенный председателем морской комиссии палаты представителей Винсоном. Законопроект предусматривал доведение флота во всех категориях кораблей до лимитов, установленных Лондонским договором, а также более ранним Вашингтонским договором. Это в частности означало для США возможность заложить в продолжение оставшегося срока действия обоих морских договоров (т. е. в 1934, 1935 и 1936 гг.) 1 крейсер «вашингтонского типа», 5 легких крейсеров, 1 авионосец тоннажем в 15 тыс. т, 99 200 т эскадренных миноносцев (или 65 судов этого класса) и 35 530 т подводных лодок (или 30 единиц). Морская программа 1934/35 г., являвшаяся первым «отрезком» судостроительной программы, устанавливаемой законом Винсона, предусматривала постройку 18-го крейсера с 8-дюймовыми орудиями, 3 крейсеров с 6-дюймовыми орудиями, 2 лидеров, 12 эсминцев и 6 подводных лодок. Расходы США на новое строительство составляют в 1934/35 г. рекордную цифру — свыше 200 млн. долл. (161 млн. долл. из средств НРА и 43 млн. из федерального бюджета) при общей сумме морского бюджета и дополнительных ассигнований в 1934/35 г. в 489 млн. долл. Программа 1935/36 г., являющаяся вторым «отрезком» программы Винсона, предусматривает постройку еще одного авионосца, 2 крейсеров, 3 лидеров, 12 эсминцев и 6 подводных лодок. В дальнейшем, по истечении срока действия Лондонского и Вашингтонского морских договоров, США, как и Великобритания, намерены приступить к строительству линкоров и линейных крейсеров. В настоящее время разработаны уже проекты и конструкции крупнейших боевых единиц этого класса тоннажем по 35 тыс. т и стоимостью до 40 млн. долл. каждая. В программу на 1936/37 г.

включена уже постройка одной единицы этого класса, а также 2 ледоколов, 12 эсминцев и 6 подводных лодок.

Япония, ведущая агрессивную захватническую политику на азиатском континенте, подготавливающая дальнейшие захваты за счет Китая и вооруженное нападение на СССР, в настоящее время лихорадочно усиливает все виды вооружений. Ввиду предстоящей в 1935 г. или в начале 1936 г. морской конференции японский империализм ставит вопрос об установлении «паритета» его флота с английским и американским. Это притязание поддерживается им не словом, а делом. Уже вскоре после заключения Лондонского морского договора в 1930 г. Япония принимает так называемую первую программу «пополнения флота», реализация которой и была начата с 1931 г. Эта программа предусматривала постройку на протяжении срока действия договора 4 новых крейсеров по 8 500 т с 6-дюймовыми пушками, 12 быстроходных эсминцев по 1 400 т, 1 подводной лодки в 1 970 т, 6 подводных лодок по 1 300 т и 2 подводных лодок по 900 т, 4 минных заградителей, 4 истребителей подводных лодок, 5 тральщиков, 1 канонерки, 1 ремонтного и 1 нефтеналивного судна. Общая стоимость всей программы около 600 млн. иен. Таково лондонское «разоружение» в его истолковании Японией. В 1933 г. японское морское министерство выдвигает вторую программу пополнения флота. Эта программа была объявлена еще в январе 1933 г. морским министром Осуми. В дальнейшем она была значительно расширена под влиянием развития событий на Дальнем Востоке и обострения японо-американских противоречий.

В своем окончательном виде программа, внесенная морским министерством на рассмотрение министерства финансов (в целях изыскания нужных средств) в начале августа 1933 г., предусматривала сооружение 36 военных кораблей на протяжении трехлетнего периода, начиная с 1934/35 г. В частности должны быть построены еще 2 крейсера по 8 500 т с 7-дюймовыми орудиями, 2 авианосца по 10 тыс. т, 1 минный заградитель, 14 эсминцев и 6 подводных лодок. Сверх того должен быть построен ряд судов, на которые не распространяются ограничения договора, а именно: 1 нефтеналивное судно, 1 ремонтное, 1 база подводных лодок, 4 торпедоносца и 4 истребителя подводных лодок. Общая стоимость этой программы исчислена в 760 млн. иен. Эти огромные расходы Японии при ее финансовых затруднениях весьма симптоматичны. Обширная программа усиления японского флота говорит сама за себя. Следует отметить, что постройка новых крейсеров и авианосцев означает уже повышение норм, установленных для японского флота Лондонским договором в соответствующих категориях кораблей. Этим японское правительство лишний раз подчеркивает, что оно считает Лондонский договор клочком бумаги, который оно не собирается соблюдать даже в течение короткого срока его формального действия.

Пользуясь тем, что Лондонский морской договор оставил неограниченными обширные категории кораблей, Япония усиленно использует свое право свободного их строительства. Только что начатая выполнением дополнительная программа строительства в этих категориях предусматривает постройку еще 3 больших авиотранспортов, 2 нефтеналивных судов, 1 пловучей мастерской, 1 базы подводных лодок, 4 истребителей подводных лодок, 1 минного заградителя и 16 торпедоносцев около 600 т каждый с мощным артиллерийским и минным вооружением в дополнение к 4 кораблям этого класса, уже

оконченным постройкой. Следует отметить также начатое уже Японией дополнительное военно-морское строительство сверх договорных лимитов под предлогом создания флота «независимого» государства Манчжоуго. Наряду с опубликованными официальными программами Японии проводит также и секретные мероприятия в области морских вооружений. Так, производятся в порядке стандартизованной продукции части для подводных лодок и готовится сборка последних в случае войны. Строятся также миниатюрные подводные лодки секретной конструкции.

Билль Винсона, принятый американским конгрессом, послужил для японских морских кругов предлогом, чтобы начать кампанию за проведение в ближайшее же время новой (третьей) программы морских вооружений сверх уже принятых и осуществляемых двух программ «пополнения» флота. Содержание будущей программы пока держится в секрете, но о размерах ее можно судить по дальнейшему увеличению японского морского бюджета. Последний растет с исключительной быстротой. Если в 1931/32 г. японский морской бюджет составил 227 127 тыс. иен, то в 1932/33 г. он увеличился до 306 766 тыс. иен, в 1933/34 г. — до 403 771 тыс., а в 1934/35 г. достиг чудовищной суммы — 487 871 тыс. иен. При низких издержках производства в Японии эта цифра представляется огромной. Однако бюджет на 1935/36 г. дает новое увеличение расходов на флот, доходящих уже до 530 млн. иен. Расходы на новое судостроение составляют огромную часть этих сумм.

По истечении срока действия существующих договоров (начиная с 1934 г.) Япония несомненно возобновит строительство линкоров. Одновременно намечается ежегодная закладка не менее 50 тыс. т легких судов. В виде контраста отметим, что общий тоннаж всех торговых судов, строящихся в Японии, составил на 1 июля текущего года всего 65 970 т.

Италия энергично поддерживает не на словах, а на деле свое притязание на «паритет» в вооружениях с Францией. Всего за период, указанный выше и соответствующий выполнению Францией Statut Naval, Италия строит и закладывает 7 крейсеров «вашингтонского типа», 12 легких крейсеров от 5 до 7 тыс. т, 1 авианосец, 12 лидеров, 24 эсминца, 54 подводных лодки. Итальянские верфи сверх того получают обширные заказы на постройку военных судов от иностранных правительств: Аргентины, Бразилии, Чили, Турции, Румынии и т. д. Заказы эти объясняются относительной дешевизной итальянского военного судостроения вследствие его низких издержек производства, а также быстротой его темпов. Начиная с 1934 г. Италия в свою очередь начинает строительство линкоров. 28 октября 1934 г. на верфях в Триесте и Генуе заложены две гигантских единицы этого класса: «Витторио Венето» и «Литторио» по 35 тыс. т. Недавнее решение (июль 1935 г.) итальянского верховного морского совета, возглавляемого Муссолини, предусматривает дальнейшее форсированное усиление итальянского военного флота. В частности уже объявлено о закладке еще 10 новых подводных лодок.

Германский фашизм, представляющий главную угрозу европейскому миру, вооружается форсированными темпами на суше, на море и в воздухе. Если до последнего времени его усилия сосредоточивались главным образом на сухопутных и воздушных вооружениях, то ныне они охватили и морские. Последние весьма тщательно маскировались. Германия до поры до времени формально оставалась

в том, что касается флота, в рамках Версаля. Имелось в виду по возможности нейтрализовать британский империализм и обеспечить его благожелательное или во всяком случае терпимое отношение к форсированному усилению германской армии и авиации. Когда же перевооружение на суше и в воздухе достигло такого уровня, при котором Германия начинает вновь превращаться в сильнейшую западноевропейскую военную державу, гитлеровское правительство открыто и окончательно разорвало Версальский договор и в отношении морских вооружений. За официальным восстановлением германской военной авиации, за декларацией от 16 марта 1935 г. об установлении всеобщей и обязательной воинской повинности последовало объявление о постройке Германией подводных лодок. Одновременно обнаружилось задним числом и строительство многочисленных надводных кораблей различных классов, означающее уже огромное как количественное, так и качественное превышение версальских лимитов. Германское перевооружение на море, по существу одобренное британским империализмом в англо-германском морском соглашении, направлено в первую очередь против Советского союза и рассчитано на обеспечение господства германских морских сил в Балтике в целях обеспечения агрессии германского фашизма на Восток. Вследствие этого темпы и характер германских вооружений заслуживают особого внимания. Англо-германское морское соглашение от 18 июня, санкционирующее германские вооружения, отводит, как известно, германскому флоту тоннаж, равный 35% тоннажа британского флота в категориях надводных кораблей и 45% в категории подводных лодок. Это означает возможность увеличения германского военного флота в пять раз против его теперешних размеров. Фашистская Германия уже делает из этого соглашения все выводы в том, что касается судостроительных программ. Только что опубликованная германская программа предусматривает постройку в течение одного лишь 1935 г. двух линкоров по 26 тыс. т (в дополнение к 3 ранее оконченным постройкой «карманным» линкорам по 10 тыс. т), 2 крейсеров по 9 тыс. т (за послевоенные годы Германия построила 6 единиц этого класса по 6 тыс. т), 16 эсминцев по 1 625 т (в германском флоте имеется 12 послевоенных кораблей этого класса по 800 т) и 28 подводных лодок, воспрещенных Германией Версальским договором, в том числе 20 по 250 т, 6 — по 500 и 2 — по 750 т. Но эта программа составляет лишь первый этап будущего германского строительства, предназначенного к восстановлению военно-морской мощи германского империализма.

Лихорадочное усиление военных флотов, гонка морских вооружений — это в настоящее время «центр тяжести» в мировом капиталистическом судостроении. На фоне сокращения мирового торгового тоннажа и упадка его строительства ярко выделяется растущее производство новейших орудий и средств истребления на море. Этот факт лишний раз свидетельствует о бешеной подготовке империалистических стран, в первую очередь Германии и Японии, к борьбе за новый передел мира и контрреволюционной войне против СССР.

Об одной „поправке“ Каутского к теории денег Маркса

В предисловии к «народному изданию» «Капитала» Каутский писал: «В некоторых случаях я позволял себе исправлять самого Маркса». На стр. 123—124 второго издания (гл. IV, 3) он пишет: «Из закона относительно быстроты обращения платежных средств следует, что необходимая для всех периодических платежей, каков бы ни был их источник, масса платежных средств стоит в обратном отношении к продолжительности периодов платежей». Пример из Петти, который он приводит в примечании для иллюстрации этого положения, доказывает однако обратное. Чем короче сроки платежей, тем меньше необходимая масса платежных средств. При еженедельных платежах она много меньше, чем при платежах по четвертям года. Здесь перед нами несомненно описка. Следовало сказать: «в прямом отношении»¹.

Во всех русских переводах Степанова-Скворцова до 1923 г. дается марксова формулировка этого закона и лишь впервые в издании 1923 г. вносится «поправка» Каутского к этому закону, которая сохраняется во всех изданиях до 1933 г. В немецком издании ИМЭЛ² эта поправка также сохранена. В новом русском переводе I тома «Капитала» это извращение марксова текста устранено. Между тем эта мнимая «ошибка» Маркса неизменно повторяется во всех выпущенных Марксом и Энгельсом немецких, французских и английских изданиях «Капитала». Мало того, этот закон непосредственно связывается Марксом с анализом кругооборота капитала, с проблемой авансирования переменного капитала во втором томе «Капитала». Поэтому вполне естественно, что Каутский должен был «поправить» Маркса также и здесь.

В функции денег как платежного средства реально проявляются противоположность и противоречие товара и денег, «просто потребительных стоимостей» и «адекватного бытия их меновой стоимости», противоречие частного и общественного, конкретного и абстрактного труда, общественного характера производства и частного характера присвоения. Отожествляя же закономерности обращения денег как платежного и покупательного средства, буржуазные экономисты не в состоянии понять роли денег как формы проявле-

¹ «Капитал», русский пер. Степанова, 1923 г., стр. XX.

² К. Марх, Kapital, Bd. I. Besorgt vom Marx—Engels—Lenin Institut, Moskau 1932, S. 147.

ния имманентных противоречий капитализма, ибо при кризисах это противоречие проявляется не в недостатке средств обращения, но в недостатке платежных средств.

«Разница между покупательным и платежным средством дает себя чувствовать очень неприятным образом в эпоху торговых кризисов» (Маркс).

«Поправка» Каутского к закону Маркса о массе платежных средств направлена на ту же цель, как и «поправки» Гильфердинга, а именно на сглаживание и выхолащивание противоречий товарного общества, поскольку они проявляются в деньгах.

Этот закон («масса платежных средств, необходимых для периодических платежей, стоит в обратном отношении к продолжительности сроков платежей») Маркс обосновывает с п с ц и ф и ч е с к и м законом быстроты обращения платежных средств в противоположность средствам обращения: «Чем обширнее концентрация платежей, тем относительно меньше баланс, тем меньше, следовательно масса обращающихся платежных средств», тем шире «возможность компенсировать массу монет посредством увеличения быстроты обращения денег». Естественно, что удлинение сроков платежей увеличивает их объем в дни погашения, их концентрацию и следовательно ускоряет обращение платежных средств. Отсюда ясно, что «масса платежных средств, необходимая для периодических платежей, каков бы ни был ее источник, стоит в обратном отношении к продолжительности сроков платежей». Маркс в сноске к этому закону приводит цитату из Петти, которая имеет только тот смысл, что отчетливо вскрывает непонимание Петти особых законов обращения платежных средств, отождествление им этих законов с законом обращения средств обращения.

В приведенном Петти примере совершенно игнорируется та взаимная компенсация платежей, которая специфична для обращения денег как платежных средств. Маркс же подчеркивает в этом разделе (несколькими строками раньше) и особо развивает этот закон. Поэтому нелепо было бы утверждать, что цитата из Петти приведена для подтверждения марксова закона. А Каутский превращает марксову теорию в простое заимствование у буржуазных экономистов, и таковой в интерпретациях Каутского она и в самом деле является.

Вместе «с развитием кредитного дела и следовательно буржуазного производства вообще функции денег как платежного средства будут расширяться за счет функции их в качестве покупательного средства и еще более в качестве элемента собирания сокровищ»¹. В то же время вместе с расширением масштабов и удлинением сроков кредита расширяются концентрация и балансирование платежей и поэтому относительно сокращается вообще масса денег как в обращении, так и в сокровище по сравнению с ростом масштабов капиталистического производства, обращения и масштабов платежных оборотов.

Из закона Маркса далее вытекает, что денежные кризисы должны обостряться; по Каутскому, напротив, они должны смягчаться. Если масса денег относительно сокращается, то тем самым с каждым кризисом все более острым и все более разрушительным становится «насильственный переход от кредитной системы к моне-

¹ «Критике», стр. 212, изд. 1930 г.

тарной системе», ибо все более разрастаются кредитная надстройка, кредитные формы безналичного обращения и следовательно все большим становится разбухание кредитной надстройки над металлическим базисом. По Каутскому же, наоборот, этот разрыв становится меньшим и кризисы должны смягчаться, ибо масса платежных средств, необходимая для периодических платежей, с развитием капитализма, по Каутскому, возрастает. Следовательно платежи в достаточной мере обеспечиваются наличными платежными средствами. В этом и теоретический и политический смысл этой, на первый взгляд незначительной, «поправки» Каутского.

О чем говорит капиталистическая практика? С развитием капитализма вообще колоссально расширяется кредитная система и возрастает ее роль.

Между развитием кредита и развитием безналичного оборота существует постоянное взаимодействие: расширение кредита и удлинение сроков кредитования расширяют безналичный оборот, и, наоборот, расширение безналичного оборота расширяет возможности кредитования.

Ежегодный оборот чеков в расчетных палатах США, по Бэрджесу, возрос с 1 млрд. долл. в 1853 г. до 500 с лишним млрд. долл. в 1925 г.¹

Ирвинг Фишер исчислил «скорость обращения банковских депозитов», т. е. фактические масштабы безналичных платежей, взятые по отношению к данной одинаковой сумме депозитов. У него получились следующие цифры «скорости обращения депозитов» для различных городов: Париж—116, Берлин—161, Брюссель—123, Мадрид—14, Рим—43, Лиссабон—29, Индианаполис—30, Нью-Гавен—16, Афины—4 и Санта Барбара—1.

Хотя фишеровские приемы статистических исследований далеко не безупречны и их полностью нельзя принимать «на веру», однако, поскольку для этого исчисления был применен однообразный метод ко всем городам, соотносительные цифры мы можем принять. Эти цифры говорят, что интенсивность использования банковских вкладов для безналичных платежей тем выше, чем более сконцентрировано население, чем более развиты капиталистические производство и торговля.

Это отчетливо видно также из соотношения абсолютных цифр оборотов расчетных палат по США. Так, по данным «Годового отчета контролера денежного обращения», при общем обороте расчетных палат США за 1928 г. в сумме 612 997 млн. долл. оборот одного Нью-Йорка составлял 368 917 млн. долл. Это — 60% оборотов всей страны и даже в 10 раз больше оборота такого крупного центра, как Чикаго (36,9 млрд. долл.).

Создание в США в 1913 г. так называемой «федеральной резервной системы» колоссально двинуло вперед безналичный оборот, систему взаимной компенсации долговых требований. Федерально-резервная система — эластичный и широко разветвленный механизм для безналичного платежного оборота. Эта система создала огромную экономию во времени для совершения платежей. «По общему пра-

¹ Б э р д ж е с, Банковская организация современного капитализма, 1929 г., стр. 72.

вину время, требуемое для инкассирования чеков, подверглось сокращению вдвое» (Бэрджес). Федерально-резервная система дает также огромную экономию на издержках по инкассированию платежей (сокращение количества звеньев, через которые проходит инкассируемый чек, обработка большого количества чеков массовыми методами работы, сокращение сумм пересылок наличности и их расходования, сокращение расходов на счетоводство и пр.). В результате в настоящее время примерно 98% всех выписанных в США чеков инкассируется через ФРС. 12 резервных банков пропускали ежедневно перед кризисом свыше 2¹/₂ млн. чеков на сумму около 1 млрд. рублей¹.

Выпуск в США сертификатов расчетных палат создал возможность даже сальдо взаимных расчетов покрывать в значительной мере безналичными платежами².

В этом же направлении действует особая организация безналичных расчетов по сделкам с ценными бумагами, так называемая Exchange Clearing, созданная в Лондоне в 1874 г. Благодаря этой организации до 90% всех срочных обязательств по сделкам с ценными бумагами взаимно компенсируется, а остаток сальдируется опять-таки не наличностью, но чеками на банк³.

В связи с огромным абсолютным и относительным возрастанием безналичного оборота, увеличением так называемой «скорости обращения банковских депозитов» во всех капиталистических странах непрерывно падает покрытие депозитов наличностью и в конечном счете сильно падает обеспечение золотом всей денежно-кредитной надстройки. Так называемые «наличные резервы» (куда входят также текущие счета в Центральном эмиссионном банке — следовательно по существу в значительной части это также фиктивная наличность) составляют у крупнейших банков в Англии максимум 10—11,5%, а для срочных вкладов в США норма обеспечения была понижена до 5% и дополнением к федерально-резервному акту в 1917 г. — до 3%⁴. У немецких банков обеспечение депозитов наличностью сократилось с 13,5% в 1883 г. до 7,5% в 1913 г., т. е. почти вдвое. Несмотря на то, что за годы войны и послевоенных расчетов по долгам в США хлынули со всех стран огромные потоки золота, эта контртенденция не могла приостановить действия основной тенденции. В результате при всей внушительности цифры золотых запасов в США процентное отношение этих запасов к общей сумме индивидуальных банковских вкладов снизилось с 10,3 в 1913 г. до 9,5 в 1925 г.⁵

Буржуазные экономисты из нужды делают добродетель: они подводят своеобразное «теоретическое» обоснование под этот факт несомненного ослабления устойчивости кредитно-денежной надстройки в связи с падением резервов наличности у банков по отношению к объему кредитования и безналичных платежей. На смену так называемой «ортодоксальной» банковской теории приходит так называемая «шифтабельная теория» (shiftability theory, «теория подвижности»), согласно которой потребность в наличности и резервах тем

¹ Бэрджес, цит. соч., стр. 79—80, 82.

² Зомбарт, Современный капитализм, т. III, первый полутом, М. 1929 г., стр. 213.

³ Iaffe, Das englische Bankwesen, I, 95.

⁴ Бэрджес, цит. соч., стр. 42.

⁵ Там же.

меньше, чем больше развиты чеко-жирооборот и связь банков друг с другом, дающая возможность одному банку подкреплять резервы другого в случае требований по текущим счетам. А «чем меньше требуется наличности, тем меньше, даже с точки зрения ортодоксальной теории, необходимости продуктивные активы держать главным образом в краткосрочных бумагах».

Поэтому с точки зрения «шифтабельной теории» факт значительного падения нормы резервов в новейшее время вполне закономерен, ибо он вытекает из самого развития банковской системы. В. Митчелль отмечает, что, несмотря на то, что депозиты в США покрывались наличностью в 1830 г. на 37%, а в 1914 г. на 6,4%, и несмотря на значительное развитие так называемых «иррегулярных операций» (collateral loans), отдельные банки, тесно связанные друг с другом и со всей системой, более устойчивы, чем раньше. Между тем федеральная резервная система требует больших резервов, чем это необходимо¹.

Буржуазные экономисты могут успокаивать себя разговорами о том, что, несмотря-де ни на что, кредитная система становится более устойчивой, мы же больше верим фактам неслыханного по своим масштабам краха кредитной системы в современном кризисе, чем голым декларациям Митчеллей, Бэрджесов и пр. И факт остается фактом: масса платежных средств, обеспечивающая периодические, а также и бессрочные платежи, по мере развития капитализма становится относительно все меньше и меньше, а это и требовалоось доказать для обоснования правильности марксовой теории денежного обращения.

Весьма поучительные данные в интересующем нас разрезе разработаны В. Митчеллем в «Экономических циклах». По его подсчетам, общая сумма наличных платежей металлическими и бумажными деньгами в США за 1926 г. составила 105 млрд. долл., а безналичных платежей — при помощи чеков — 695 млрд. долл. В то же время за этот год общую сумму доходов, полученных в денежной форме, Митчелль исчисляет в 82,1 млрд. долл. Следовательно вся сумма денежных доходов составляет всего 11,8% объема безналичных платежей, а вся сумма розничных продаж в 1923 г. составляла 35 млрд. долл., или 6% по отношению к объему безналичных платежей, совершаемых через банки (570 млрд. в 1923 г.)².

Давид Кинлей в своем исследовании пришел к выводу, что в среднем 80—85% всех сделок в США осуществляются без наличных денег при помощи чеков. Для оптовой торговли Кинлей повысил этот процент до 90, в розничной торговле этот процент составляет 50—60. И даже до 30% заработной платы, по Кинлею, выплачивается посредством чеков. Митчелль, считая, что выборочные исследования по этому вопросу не дают возможности вполне точно фиксировать проценты, однако полагает, что «полные данные в течение года могут обнаружить весьма правильные сезонные колебания доли платежей чеками в общем платежном обороте, соответствующие по времени сезонным колебаниям банковских расчетных операций. Возможно, что существуют даже циклические колебания относительного значения чеков и металлических и бумажных денег, а также повы-

¹ W. M i t s c h e l l, The uses of Bank Funds, Chicago 1925, p. 20.

² В. М и т ч е л ь, Экономические циклы, М., Гиз, 1930 г.

шательная вековая тенденция для первых и понижательная для вторых»¹.

Фишер указывает, что результаты его исследования вполне совпадают с данными Кинлея (90% сделок безналичными), и эти выводы «замечательно согласуются с господствующим впечатлением среди деловых людей, что около 90% торговых сделок совершается теперь посредством чеков».

Апологеты капитализма, вроде немецкого банкира Альберта Гана, делают из этих фактов тот вывод, что на смену денежному хозяйству приходит более совершенное безденежное «кредитное хозяйство», которое открывает возможности уничтожения власти денег и безграничной кредитной экспансии, устранения кризисов, безработицы и т. д. Но весь этот вздор нет надобности здесь разбирать по существу: беспочвенность учения о «кредитном хозяйстве», идущем якобы на смену «денежному хозяйству», уже давно доказал Маркс в критике учения о ступенях экономического развития Бруно Гильдебранда. Все эти данные полностью подтверждают правильность открытых Марксом тенденций денежного обращения. Из этих тенденций вытекает необходимость все большего возрастания сокрушительной силы кризисов в связи с ростом кредитной надстройки денежного обращения, ибо «деньги — в форме благородных металлов — образуют основу, от которой кредитное дело по самой природе своей никогда не может освободиться»².

Выдвинутые нами положения в приведенных данных получили вполне исчерпывающее фактическое обоснование.

Возможно лишь такое «возражение»: все, что приведено нами, подтверждает мол марксовы законы денежного обращения в о о б щ е, но непосредственно не подтверждает прямой связи между доказанным сокращением массы платежных средств и продолжительностью сроков периодических платежей. Верно, что данных для подтверждения наличия такой прямой связи буржуазная статистика не дает. Но что означает вообще удлинение сроков платежей? Не что иное как удлинение сроков кредита. Отсрочку любого платежа мы можем рассматривать как предоставление нового или удлинение срока данного кредита: подлежащая платежу сумма (в том числе также налоги, аренда и пр.) кредитуются. В отношении же сроков кредитования мы располагаем достаточно большим материалом, который подтверждает факт расширения долгосрочного и даже безвозвратного кредитования за счет краткосрочного.

Мы уже не говорим о колоссально возросшей, особенно в течение XX в., сумме эмиссий фондов (акций, облигаций, закладных листов), которые представляют собой форму долгосрочного или безвозвратного помещения капиталов. Но также и огромное возрастание банковского кредита идет главным образом за счет роста долгосрочного кредитования, хотя и предоставляемого клиентам преимущественно в форме краткосрочного кредита. Теория Вебер—Яффе о так называемом «разделении труда» в английском банковском деле, согласно которой будто бы крупнейшие английские депозитные банки не финансируют промышленность, но ограничиваются лишь краткосрочным кредитованием торговли, полностью опровергнута капитальным

¹ В. М и т ч е л ь, цит.: соч., стр. 121.

² «Капитал», т. III, ч. 2, гл. II, изд. 1923 г., стр. 147.

исследованием Визера, посвященным анализу «Финансовой надстройки английской промышленности»¹. В отношении Германии широкие грюндерские и долгосрочные финансовые операции исчерпывающе доказаны Вебером². Что же касается США, то здесь мы имеем целый ряд исследований — Конвея и Петерсона, Мультонна, Митчелля, Геллвига и др.³, которые доказали факт долгосрочно-инвестиционных операций американских банков (а не только специальных «финансовых трестов») в огромных масштабах.

В двадцать втором «Ленинском сборнике» опубликованы ленинские тетради по империализму, в которых можно найти в дополнение к «Империализму» огромный материал, характеризующий процесс сращивания банков с промышленностью через посредство банковских, по внешней форме краткосрочных, операций. Когда Ленин говорит в «Империализме» о «текущем счете», посредством которого банки овладевают промышленностью, то, как показывают материалы из ленинских тетрадей, он имеет в виду именно к о н т о к о р р е н т н ы й к р е д и т⁴, т. е. активный, а не пассивный текущий счет (вклады), что между прочим далеко не всегда правильно понимается.

Можно ли статистически установить распределение банковских ресурсов по срокам кредитования? Это невозможно потому, что банковские балансы дают дифференцированные данные не по срокам кредитования, а исключительно по формам кредитования. Поэтому процентное соотношение ценных бумаг («инвестиций») плюс долгосрочное кредитование (показываемое в балансах немецких банков) на самом деле отнюдь не дают картины соотношения долгосрочного и краткосрочного кредитования. Банки имеют все основания применять технику балансовой маскировки, чтобы скрывать действительные масштабы долгосрочного финансирования промышленности. Это им необходимо потому, что в немецких банках три четверти, а в американских — более половины средств мобилизованы в форме текущих счетов, по которым они обязаны платить в любой момент и в любых суммах. Банк, открывший своим вкладчикам тот факт, что его фонды на три четверти увязаны в долгосрочном и безвозвратном финансировании промышленности, немедленно потерпел бы крах: вкладчики, владеющие текущими счетами, должны «верить» в то, что их текущий счет равносителен обладанию наличными деньгами. И даже такие авторы, как Гудляйф, который ратует за «осторожную» банковскую политику, за краткосрочное кредитование⁵ (ни один заемщик, говорит Гудляйф, не может без риска употребить банковский кредит, кроме как для временных нужд, дабы не подвергнуться тяжелому наказанию в том случае, если кредит будет изъят), не может не констатировать, что «к сожалению» в действительности дело обстоит как раз наоборот.

Все эти материалы и так называемые «экспертные оценки» крупнейших буржуазных знатоков банковского дела полностью подтверждают тот факт, что чем шире развивается кредит, тем все в большей мере развиваются грюндерские, кон-

¹ A. Wieser, Die finanzielle Aufbau d. englischen Industrie, 1919.

² А Вебер, Депозитные и спекулятивные банки, М. 1927 г.

³ См. например «Ленинский сборник» XXII, изд. 1933 г., стр. 67, «Текущий счет — средство влиять на промышленность».

⁴ Там же.

⁵ Walter Goodlife, Credit and Currency, national and international, Westminster 1927, p. 32.

токоррентные и прочие операции по долгосрочному финансированию промышленности, тем следовательно все более удлиняются сроки платежей по банковскому кредиту.

Согласно опубликованным в печати данным в США мы имеем следующее соотношение долгосрочной и «краткосрочной» задолженности¹:

	1913 г.	1921 г.	1932 г. (нач. года)
	В млн. долл.		
Долгосрочная задолженность	37 269	83 751	131 844
Краткосрочная задолженность	18 042	36 317	43 566
Всего	55 311	120 068	175 410
% краткосрочной задолженности к итогу	32,6	31,0	24,8

На самом же деле долгосрочная задолженность много больше, так как ссуды банков, отнесенные в этой таблице целиком к «краткосрочной задолженности», в большей своей части являются в действительности долгосрочной задолженностью. Поучительно будет привести сравнение официально опубликованных данных о динамике долгосрочной и краткосрочной задолженности по США с данными о динамике общего объема золотого запаса в этой стране:

	1913 г.	1921 г.	1929 г.	1932 г. (нач. года)
	В млн. долл.			
I. Общая задолженность	55 311	120 068	182 440	175 410
II. Золотой запас в монете и слитках	1 904	3 660	4 283	4 460
% отношение II к I	3,5	3	2,3	2,6

Если исключить 1932 г., который отражает многомиллиардное насильственное снижение задолженности (банкротство банков, обесценение фондов), то с 1913 г. и вплоть до кризиса мы наблюдаем в США, согласно этим данным. (при всей «исключительности» этой страны в отношении притока золота в военный и послевоенный периоды), заметное сокращение золотых запасов и всей массы наличных денег² (как платежных средств, так и средств обращения) по сравнению с общей суммой задолженности. Расшифровав выше эту последнюю, мы показали, что долгосрочная задолженность возрастала за этот период намного интенсивнее краткосрочной задолженности. Следовательно при всей неточности и неполноте этих данных и при всей невыгодности

¹ См. «Iron Age» 5/1 1933 г., стр. 42, 26. Ср. «Банковский крах США», 1933 г., стр. 35.

² Вся наличная денежная масса, выпущенная в обращение, составляла в США в 1913 г. 3. 418,6 млн. долл., в 1921 г. — 4 910,9 млн. долл., в 1929 г. 4 746,2 млн. долл. По отношению к приведенной в таблице сумме задолженности денежная масса составляла в 1913 г. 6,2%, в 1921 г. — 4,1% и в 1929 г. перед кризисом — всего 2,5%. При таком давлении долговой пирамиды нельзя удивляться остроте денежно-кредитного кризиса.

выбранного нами объекта для проверки этого закона (сильно действующая противотенденция — огромный приток золота) мы и в США в течение анализируемого периода находим полное подтверждение марковского закона: обеспеченность всей массы долговых платежей находящимся в стране золотом упала с 3,5% в 1913 г. до 3% в 1921 г. и 2,3% в 1929 г. (т. е. перед кризисом). Еще сильнее упала обеспеченность этой долговой пирамиды находящейся в обращении массой денег, а именно с 6,2% в 1913 г. до 4,1% в 1921 г. и 2,5% в 1929 г. Таким образом, основываясь и на официально публикуемых статистических данных, и на статистико-конъюнктурных исследованиях, принимаемых с оговорками, и на многочисленных «экспертных» свидетельствах банковских практиков, можно считать вполне доказанным марковский закон о расширении функции платежного средства за счет функции средства обращения, о развитии безналичного оборота и наконец о сокращении массы платежных средств в связи с удлинением сроков платежей.

Практика, критерий истинности теории, столь же красноречиво подтверждает марковские законы, сколь уничтожающе разоблачает всю нелепость каутскианских «поправок» Маркса.

Институциональная школа и ее представитель Джон Коммонс

Сделка как основной элемент экономики

Характерной особенностью работ Джона Коммонса по теоретической экономике является их доктринерский, чрезвычайно «солидный» вид. Новая, весьма разветвленная, своеобразная терминология, создающая такое впечатление, словно экономически теория в лице Коммонса шагнула далеко вперед, конспективное, подчас аподиктическое изложение, преподносящее положения Коммонса в виде «само собой разумеющихся», непреложных истин, сложная систематика — все это имеет целью придать трактатам Коммонса внушительную квази-научную внешность.

Однако за этой импозантной формой скрывается по сути дела очень плоское содержание. Непреложные экономические «аксиомы», возводимые Коммонсом, представляют собою лишь переведенные на доктринерский язык поверхностные представления агентов капиталистического производства. За их мнимой «научностью» скрывается лишь самая откровенная апологетика капиталистического строя. А весь ассортимент новой терминологии Коммонса вроде «неосязаемой» и «бестелесной» собственности, «коммерческих», «административных» и «распределительных» сделок, «действующих предприятий» и т. п. слов, которым Коммонс придает особый, необычный смысл, — все это свидетельствует о том, что Джон Коммонс, как и многие буржуазные философы, социологи и экономисты, является, по выражению Ленина, «великим любителем ученой игры в новые термины»¹. Эта новая терминология имеет целью завуалировать вульгарное апологетическое и нисколько не новое по существу содержание экономических воззрений Коммонса.

Из целого ряда теоретико-экономических работ Коммонса заслуживает внимания его ранняя книга «Distribution of Wealth» («Распределение богатства»), вышедшая еще в 1893 г. В 1924 г. он выпустил работу «The Legal Foundations of Capitalism» («Правовые основы капитализма»), в которой развил принципы своей институциональной теории. В 1934 г. вышел объемистый труд Дж. Коммонса «Institutional Economics» («Институциональная экономика»), представляющий собою наиболее подробное и развернутое изложение взглядов институциональной школы политэкономии.

В «Правовых основах капитализма» Коммонс указывает на связь своих экономических взглядов со взглядами Торстейна Веблена. Однако институционализм Веблена не вполне удовлетворяет Коммонса. Коммонс считает его слишком механистическим, слишком стихийным. Теорию Веблена он считает «замечательным применением Дарвина в сфере экономики»². Коммонс сильнее акцентирует юридическую сторону тех «институтов», которые являются основным содержанием его экономических исследований.

¹ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 51.

² John Commons, Legal Foundations of Capitalism, p. 376, New York 1924.

В своей «Институциональной» экономии» Коммонс в гораздо большей мере признает преемственность своей теории по отношению к теории Веблена. И эта преемственность, как указывает Коммонс, заключается прежде всего в том обстоятельстве, что оба они, и Веблен и Коммонс, подходят к экономическим явлениям с юридическим критерием, рассматривая их как правовые институты. Коммонс ставит Веблену в особую заслугу то, что «он первым строил свою теорию на концепции неосязаемой собственности, которую он непосредственно выводил из привычек дельцов, употребляющих этот термин»¹. Но сам Коммонс этим не удовлетворяется и считает, что экономическая теория должна базироваться на ...решениях верховного суда США. Коммонс упрекает Веблена в том, что «он не исследовал решений верховного суда»².

Главнейшей задачей апологетики капитализма, преподносимой в любом произведении вульгарной эконсмии, является стремление скрыть тот факт, что капиталистический строй основан на присвоении классом капиталистов прибавочной стоимости, создаваемой классом наемных рабочих. Для того чтобы завуалировать этот факт, буржуазная апологетика избирает своим отправным пунктом не производство, а обращение. Исходя из момента формального равноправия товарладельцев, вульгарные экономисты-апологеты остаются исключительно на поверхности капиталистического хозяйства, стараясь изобразить его как процесс бесчисленных сделок купли-продажи между товарладельцами и выводя капиталистическую прибыль из этих сделок как *profit upon alienation* (прибыль в результате отчуждения).

Коммонс, задачей которого является апология капиталистического строя, именно так и поступает. С той только разницей, что он действует с гораздо большей откровенностью и решительностью, чем многие другие апологеты капитализма. Для этого Коммонс вообще выбрасывает сферу производства из своей «институциональной экономии». Он считает, что производство представляет собою чисто технологический процесс, в котором отсутствуют ценностные отношения, а вместо них существуют лишь понятия «эффективности», «человекочасов», «станкочасов» и т. п. Поэтому сферу производства Коммонс целиком относит к «производительной» или «инженерной» эконсмии (*Engineering Economics*), которая, по его заявлениям, должна находиться вне поля зрения политической экономии. Этим приемом Коммонс добивается своей главной цели — замалчивания процесса производства прибавочной стоимости.

Устранив производство из области «институциональной экономии», Коммонс составляет в качестве предмета своей экономической теории однако только обращение. Обращение становится у него самодовлеющим процессом, который определяет собою производство. В обращении Коммонс усматривает основу капиталистического хозяйства.

Но этого мало для Коммонса. В самом обращении он берет наиболее абстрактную, наиболее удаленную от производства часть, а именно — сделки с титулами собственности. Эти сделки он объявляет главным содержанием «институциональной эконсмии». Иллюзорную сферу фиктивного капитала он считает источником самопроизвольного зарождения капиталистической прибыли, подготавливая тем самым почву для своего основного апологетического утверждения о том, что творцами всего богатства капиталистического общества являются магнаты финансового капитала.

¹ J o h n C o m m o n s, *Institutional Economics*, p. 651, New York 1934.

² Там же.

Коммонс открыто и прямо заявляет, что основным элементом, с которого должно начинаться изучение экономики, является сделка. «Я старался найти,— пишет он,— что именно могло бы быть единицей исследования, которая включала бы в себе три основных элемента: конфликт, зависимость и порядок. После многолетних поисков я пришел к тому заключению, что они скомбинированы вместе в формуле сделки и в противоположность прежним концепциям товаров, труда, желаний индивидов и обмена. Поэтому я взял сделку за исходный пункт экономического исследования, за единицу переноса права законного распоряжения (transfer of legal control) ¹.

Все сделки Коммонс делит на три категории: сделки коммерческие (Bargaining Transactions), административные (Managerial Transactions) и распределительные (Rationing Transactions).

В чем же заключается каждая из этих категорий?

Первая из них ясна: это сделка купли-продажи между равными товаро-владельцами. В своих «Правовых основах капитализма» и в «Институциональной экономике» Коммонс подробно рассказывает, как покупатель, явившись на рынок, чтобы приобрести корову или лошадь, хочет заплатить 100 долларов, а продавец желает получить 110 долларов и т. д. Для большей «научности» Коммонс делит свои «коммерческие сделки» на актуальные, потенциальные, возможные и невозможные ². В общем все его рассуждения здесь настолько вульгарны и плоски, что на них не стоит останавливаться.

В то время как в «коммерческих сделках» взаимоотношения между контрагентами основаны на их равенстве, в сделках «административных» Коммонс видит отношения между лицами приказывающими и лицами, выполняющими приказание. «В административных сделках,— говорит Коммонс,— начальником является индивид или иерархия индивидов, отдающих приказание, которым подчиненные должны повиноваться. Таковы отношения мастера к рабочему, шерифа к гражданину или директора к служащим» ³.

Тут волей-неволей Коммонс должен остановиться на основной «сделке» капиталистического хозяйства — на отношении между капиталистом и рабочим. Коммонс изображает это отношение таким образом: «Административная сделка там, где дело идет о труде, неразрывно связана с коммерческой сделкой, но отлична от нее. В качестве участника коммерческой сделки современный наемный рабочий обречен на то, чтобы быть юридически равным своему нанимателю, он должен вступить в сделку под влиянием убеждения (?— Я. С.) или принуждения; но раз ему разрешили притти на место работы, он становится юридически подчиненным, направляемым приказаниями, которым он должен подчиняться» ⁴.

Здесь Коммонсу приходится выдержать самое главное испытание: он должен ответить на вопрос, что же происходит за стенами предприятия, порог которого переступил нанятый рабочий. Однако напрасно мы будем ждать такого ответа от Коммонса. Ведь на то именно и существует его «институциональная экономия», чтобы отделаться чисто формальной стороной дела. Капиталист или его уполномоченный приказывает, рабочий повинуется — к этому сводится, по Коммонсу, «административная» сделка. В чем именно заключается экономическое содержание этих приказаний и их выполнения, мы от Коммонса так и не узнаем. Он сообщает только нам, что в результате административной сделки между «рабочим и надсмотрщиком» происходит «физический процесс преодоления сопротивления при-

¹ John Commons, Institutional Economics, p. 4.

² J. Commons, Legal Foundations of Capitalism, p. 66.

³ J. Commons, Institutional Economics, p. 59.

⁴ Там же, стр. 64—65.

роды под наблюдением руководителей. Единицей измерения эффективности является тут человекочас»¹.

«Распределительные» сделки у Коммонса тоже являются отношениями между высшими и низшими, между приказывающими и подчиняющимися. Но смысл их другой. Они, по Коммонсу, сводятся к «переговорам о достижении соглашения между различными участниками, которые обладают властью распределять выгоды и тяготы между членами объединенного предприятия»².

Сопоставляя между собой все три категории сделок, Коммонс указывает: «Эти три вида действий исчерпывают все поле деятельности экономической науки»³.

Следующим шагом в рассуждениях Коммонса является объединение всех трех категорий сделок. Это объединение осуществляется Коммонсом в особом понятии «действующего предприятия» («going concern») ⁴. Этот термин заимствован им у Торстейна Веблена и должен обозначать собою формально коллектив людей, связанных между собой организационно и обладающих общими экономическими интересами. «Действующее предприятие представляет собой совместное ожидание выгодных коммерческих, административных и распределительных сделок... Когда ожидания прекращаются, предприятие перестает функционировать и производство останавливается»⁵.

Несмотря на туманную идеалистическую форму, в которую Коммонс облакает свое понятие «действующего предприятия», несмотря на то, что оно перенесено у него из сферы действительных производственных отношений в бесплотную область «ожиданий» и добрых надежд, можно без особого труда догадаться, о чем собственно идет речь: Коммонс изображает перед нами капиталистическое предприятие и притом предприятие, носящее определенные черты крупного монополистического предприятия, состоящего из дирекции, которая осуществляет «административные сделки» с рабочими, из правления, распределяющего прибыли, и рядовых акционеров, являющихся подчиненной стороной в «распределительных сделках».

Правда, Коммонс пытается смазать монополистически-капиталистический характер своего «действующего предприятия». Он старается изобразить его коллективом вообще, говоря, что «эти действующие предприятия с теми действующими правилами, которые поддерживают их на ходу, начиная с семьи, акционерного общества, тредюниона, союза предпринимателей и вплоть до самого государства, мы называем институтами. Пассивную сторону их можно выразить словом «группа», а активную — термином «действующее предприятие»... Если мы попытаемся подыскать универсальный принцип, общий всякому поведению, известному как институциональное, мы можем определить институт как коллективное действие, подчиняющее себе действие индивидуальное. Коллективное действие имеет целый ряд градаций, начиная от неорганизованного обычая и до многочисленных организованных действующих предприятий, таких, как семья, акционерное общество, холдинг-компания, союз предпринимателей, тредюнион, федеральная резервная система, группа капиталистов, обладающих общими интересами, государство. Общий всем им принцип заключается в

¹ Там же, стр. 66.

² Там же, стр. 67—68.

³ Там же, стр. 68—69.

⁴ По сути дела этот термин можно было бы перевести на русский язык как «действующий концерн», но Коммонс придает слову более расплывчатое и туманное толкование. У него это — нечто среднее между коллективом вообще и монополистическим предприятием, поэтому я решил перевести concern словом «предприятие». — Я. С.

⁵ J. C o m m o n s, Institutional Economics, p. 58.

большем или меньшем подчинении индивидуального действия коллективному»¹.

Однако то обстоятельство, что Коммонс к своим «действующим предприятиям» приплещает семью и профсоюзы рабочих, чтобы придать этим действующим предприятиям невинный характер человеческих коллективов вообще, отличительной чертой которых является, по его убеждениям, «подчинение индивидуального действия коллективному», находится в ярком противоречии со всем тем, что до сих пор говорил сам Коммонс. Его термин «действующее предприятие» основывался на объединении всех трех категорий сделок — коммерческих, административных и распределительных. Спрашивается, как же может это объединение сделок сочетаться с понятием профсоюза или семьи?

«Действующим предприятием» у Коммонса является по существу крупное монополистически-капиталистическое предприятие вроде треста или холдинг-компании. Монополистические предприятия и возглавляющее их государство, которое осуществляет диктатуру финансового капитала и которое тысячами нитей связано и срослось с монополиями, — вот по сути дела то, что Коммонс называет институтами и что составляет предмет его «Институциональной экономики».

Противопоставляя хозяйствующих индивидов, являвшихся объектами изучения прежних буржуазных экономических школ, своему «действующему предприятию», Коммонс отражает в своей экономической теории ту колоссальную эволюцию, которую проделало капиталистическое хозяйство за сто лет — от небольших капиталистических предприятий с единоличными владельцами к акционерным обществам, картелям, трестам и холдинг-компаниям. Создавая свою «Институциональную экономику», Коммонс выполняет социальный заказ — возвести в «перл создания», обосновать с моральной, правовой и теоретико-экономической стороны царство капиталистических производственных отношений.

«Неосязаемая собственность»

Весьма важную роль во всех построениях Коммонса играет понятие «неосязаемой собственности» (*intangible property*). Термин этот, как и многие другие, заимствован Коммонсом у Торстейна Веблена. Коммонс различает три вида собственности: 1) телесную, под которой он понимает «собственность на материальные вещи»; 2) бестелесную, к которой он относит долги и всякие долговые обязательства, и наконец 3) собственность неосязаемую.

Что же подразумевает Коммонс под этой неосязаемой собственностью?

Коммонс указывает, что неосязаемая собственность состоит из «всех тех ожиданий будущих благоприятных сделок, которые известны под названием доброго имени данного предприятия, или хорошего кредита, или хорошей репутации»².

Сделки с «неосязаемой собственностью» Коммонс считает основным содержанием своей «институциональной экономики». Остальные виды собственности он относит или к производственной экономике (*Engineering Economics*) или к домашнему хозяйству (*Home Economics*) и исключает их из области своей экономической теории. Все сделки, составляющие предмет изучения его «институциональной экономики», являются сделками с неосязаемой собственностью, т. е. с «ожиданиями будущих благоприятных сделок».

¹ J. Commons, *Institutional Economics*, p 69—70.

² Там же, стр. 82.

На концепции ожидания «будущих благ» или «будущности» (Futurity) базируется все учение Коммонса о капитале, являющееся, по его словам, главным содержанием политэкономии. А понятие капитала у него покрывается понятием долга. «Передаваемые долги сделались основой современного капитализма. Политическая экономия становится не наукой об индивидуальной свободе, а наукой о создании, обращаемости, передаваемости долгов»¹.

В этом отношении Коммонс является прямым последователем и продолжателем вульгарного шотландского экономиста XIX в. Маклеода. Коммонс сам указывает на эту преемственность. Что касается Маклеода, то все его «учение» с исчерпывающей ясностью охарактеризовал Маркс. «Господин Маклеод, — писал он в «К критике политической экономии», — несмотря на свое доктринерское увлечение дефинициями, настолько не понимает элементарнейших экономических отношений, что выводит происхождение денег вообще из их наиболее развитой формы, из формы платежного средства. Он говорит между прочим: так как люди нуждаются во взаимных услугах не всегда одновременно и не на одинаковую сумму стоимости, то «остается известная разница или количество услуг, причитающихся от одного лица другому, т. е. долг». Владелец этого долга нуждается в услугах какого-нибудь третьего лица, которое в его услугах непосредственно не нуждается, и «передает этому третьему лицу долг, причитающийся ему от первого. Удостоверение о долге таким образом переходит из рук в руки — это и есть обращение. Когда лицо получает обязательство, выраженное в металлических деньгах, оно может распоряжаться услугами не только первоначального должника, но и всех членов промышленного общества»².

Приговор, произнесенный Марксом над всей этой теорией, звучал очень сурово. «Шотландец Маклеод, — отметил Маркс, — профессиональная обязанность которого заключается в том, чтобы разукрашивать возможно большим количеством учености рутинные представления банкиров Ломбардстрита, представляет удачный синтез между суеверными меркантилистами и просвещенными разносчиками идей свободной торговли»³.

На теории этого самого Маклеода и строит Коммонс свою концепцию капитала. «На установленном Маклеодом различии между рынком долгов и рынком товаров мы в состоянии построить формулу рынка долгов и пирамиды долгов, приспособляя его теорию к федеральной резервной системе»⁴. Как видно из этого утверждения, Коммонс является прямым преемником Маклеода с той только разницей, что рутинные представления банкиров Ломбардстрита он собирается заменить более «современными», но столь же «глубокими» и «научными» представлениями банкиров, биржевиков и промышленных магнатов с Уоллстрита и из федеральной резервной системы.

Но Коммонс не повторяет просто воззрений Маклеода. Он их «развивает» дальше. Маклеод, по словам Коммонса, прославился своим «открытием», что «долг является покупаемым и продаваемым товаром». Этот покупаемый и продаваемый товар Маклеод называл «богатством». С этим Коммонс не согласен. Он считает, что продаваемые в качестве товара долги надо называть «активом». «В самом деле, — говорит он, — ни долг, ни собственность не являются богатством. Они — институты. Мы называем их количественно (? — Я. С.) активом и пассивом и считаем, что они представляют

¹ J. C o m m o n s, Institutional Economics, p. 390.

² М а р к с, К критике политической экономии, примечание к стр. 157, Партиздат, 1933 г.

³ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 22, Партиздат, 1932 г.

⁴ J. C o m m o n s, Institutional Economics, p. 395.

собою капитал в том виде, в каком его понимают дельцы»¹. «Институциональная экономия», — говорит Коммонс в другом месте, — занимается активами и пассивами действующих предприятий в противоположность «Богатству народов» Адама Смита»².

Коммонс резко отделяет свои «активы и пассивы» от всякого материального субстрата. «Материалы как чисто физические вещи, — говорит он, — находятся всегда в прошлом. Сами по себе они не имеют будущего. Но собственность и оценка этих материалов всегда смотрят в будущее»³. Это надо понимать в том смысле, что всякая сделка, заключающаяся в перенесении собственности от одного юридического лица к другому, основывается, по терминологии Коммонса, на «ожидании будущих выгод».

Как мы уже указывали, Коммонс считает, что «собственность на ожидаемые благоприятные возможности» составляет основной и главный предмет изучения для его «Институциональной экономии». К ней он относит: 1) кредит, но «не личный кредит должнику, а общую кредитоспособность («good credit») дельца, т. е. доверие лиц, инвестирующих свои капиталы, и банкиров, которые намерены одолжить ему (деньги), покупая его обещания уплаты»; 2) «доброе имя» коммерческого предприятия, т. е. «ожидаемые выгодные сделки с клиентами»; 3) упрочившуюся клиентуру адвоката или врача; 4) авторские права и патенты, представляющие собой «ожидания монопольного сбыта и дохода»; 5) «акции коммерческой фирмы, которые являются теперешней ценностью ожидаемых дивидендов или других возможностей получить прибыль»; 6) «пошлины и сборы, представляющие подобно патентам ожидаемые надбавки к ценам в результате предоставления льгот и привилегий»⁴.

Если очистить все эти пояснения от шелухи туманной и путаной терминологии, то теперь мы можем определить, что собою представляет «неосязаемая собственность» Коммонса. Это — всевозможные титулы собственности: акции, паи, облигации займов и т. д.

«Бестелесной» собственности Маклеода, под которой главным образом подразумеваются всевозможные торговые бумаги, текущие векселя и пр., Коммонс противопоставляет «неосязаемую собственность» в виде акций, облигаций, бумаг государственных, муниципальных и всяких других займов и т. п. Эту иллюзорную сферу титулов собственности, рыночная стоимость которых «определяется не только действительным, уже полученным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным»⁵, Коммонс делает основным объектом изучения своей «институциональной экономии». Отсюда все его рассуждения о том, что политэкономия должна заниматься только будущим, что настоящее является лишь предпосылкой для исчисления ожидаемых благоприятных возможностей и т. д. Коммонс старается всеми силами отрешиться от процессов действительного производства и удаляется в иллюзорное царство фиктивного капитала.

В учении Коммонса буржуазная политэкономия доходит до явной нелепости, заявляя о том, что действительные процессы хозяйственной жизни остаются за пределами ее наблюдения, а что главной сферой ее исследований должны быть сделки с титулами собственности. В этом тот новый шаг, который был сделан «Институциональной экономией».

То обстоятельство, что он мог быть сделан, объясняется особенностями современной эпохи загнивающего и умирающего капитализма. «Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от прило-

¹ J. C o m m o n s, Institutional Economics, p. 397.

² Там же, стр. 72.

³ Там же, стр. 406.

⁴ Там же, стр. 421.

⁵ М а р к с, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 334, Партиздат, 1932 г.

жения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров»¹. Тот факт, что выпуск ценных бумаг является «одной из главных операций финансового капитала»², преломляется теперь в сознании агентов капиталистического производства и их ученых сикофантов таким образом, как будто этот выпуск ценных бумаг и сделки с ними являются главным и основным содержанием всего капиталистического хозяйства, а само действительное производство представляет собою лишь нечто вторичное и производное, побочный продукт этих сделок с «неосязаемой собственностью». Плодом этих фантастических представлений и служат «теоретические» упражнения Коммонса.

Возникновение подобного рода учения именно в Америке объясняется тем, что в США выпуск ценных бумаг и сделки с ними приобрели большой удельный вес в экономической жизни страны. Гипертрофия фиктивного капитала, колоссальное влияние всевозможных холдинг-компаний, «инвестиционных трестов», маклеров и специалистов по учредительству акционерных обществ, всяких promoters и т. п., огромный аппарат, обслуживающий сделки с ценными бумагами, — все это создает, особенно в США, предпосылки для возникновения вульгарных экономических теорий, выдвигающих чудовищно нелепый тезис о том, что сделки с ценными бумагами являются основой всего хозяйства.

Было бы однако ошибочно предполагать, что эти нелепости преподносятся Коммонсом и его последователями исключительно с целью развития «чистой экономической науки». Они проникнуты определенной практической целеустремленностью. О том, какова эта целеустремленность, свидетельствует его теория стоимости и прибыли.

Финансовые магнаты — «казначей общества»

Если предметом политической экономии служат сделки и прежде всего сделки с «неосязаемой собственностью», то что представляет собою стоимость? Точного определения стоимости Коммонс нигде не дает. Его понимание стоимости видно из следующих высказываний: «Мы не покупаем и не продаем товары — мы покупаем и продаем их стоимости, а эти стоимости являются денежным измерением экономических количеств не физических вещей, а ожиданий права распоряжаться будущими вещами. Это право распоряжения является ожидаемым коллективным действием»³. Несколько дальше Коммонс говорит о стоимости как о «денежном измерении предполагаемого риска и ожидания»⁴.

Коммонс все свое понимание стоимости основывает на «неосязаемой», т. е. по сути дела иллюзорной стоимости титулов собственности. Курс акции или облигации определяется капитализированным доходом ее, действительным или ожидаемым. В зависимости от величины ожидаемого дивиденда акция такого-то предприятия стоит столько-то долларов. На этом рутинном представлении банкира, промышленника, биржевого маклера и любого другого агента капиталистического производства Коммонс строит всю свою концепцию стоимости.

Не менее рутинно, примитивно и вульгарно его учение о прибыли. Отде-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 118.

² Там же, стр. 114.

³ J. C o m m o n s, Institutional Economics, p. 524.

⁴ Там же, стр. 525.

лавшись от анализа процесса производства и отсюда от необходимости раскрыть тайну производства прибавочной стоимости, а следовательно и происхождения капиталистической прибыли, Коммонс может вполне спокойно предаваться рассуждениям о прибыли. Он с похвальной откровенностью заявляет, что «акционерные компании являются такими же институтами для прибыли, какими церкви являются для религии, а семьи — для любви»¹.

Но как и откуда получается прибыль? «Прибыль, — говорит он, — ...является отношением между покупателем и продавцом, между заимодавцем и должником, между предпринимателем и лицом наемного труда. Каждый из них свободен заключить сделку или не заключить ее, каждый из них может выиграть или потерять вследствие свободы другого, вступить или не вступить в сделку. Это — свободное отношение, допускаемое и охраняемое законом. Прибыль получается в результате покупки по низким ценам материалов, низкой зарплаты или низких процентных ставок или ренты, а также в результате продажи по высоким ценам. Если дело происходит наоборот, то в результате получается убыток»².

Трудно себе представить нечто более вульгарное и плоское, чем эти рассуждения Коммонса о прибыли как о *profit upon alienation* (прибыль в результате отчуждения). Все это давным-давно было высказано попом Мальтусом и «вульгаризатором рикардовской экономии и в то же время самым жалким представителем ее разложения» Мак Кэллоком. Об этой мальтусовской прибыли от отчуждения Маркс писал: «Как вообще должна получиться прибыль от того, что обменивающиеся стороны продают друг другу свои товары так, что они равномерно повышают их цены, в одинаковой степени надувают друг друга, — это трудно понять»³.

Эти слова Маркса целиком относятся и к теории прибыли Коммонса. Но как бы нелепа ни была эта «теория», заимствованная Коммонсом из архивов вульгарной экономии, она ему очень нужна. Благодаря ей ему удается вывести то заключение, что прибыль это, мол, вовсе не создаваемая рабочим классом прибавочная стоимость, присваиваемая классом капиталистов, что она, эта прибыль, рождается из ничего и что ее создателями являются капиталисты всевозможных видов, все те, кто «покупает дешево, а продает дорого»: промышленники, торговцы, банкиры, биржевики. Коммонс создает миф о непорочном зачатии прибыли, причем в роли девы Марии у него фигурируют магнаты финансового капитала.

Ход рассуждений Коммонса в вопросе о прибыли настолько любопытен и настолько характерен для современной апологетики капитализма, что мы должны его привести в «натуральном виде». «Национальный доход, — говорит Коммонс, — разделяется на четыре части: ренту, процент, зарплату и прибыль. Но деловая жизнь ведется не так. Делец, которому мы даем это имя постольку, поскольку он получает прибыли и дивиденды, прежде всего становится должником всех остальных классов. Он становится должником рабочих в отношении зарплаты, банкиров и держателей облигаций — в отношении процента, землевладельцев — в отношении ренты, государства — по части налогов, других деловых людей — за материалы, которые должны быть проданы опять-таки другим дельцам в качестве законченного продукта»⁴. Из этого перечисления всех тех долгов, которые берет на себя собравшийся вести предприятие «делец», видно, какой решимостью и стремлением пожертвовать собою ради общества должен обладать этот благородный и мужественный человек. Ясно, что за

¹ J. C o m m o n s, *Institutional Economics*, p. 527.

² Там же, стр. 529.

³ М а р к с, *Теории прибавочной стоимости*, т. III, стр. 34, изд. 1932 г.

⁴ J. C o m m o n s, *Institutional Economics*, p. 560.

такое самопожертвование его нужно вознаградить. Но и тут этот страдалец за общественное благо оказывается благородным до конца — он претендует только на остаток от пышного стола всех своих иждивенцев. «Его прибылью, — говорит умиленный Коммонс, — будет разница между его долгами на все эти цели и его валовой прибылью»¹.

В качестве образца самопожертвования и скромности Коммонс берет владельцев скотобоен Свифт и К°. В 1927 г., по уверениям этой фирмы, «на каждый доллар валового дохода, полученного от клиентов, эта компания сделала и заплатила долгов на 98,7 цента, чтобы получить этот доллар. В результате в качестве прибыли осталась разница в 1,3 цента на доллар, или 1,3% валовой выручки»².

Надо полагать, что все человечество во главе с Коммонсом выразит свое искреннее соболезнование благородным мясникам из фирмы Свифт и К°. Возможно даже, что после их смерти будет открыт сбор пожертвований на монумент владельцам этой фирмы от благодарных банкиров, землевладельцев и рабочих. Но не этого требует Коммонс. Он считает, что Свифт и К° должны быть вознаграждены еще при жизни... посредством снижения налогов. Для того чтобы показать, что налоги с предприятий в США слишком высоки, Коммонс прибегает к одному мошенническому фокусу: он высчитывает налоги не по отношению к оборотам, а по отношению к чистой прибыли. Получается, что например в 1925 г. налоги составляли 76% показанной американскими капиталистами чистой прибыли, а в 1921 г., т. е. в год кризиса, когда множество предприятий свели свои балансы с убытком, налоги составили даже 500% чистой прибыли по балансам.

Отсюда Коммонс делает такие выводы: во-первых, «наша капиталистическая система ведется на основе изумительно малой доли, выпадающей на прибыль»³ (восхищение Коммонса скромностью капиталистов достигает тут своего кульминационного пункта), а во-вторых, «увеличение доли, выпадающей на зарплату, за счет долей, причитающихся на прибыль, ренту и процент, не предотвратило бы безработицы после 1929 г.»⁴. Следовательно увеличение зарплаты не только, мол, недопустимо, потому что от этого уменьшится и без того ничтожная доля прибыли капиталистов, но и нецелесообразно, ибо безработица от этого не снизится. Так поет рабочим их «друг» Коммонс.

Это уж как будто предел капиталистической апологетики. Коммонсу остается сделать только последний штрих в своей апологетической картине. Капиталисты превращаются в «Институциональной экономии» Коммонса в главный рычаг всего человеческого общества, ибо «получатели прибыли являются казначеями всех остальных классов»⁵, они «поддерживают предприятие на ходу»⁶. Все остальные классы, желая получить свою долю в социальном продукте, доверяют предпринимателям (промышленникам, торговцам, биржевикам и т. д.) в долг свою рабочую силу, свои денежные капиталы, свою землю в ожидании того, что предприниматели их вознаградят. Затем дельцы создают валовую прибыль из ничего и распределяют ее между всеми участниками своего «действующего предприятия», оставляя себе скромную долю в виде «чистой прибыли».

В этом построении Коммонса вся общественная пирамида оказывается перевернутой и поставленной на свое острие. Магнаты финансового капитала изображаются кормильцами и поильцами всего капиталистического

¹ J. Commons, *Institutional Economics*, p. 561.

² Там же, стр. 562.

³ Там же, стр. 580.

⁴ Там же, стр. 581.

⁵ Там же, стр. 526.

⁶ Там же.

общества, а рабочий класс, в действительности создающий все несметное богатство современного общества, оказывается иждивенцем, сидящим на шее у всевозможных участников холдинг-компаний, трестовских магнатов, биржевых дельцов и т. п.

В этой изумительной по своему цинизму апологетике финансового капитала и заключается главная цель всей «институциональной экономии» Коммонса.

Коммонс и фашизация в США

Постольку, поскольку обострение всех противоречий современного капитализма вызывает тенденцию к фашизации диктатуры финансового капитала, эта фашизация с необходимостью должна найти свое отражение во всякой апологетике. Поэтому мы находим элементы фашизации и в «институциональной экономии» Коммонса. Правда, эти элементы имеются здесь в своеобразном американском преломлении, и сам Коммонс выступает даже в роли защитника «демократии», но от этого существо дела несколько не меняется.

Характерной особенностью фашистской демагогии является противопоставление «индивидуального интереса» интересу «общему». Это мы встречаем и у германских национал-социалистов с их лозунгом «общее благо выше личного» и у итальянских фашистов, выдвигающих идею «социальной полезности» и ставящих «превыше всего интересы государства и нации». Под этими демагогическими лозунгами проводятся защита террористической диктатуры монополистического капитала, преследование классовых организаций рабочих, борьба против требований крестьянства и городской мелкой буржуазии.

В этом отношении «институциональная теория» Коммонса очень близка к воззрениям германских и итальянских фашистских экономистов. В то время как например итальянец Парето в соответствии со своим учением о «социальной полезности» требует фашистской диктатуры якобы для подчинения «демагогической плутократии», а австриец Отмар Шпанн строит всю свою «универсалистическую теорию» фашистской диктатуры на иерархии всевозможных средств и целей, ведущих к единой и высшей цели «общественного блага» государственного сословия, т. е. финансовой олигархии, Коммонс выдвигает свое понимание «социальной полезности». Впрочем определение размеров этой «социальной полезности» Коммонс предоставляет не единоличному фашистскому диктатору, а верховному суду США, который, по мысли Коммонса, и является блюстителем интересов финансовой олигархии *par excellence*. Практика его решений по вопросу о «нормальной ценности» тех или других ценных бумаг в спорах между монополистическими объединениями является, по Коммонсу, образцом соблюдения интересов «общественного целого». «У нас в Америке, — заявляет он, говоря о «социальной полезности» Парето, — наряду с фашизмом, к которому мы движемся, существует альтернатива в виде проблемы создания и распределения той социальной полезности, которая выдвигает необходимость социальной теории и практики «нормальной ценности»¹.

В другом месте, развивая мысль о необходимости соблюдения «социальной полезности», Коммонс прямо указывает на существующий для этого аппарат диктатуры. «Американским названием для социальной полезности в действии является полицейская власть (*Police power*). Это — сила законодательных учреждений и судов, а не исполнительной власти — полисмена»².

¹ J. Commons, *Institutional Economics*, p. 679.

² Там же, стр. 805.

«Полицейская власть, — поясняет он в дальнейшем изложении, — оказывает наибольшее давление на тех, кто менее других проникнут сознанием общественных интересов, тогда как тех, кто этими интересами проникнут, она не трогает, ибо они добровольно делают то, к чему других принуждают или заставляют отказаться от дела»¹.

В чем весь смысл этих разговоров о «социальной полезности» в устах такого апологета финансового капитала, каким является Коммонс? Это выясняется в последней главе его книги. Глава эта носит название «Коммунизм, фашизм, капитализм». В ней он, изрекая попутно целый ряд обычных буржуазных благоглупостей о диктатуре пролетариата в СССР, сопоставляет фашизм в Германии и Италии с «демократией», которая царит в США. Эту «демократию» Коммонс откровенно называет «банкирским капитализмом в США». «Банкирский капитализм» со всеми законодательными учреждениями, судами и полицией, охраняющими права и привилегии монополий, Коммонс считает пока наилучшим из всех видов общественного строя: По его мнению, та диктатура финансового капитала, которую в Европе осуществляет фашизм, поддерживается в Америке главным образом судами во главе с верховным судом. Его (т. е. «американского банкирского капитализма», по выражению Коммонса) «исполнительным инструментом является не декрет диктатора, а решение суда»².

Впрочем сам Коммонс рассматривает такое осуществление диктатуры в рамках «демократии» только временным — пока не вспыхнула война (или, добавим мы от себя, пока обострение классовой борьбы не достигло более высокой ступени). «На основании конституции, — говорит он, — объявление войны превращает американское правительство в одну ночь в диктатуру. Отмена конституционных гарантий исполнительной властью лишает суды их компетенции. Создание совета военной промышленности, совета хлебной монополии, совета монополии судоходства и совета военных финансов равносильно образованию министерства корпораций по приказу диктатора. Акционерные общества и объединения рабочих становятся совещательными органами при министерстве, представляющими не отдельных лиц, а экономические интересы. Конгресс временно отстраняется, но восстановительный период после грандиозной войны показывает, как президент может направлять выборы. Ку-клукс-клан, диктатура крупных предприятий, ассоциации промышленников и торговцев указывают, как производить давление на местные и государственные выборы. У н а с у ж е и м е е т с я т е х н и к а ф а ш и з м а (разрядка моя. — Я. С.), и Муссолини только расширяет ее, вводя перманентное состояние войны ради единства итальянской нации в ее борьбе с другими нациями. Перемена в настроении господствующих кругов есть переход от классовой борьбы внутри нации к мировой борьбе между нациями»³.

Так намечает Коммонс перспективы фашизации США. В сущности к этой характеристике добавить нечего — она говорит сама за себя. В ней, как в зеркале, отражаются те тенденции в сторону фашизации, которые уже сейчас заложены в «американском банкирском капитализме», воспеваемом его апологетом Коммонсом.

¹ J. C o m m o n s, Institutional Economics, p. 873.

² Там же, стр. 882.

³ Там же, стр. 884.

С. ХЕЙМАН

Победа ленинской национальной политики

«Посмотрите на карту РСФСР, — писал В. И. Ленин в 1921 г. в брошюре «О продовольственном налоге». — К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»¹.

Ликвидация этой патриархальщины и дикости, «осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму»² означали одновременно расцвет многочисленных национальностей, переход от вымирания и деградации к экономическому, культурному и всякому иному их подъему, создание национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Ленинская партия совершенно отчетливо наметила, «какие промежуточные пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода до капиталистических отношений к социализму»³. В работах т. Сталина намечены пути и средства приобщения бывших национальных окраин с их патриархальным укладом и культивировавшимися царизмом дикостью, бескультурьем и вымиранием к социализму.

В своей речи на собрании студентов КУТВ т. Сталин, говоря о задачах советских республик на Востоке, наметил основные линии, по которым должна развиваться политика победившего пролетариата в бывших национальных окраинах: «Создать промышленные очаги..., как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса... Поднять сельское хозяйство... Поднять и двинуть вперед дело кооперирования широких масс крестьян и кустарей... Приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу... Развить национальную культуру, насадить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей»⁴.

В настоящее время, накануне восемнадцатой годовщины Октября, когда все национальные республики и области Союза насчитывают уже не менее десяти лет своего существования, можно подвести итоги осуществления политики Ленина—Сталина в этом коренном вопросе революции.

Как развертывается крупная промышленность в национальных республиках и областях?

¹ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 338.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 135—136, изд.

Итоги промышленной регистрации, проведенной ЦУНХУ в 1934 г., рисуют отчетливую картину.

	Число предприятий крупной промышленности	Валовая продукция в ценах 1926—1927 гг. за 1933 г. (в тыс. руб.)
26 автономных республик и областей РСФСР	3 696	2 362 809
Украинская ССР	7 423	7 361 817
Белорусская ССР	1 288	821 291
Национальные республики Закавказья	1 563	1 876 923
Узбекская ССР	691	661 748
Туркменская ССР	209	128 917
Таджикская ССР	97	55 281
Всего по 40 союзным и автономным национальным республикам и областям	14 967	13 268 786

Пятнадцать тысяч предприятий крупной промышленности с годовой продукцией свыше 13 млрд. руб. — таков ответ на первый вопрос.

В 1913 г. продукция всей российской цензовой промышленности (в тех же ценах 1926—1927 гг.) составляла 10,2 млрд. руб. Следовательно в 1933 г. одни только национальные республики и области производят на 30% больше продукции, чем вся дореволюционная Россия.

Для еще большей отчетливости приведем данные по отдельным национальным республикам и областям, отличавшимся до революции наибольшей дикостью и забитостью.

Автономная область Коми насчитывает в 1933 г. 84 предприятия крупной промышленности с продукцией в 7 млн. руб.; Чувашская республика — 153 предприятия с продукцией в 51,5 млн. руб.; Марийская область — 134 предприятия с годовой продукцией в 25 млн. руб.; Адыгейская область — 54 предприятия с пятимиллионной продукцией; Черкесская область — 30 предприятий с продукцией в 3,2 млн. руб.; Кара-чаевская область — 19 предприятий с продукцией в 2,2 млн. руб.; Хакассия — 31 предприятие с продукцией в 6,6 млн. руб.; Бурято-Монголия — 87 предприятий с двадцатимиллионной продукцией; Казакская АССР — 704 предприятия с продукцией в 310,6 млн. руб.; Киргизия — 107 предприятий с годовой продукцией в 62 млн. руб.; Якутия — 22 предприятия с продукцией в 23,4 млн. руб. и т. д. и т. п.

«Если мы построим, — писал В. И. Ленин, — десятки районных электрических станций, ...если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуются переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуются»¹.

В 1933 г. в национальных республиках и областях производство электроэнергии составило уже свыше 6 млрд. квтч.

Во всей России до революции (в 1913 г.) было произведено 1,9 млрд. квтч, т. е. в три раза меньше того, что произведено в 1933 г. только в национальных республиках и областях.

Достаточно сказать, что в Закавказье произведено в 1933 г. милли-

¹ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 338.

ард киловаттчасов, т. е. больше половины того, что произведено было во всей дореволюционной России, в Узбекистане — 100 млн., в Казахской республике — 71, в Татарии — 90, в Башкирии — 72, в Карелии — 56 млн.

А ведь после 1933 г. прошли 1934 и половина 1935 г., которые были ступенями дальнейшего нашего подъема.

Нет сейчас такой национальной области или республики, где не было бы электростанции — так реализован план Ленина—Сталина.

Создав крупную промышленность, национальные республики тем самым создали кадры промышленного пролетариата. Около 2 млн. рабочих крупной промышленности и миллион строителей — таков пролетарский костяк наших национальных республик и областей. Вокруг такого пролетарского массива можно сплотить крестьянство национальных районов.

Численность рабочих на 1 июля 1934 г.
(в тыс.)

	Крупной промыш- ленности	Строителей
Автономные республики и обла- сти РСФСР	(включая учеников) 296	260
Украинская ССР	1 147	493
Белорусская ССР	110	52
Национальные республики За- кавказья	132	123
Узбекская ССР	50	48
Туркменская ССР	11	13
Таджикская ССР	6	13
В с е г о по союзным и ав- тономным национальным республикам и областям .	1 752	1 002

О том, каким грандиозным сдвигом является создание такого пролетарского массива, говорит следующее сопоставление с 1915 годом. На территории Закавказья, Белоруссии, Узбекии, Туркмении и Таджики в 1915 г. работало 110 тыс. промышленных рабочих, в 1934 г. — 310 тыс. В Белоруссии, где господствующим типом городского трудящегося населения до революции был кустарь-ремесленник, армия рабочих крупной промышленности с 1900 по 1915 г. увеличилась на 4 тыс. чел. (с 18 до 22 тыс.), а с 1915 по 1934 г. она увеличилась в 5 раз — на 88 тыс. чел. (с 22 до 110 тыс.).

В республиках Средней Азии с 1900 по 1915 г. численность промышленных рабочих выросла на 10 тыс. (с 7 до 17 тыс.), а с 1915 по 1934 г. — на 50 тыс. (с 17 до 67 тыс.), или в 4 раза.

И для Украины, которая до революции имела развитую промышленность, годы социалистического строительства ознаменовались невиданным подъемом промышленности. Численность рабочих крупной промышленности с 1900 по 1915 г. при огромных инвестициях иностранного капитала выросла на 203 тыс. чел. (с 296 до 499 тыс.). За годы революции численность рабочих крупной промышленности выросла на 648 тыс. чел.

По отдельным автономиям, ранее особенно отсталым, число рабочих сильно возросло. Достаточно назвать Казакстан, насчитывающий в 1934 г. 62,5 тыс. промрабочих и 83 тыс. строителей, Удмуртию — 27 тыс. промрабочих и 6 тыс. строителей, Марийскую область —

4,3 тыс. промрабочих и 3 тыс. строителей, Хакассию — 6,7 тыс. пром. рабочих и 2 тыс. строителей и т. д.

Сельское хозяйство национальных республик и областей вооружено тракторами, комбайнами и другими сложными с.-х. машинами.

Следующие данные дают представление о тракторном парке национальных республик и областей:

	Число тракторов	Мощность в лошадиных силах
18 автономных республик и областей РСФСР	24 189	378 743
Украинская ССР	51 311	719 657
Белорусская ССР	3 200	39 940
Национальные районы Закавказья	4 251	61 046
Узбекская ССР	6 772	101 050
Туркменская ССР	1 346	18 910
Таджикская ССР	1 838	26 081
<hr/>		
Всего по союзным и национальным республикам и областям	92 907	1 345 427

100 тыс. тракторов, о которых В. И. Ленин мечтал для всего Советского союза, в настоящее время имеют только наши национальные республики и области, в которых до революции господствовали самые первобытные способы обработки земли. В значительной части этих республик и областей вообще не было оседлого земледелия.

Этот процесс полного перевооружения сельского хозяйства бывших национальных окраин происходил на основе создания в них совхозов, интенсивной коллективизации крестьянства и организации машинно-тракторных станций.

В национальных республиках и областях коллективизация в целом охватывала на 1 июня 1934 г. до 75% крестьянских хозяйств, по отдельным республикам процент коллективизации был выше (УССР — 78%, Узбекская — 80%), создано 1 400 машинно-тракторных станций с мощным машинным парком, обслуживающих основные с.-х. работы колхозов, руководящих их большевизацией, создано 2 324 мощных совхоза, в которых с.-х. труд превращается в разновидность труда индустриального. Во второй половине 1934 г. и в течение 1935 г. шел дальнейший процесс коллективизации и перевооружения сельского хозяйства национальных республик и областей. Это означает, что подавляющая часть крестьян этих отсталых народностей стала колхозниками. Вместо армии батраков, которые в национальных районах были наиболее угнетенным и забитым отрядом трудящихся, мы имеем в национальных районах и областях свыше 1 600 тыс. работников совхозов — крупных с.-х. предприятий последовательно социалистического типа.

«Развить национальную культуру, насадить широкую сеть курсов и школ» — как реализовано это указание т. Сталина?

Начнем со школ всеобуча. К 1934 г. в 22 автономных национальных республиках и областях РСФСР насчитывалось уже 29 306 школ с 2 858 тыс. учащихся. На Украине к 1934 г. насчитывалось 22 059 школ

с 4 377,8 тыс. учащихся, в Белоруссии — 7 112 школ с 357,9 тыс. учащихся, в Закавказье — 8 339 школ с 1 148,3 тыс. учащихся и в трех республиках Средней Азии — 9 268 школ с 811,9 тыс. учащихся.

Всего в союзных и автономных национальных республиках и областях насчитывалось к 1934 г. 76 084 школы с общим количеством 10,1 млн. учащихся. Почти половина (46%) всех школ всеобуча Советского союза находится в национальных республиках и национальных областях.

В Казакской республике в 1932/33 учебном году насчитывалось 7 302 школы с 607 тыс. учащихся, в Бурято-монгольской республике — 1 240 школ с 123 тыс. учащихся, в Киргизии — 1 716 школ с 148 тыс. учащихся, в Чувашии — 1 368 школ с 129 тыс. учащихся. В таких областях, как Карачаевская и Черкесская, где численность всего населения составляет соответственно 104 и 81 тыс. чел., на 1 января 1934 г. насчитывалось 79 и 88 школ.

Партия форсированными темпами создает сеть школ именно и прежде всего в национальных республиках и областях. Об этом говорит следующее сопоставление: с 1927/28 г. по 1932/33 г. по СССР численность школ выросла на 41,5%. За этот же период по 12 автономиям РСФСР численность школ выросла на 75%, в Узбекистане — на 171, в Туркмении — на 295, в Таджикики — на 350%.

В 1915 г. в Узбекики, Туркмении и Таджикики не было ни одного вуза или втуза. В 1933 г. в вузах и втузах этих трех республик обучалось 13 200 студентов.

В закавказских республиках в 1915 г. насчитывалось 300 учащихся вузов. В 1933 г. в ЗСФСР обучалось в индустриальных высших учебных заведениях 11 800 студентов, в с.-х. вузах — 6 850 и в прочих вузах — 11 300, всего — 30 тыс. студентов.

В Белоруссии в 1915 г. насчитывалось 200 учащихся высших учебных заведений, в 1933 г. численность их достигает 14 700 чел., в том числе 4 600 в индустриальных с.-х. втузах. На Украине в 1915 г. было 26 700 студентов вузов, в 1933 г. — 106 200.

Еще более разительны сдвиги в деле создания техникумов. В техникумах Узбекики, Туркмении и Таджикики в 1915 г. насчитывалось 432 учащихся, в 1933 г. — 33 тыс. — рост больше чем в 75 раз. В техникумах Закавказья обучалось в 1915 г. 1 900 учащихся, в 1933 г. — 60 900. В Белоруссии соответственно — 2 260 и 20 160, на Украине — 17 500 и 156 500.

Кроме того на рабфаках Узбекики, Туркмении и Таджикики в 1933 г. обучалось 12 тыс. студентов, на рабфаках Закавказья — 22 тыс., на рабфаках Белоруссии — 11 тыс. и на рабфаках Украины — 90 тыс.

Не менее разительны достижения в деле строительства вузов, втузов и техникумов в автономных национальных республиках и областях. Достаточно назвать Казакстан, где насчитывалось к началу 1933 г. 3 800 учащихся вузов и втузов и 20 тыс. учащихся техникумов, Башкирию с 1 100 учащихся вузов и 8 400 учащихся техникумов, Татарию с 8 800 учащихся вузов и 9 200 учащихся техникумов. В Киргизии имеется вуз и в техникумах обучается 3 тыс. чел., в Бурято-Монголии имеется вуз и 1 100 учащихся техникумов. В техникумах Якутии обучались в начале 1933 г. 2 400 чел. Всего в автономных национальных республиках и областях РСФСР в 1934 г. насчитывалось 52 вуза и втуза с 22,6 тыс. учащихся и 329 техникумов с 64,9 тыс. учащихся.

Следует иметь в виду, что очень большое количество студентов коренных национальностей обучается в вузах и втузах Москвы, Ленинграда, Киева и других научных центров Союза. По материалам ЦУНХУ, среди 469 тыс. учащихся вузов и втузов (на 1 января 1933 г.) русские составляли 270 тыс. Таким образом почти половину (45%) всех учащихся вузов и втузов составляют представители народностей союзных и автономных национальных республик и областей. Аналогичная картина в техникумах, где из 797 тыс. учащихся на 1 января 1933 г. 335 тыс. составляют народности национальных республик и областей.

Нужно оговориться, что мы привели далеко не все показатели, характеризующие расцвет национальной культуры. Достаточно сказать, что еще в 1932 г. в СССР издавались книги на 94 языках. Количество печатных единиц, изданных на национальных языках, с 8 836 в 1928 г. увеличилось до 18 670 в 1932 г., т. е. в 2 с лишним раза при увеличении количества печатных единиц, издаваемых на русском языке, на 22% (с 25 320 до 30 781).

Журналы и бюллетени, издаваемые на национальных языках (кроме русского), в 1932 г. имели общий листаж в 100 млн. печатных листов. В 1932 г. на национальных языках выходило 2 362 названия газет с общим количеством номеров в 143 641.

Мы не приводим данных о росте национальных писательских кадров, о создании национальных театров и т. д. и т. п.

Показателем роста культуры в национальных районах является огромный рост рабочих и служащих, в особенности создание многочисленных кадров культурно-просветительных работников и работников здравоохранения (см. табл. на стр. 184).

Всего в 17 автономиях РСФСР (без автономий Северокавказского края) на 1/IV 1934 г. работало 1 800 тыс. человек, не считая работников сельсоветов. В трех союзных республиках Средней Азии занято 523 тыс. рабочих и служащих. Закавказская федерация насчитывает 755 тыс. работающих. В культурно-просветительных учреждениях: 160 тыс. — в 18 автономиях РСФСР, 57 тыс. — в республиках Средней Азии, 73 тыс. — в Закавказье. Всего в союзных и автономных национальных республиках и областях на 1/IV 1934 г. насчитывалось 600 тыс. культурно-просветительных работников. Данные о численности работников здравоохранения рисуют ту же картину.

Отсутствие данных о численности всех этих категорий работников до революции не позволяет дать динамические показатели. Но самый перечень областей — Коми, Мордовская, Марийская, Чувашская, Казакская, Башкирская и др. — воскрешает в памяти дореволюционное положение этих районов, в которых отсутствовали какие бы то ни было зачатки культурных и лечебных учреждений, царила поголовная неграмотность, массовые заболевания сифилисом, трахомой и т. п. Эти народности до революции были обречены на вырождение и вымирание.

Одной из отличительных черт, характеризующих подлинный расцвет национальных республик и областей Советского союза, являются опережающие темпы роста их по сравнению с общесоюзными показателями. Мы приводили выше данные, показывающие, что рост школ в национальных районах обгонял рост школ по СССР в целом.

Такое же опережение можно наблюдать и в отношении роста численности работающих. С 1929 по 1933 г. численность лиц, занятых во всем народном хозяйстве, возросла по СССР в целом на 84%, а по 7 автономным республикам РСФСР (не входящим в состав обла-

Численность рабочих и служащих на 1 апреля 1934 г.

	Всего по респу- блике (области) без сельсоветов	В культурно-про- светительных уч- реждениях	В учреждениях здравоохранения
Автономная область Коми	49 810	3 631	1 212
Карельская АССР	127 870	5 388	2 911
Чувакская АССР	63 140	8 616	2 120
Удмуртская АССР	78 793	6 452	2 699
Марийская авт. обл.	48 388	4 033	944
Башкирская АССР	189 282	21 316	6 168
Татарская АССР	240 134	24 147	8 270
Мордовская авт. обл.	57 921	8 198	1 571
АССР немцев Поволжья	40 841	4 186	1 685
Калмыцкая авт. обл.	15 487	1 623	810
Адыгейская авт. обл.	9 705	744	307
Дагестанская АССР	67 180	8 601	2 648
Крымская АССР	171 984	10 693	14 705
Казакская АССР	482 930	32 109	13 762
В т. ч. по областям:			
Западноказакская	51 177	3 361	1 391
Актюбинская	64 603	4 048	1 362
Восточноказакская	89 291	5 222	2 844
Карагандинская	107 789	7 815	2 981
Алма-атинская	88 072	7 905	8 309
Южноказакская	71 627	3 758	1 875
Каракалпакская АССР	13 817	2 933	422
Киргизская АССР	80 924	6 290	2 791
Бурято-монгольская АССР	51 287	4 684	1 670
Якутская АССР	25 902	1 705	572
Украинская ССР	4 164 707	281 959	139 486
В т. ч. числе:			
Молдавская АССР	38 681	4 495	1 632
Белорусская ССР	517 991	43 887	17 492
Азербайджанская ССР	352 573	30 912	14 331
Армянская ССР	92 147	9 880	3 402
Грузинская ССР	310 408	32 622	15 477
Узбекская ССР	353 404	40 787	11 578
Туркменская ССР	104 611	9 809	3 504
Таджикская ССР	65 152	6 803	2 823

стей и краев) — на 122%. Еще более показательно сопоставление темпов роста численности работников крупной промышленности. По РСФСР в целом эта численность с 1929 по 1933 г. выросла на 83%, а по 7 автономиям — на 178%. И наконец численность работников совхозов выросла по РСФСР в целом в 7,5 раза, а по автономиям — в 13 раз.

Как выполняется директива т. Сталина о подготовке советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей?

Итоги учета национального состава рабочих и служащих национальных республик и областей, проведенного по состоянию на 1 октября 1934 г., показывают, что среди работающих в промышленности, строительстве, совхозах и МТС коренные национальности занимают боль-

шое место, составляя в ряде национальных республик 40—50%. В таких республиках, как Армения, Белоруссия, Украина, немцев Поволжья, Коми, коренные национальности достигают 60—80% всех работающих. Даже в таких особенно забитых в царское время районах, как нынешние Чувашская, Мордовская, Марийская республики, лица коренной национальности составляют от 20 до 30% всех работников производственных отраслей. В районах, где ранее преобладали и сейчас еще многочисленны кочевники, как Киргизия, Калмыкия, Хакассия, удельный вес националов не опускается ниже 10—20% всех работников производственных отраслей.

Следующий исключительно важный момент — это удельный вес работников коренной национальности среди различных категорий трудящихся — рабочих, ИТР, служащих и т. п. Основной вывод: и среди наиболее квалифицированной части работников — среди инженерного и агро-зоотехнического персонала — коренные национальности занимают значительное место, как правило, не на очень много меньшее, чем среди всех работников данных отраслей. 18% татар, 22% чувашей, 20% осетинов, 58% грузин, 83% армян и т. д. среди ИТР промышленности; 73% белоруссов, 78% грузин, 90% армян, 14% туркмен, 37% немцев, 38% чувашей, 67% коми и т. д. среди агро-зоотехнического персонала совхозов — таковы эти яркие показатели действительного расцвета национальных районов.

Очень важной чертой, характеризующей применение труда работников коренных национальностей, является равное втягивание их во все без исключения отрасли промышленности. Если для применения труда национальных меньшинств в капиталистических странах характерно сосредоточение нацменов лишь в некоторых отраслях, главным образом в тех, где широко распространен тяжелый неквалифицированный труд, то работники коренных национальностей национальных республик и областей Советского союза вовлекаются во все отрасли на работы всех квалификаций.

Сопоставление удельного веса националов среди работников машиностроения и среди работников всей промышленности это отчетливо подтверждает.

Вовлечение работников коренных национальностей в учрежденческий аппарат носит весьма интенсивный характер и почти не уступает, а в ряде республик и областей даже обгоняет вовлечение их в производственные отрасли. Особенно интенсивно втянуты коренные национальности в советский аппарат — циков, СНК, юблисполкомов, значительно также вовлечены национальные кадры в судебные учреждения и в прокуратуру.

В аппарате президиумов облисполкомов националы составляют: в области Коми — 71%, в Марийской области — 46, в Североосетинской и Карачаевской областях — 45,5, в Калмыкии — 48,5% и т. д.

В аппарате циков союзных республик удельный вес работников коренных национальностей достигает: в УССР — 61%, в Белоруссии — 57, в Азербайджане — 85, в Грузии — 75, в Армении — 90, в Узбекистане — 39, в Туркмении — 29%.

В судебных учреждениях союзных республик националы составляют: на Украине, в Белоруссии и Закавказье от 65 до 96%, в Узбекистане — 57, в Туркмении — 29%. Удельный вес националов в судебных учреждениях автономных областей 60—70% и больше. В Марийской области — 63%, в области Коми — 94, в Чечено-ингушской области — 60, в Калмыцкой области — 71, в Удмуртской — 60%.

Так же велика прослойка работников коренных национальностей в аппарате прокуратуры.

Очень важно отметить большие масштабы вовлечения национальных кадров в аппарат научно-исследовательских учреждений, вузов и втузов.

Так, в научно-исследовательских учреждениях работники коренных национальностей составляют: в Украинской ССР — 45%, в Белоруссии — 46, в Грузии — 78% всех работников этих учреждений.

Удельный вес национальных кадров в составе высшего руководящего персонала и руководителей управлений, секторов и отделов во всех национальных республиках и областях заметно выше удельного веса национальных кадров в составе всех работников учреждений. Это иллюстрируется следующей таблицей:

Удельный вес работников коренных национальностей
(в %)

	Всех работников	Высшего руководящего персонала	Руководителей управлений, секторов, отделов и их замов
Азербайджан	49,6	71,5	53,6
Грузия	67,7	85,2	70,1
Туркменская ССР	12,0	31,8	16,3
Узбекская ССР	21,6	47,3	21,7
Карельская АССР	19,5	29,4	21,0
Башкирская АССР	11,7	23,3	10,6
Марийская авт. обл.	29,2	41,8	39,7
Удмуртская АССР	27,7	46,2	35,3

И здесь следовательно выступает уже отмеченная нами характерная черта — равномерное вовлечение национальных кадров в работу всех квалификаций и даже преимущественное вовлечение нацкадров в руководящую работу.

Говоря о труде ранее угнетавшихся царизмом национальностей, необходимо особо остановиться на труде женщин-националок. Удельный вес женщин коренных национальностей в составе всех работающих женщин по большому количеству республик и областей не ниже, чем удельный вес всех националов среди всей массы работающих. Это можно сказать о таких республиках, как Украинская, Белорусская, Чувашия, Мордовская, область Коми, Удмуртская, Карелия, Башкирия. Несколько ниже общего удельного веса национальных кадров удельный вес женщин-националок в Азербайджане и Грузии.

Показатели удельного веса женщин коренных национальностей в составе всей массы национальных кадров варьируют в пределах 20—25 до 40—49% в промышленности, от 10—20 до 30—40% в совхозах и от 15 до 35% в учреждениях. В Чувашской республике удельный вес женщин среди национальных кадров составляет: в промышленности — 30%, в совхозах — 25, в учреждениях — 20, в Мордовии соответственно — 38, 25, 17%, в Удмуртии — 38, 30 и 25%, в Хакассии — 25, 34 и 31% и т. д.

Женщина тех национальностей, где ее положение в дореволюционные времена было наиболее забитым и угнетенным, женщина, совсем недавно начавшая ходить с открытым лицом и бывать в мужском обществе (без чадры, паранджи), женщина, которая не только не могла делать «мужского дела», но не могла участвовать в беседе муж-

чин, — эта женщина теперь, в результате успехов ленинской национальной политики, неуклонно проводимой нашей партией, наравне с мужчиной работает на промышленном предприятии, в совхозе, в МТС, на стройке, в учреждении.

Значительный интерес представляют абсолютные показатели численности национальных кадров по основным отраслям хозяйства, тем более что по большинству республик и областей их можно сопоставить с аналогичными данными переписи 1926 г. (в тыс.):

	В крупной промышленности			В строительстве			В совхозах (1934 г.)
	1926 г.	1934 г.	увеличение	1926 г.	1934 г.	увеличение	
11 автономных республик и областей РСФСР	12,9	54,0	в 4,2 раза	0,2	21,1	в 105 раз	44,9
Украинская ССР	265,9	830,0	в 3,1 раза	7,8	306,0	в 39 раз	720,0
Белорусская ССР	14,7	83,0	в 5,7 раза	1,2	36,4	в 30 раз	64,0
Нац. республики ЗСФСР	38,6	84,3	в 2,2 раза	5,6	50,9	в 9 раз	32,8
Узбекская ССР	7,2	27,0	в 3,8 раза	2,2	16,8	в 7,5 раз	39,6
Туркменская ССР	0,8	4,6	в 5,8 раза	0,25	2,7	в 11 раз	6,45
В с е г о по приведенным союзным и автономным национальным республикам и областям . .	340,1	1 082,9	в 3,2 раза	17,25	433,9	в 25 раз	907,8

Таблица демонстрирует огромную работу, проделанную нашей партией по приобщению ранее угнетенных, забытых царскими сатрапами национальностей к новой, социалистической культуре. Одновременно — это ярчайшее доказательство реализации ленинского прогноза о возможности перехода бывших полуколонийных стран, входящих в состав СССР, со значительными остатками натурального хозяйства непосредственно к социализму, минуя капиталистическую фазу развития.

Огромный рост национальных кадров резко обгонял темп роста численности всего пролетариата национальных республик и областей. В результате удельный вес национальных кадров во всем пролетариате национальных республик и областей неуклонно повышается. Об этом свидетельствует следующая таблица:

Удельный вес лиц коренной национальности в общей массе работников крупной промышленности

	1926 г.	1934 г.
Украинская ССР	42,9	61,3
Белорусская ССР	40,2	66,1
Туркменская ССР	12,1	37,4
Чувашская АССР	9,5	23,9
Башкирская АССР	14,5	24,3

В ряде республик и областей, в которых в 1926 г. национальные кадры насчитывались десятками и в лучшем случае сотнями, теперь счет национальным кадрам ведется на тысячи. Взять хотя бы Хакассию, где в 1926 г. было 9 промышленных рабочих, а сейчас — 425, удмуртов-промрабочих в 1926 г. было 339, в 1934 г. — 4 200, чечено-ингушей было 27, теперь — 2 тыс., киргизов — 146, теперь — 1 200, чувашей — 178 и 2 050, туркмен и других национальностей Средней Азии в промышленности Туркмении — 777 и 4 600 и т. д.

Мы не даем сопоставления по труду в сельском хозяйстве. В 1926 г. те националы, которые работали по найму в сельском хозяйстве, были батраками в кулацких хозяйствах. Ясно, что труд тысяч националов в совхозах и МТС, крупных социалистических с.-х. предприятиях, оснащенных сложными машинами и новейшей техникой, ни по своей квалификации, ни по условиям работы, ни по перспективе роста каждого работника не может быть сравним с трудом националов-батраков, бывших наиболее отсталым отрядом армии батраков.

Таковы кратко некоторые итоги реализации ленинской национальной политики.

Под руководством т. Сталина наша партия в непримиримой борьбе со всеми уклонами от линии партии в национальном вопросе обеспечивает на деле переход от «патриархальщины, полудикости и самой настоящей дикости» к социализму.

Гениальный план социалистического переустройства бывших национальных окраин, нынешних союзных и автономных национальных республик и областей, сформулированный т. Сталиным, блестяще выполняется.

Советское станкостроение

I

Ведущую роль станкостроения надо объяснять не только тем, что станок является машиной для производства других машин. Эта роль выражается и в том организующем влиянии, которое оказывает станкостроение на другие ответственные отрасли машиностроения. Так, американские станкостроители, изучая технологический процесс потребителя, стремясь к максимальному обслуживанию последнего и непрерывно экспериментируя с целью получить наиболее эффективное конструктивное решение, стали оказывать решающее влияние на потребителей станков в смысле выбора типов и методов их использования на производстве. В ходе взаимоотношений между производителями и потребителями станков последние стали требовать от станкостроительных фирм не только сдачи станков, отвечающих определенной задачей, но и гарантии количества и качества производимой этими станками продукции, а также наладки этих станков на месте их установки. Таким образом американский потребитель стал заказывать станкостроительной фирме не только станок, но и технологический процесс, а зачастую стал предъявлять станкостроительной фирме и требования о постановке целого производства. Американское станкостроение, располагающее огромным количеством опытных конструкторов и производственников, оказалось в состоянии выполнить эти требования и в результате заняло в американском машиностроении ведущую, организующую роль. В силу этого целые отрасли американского машиностроения, в том числе и такие крупнейшие, как производство автомобилей, оказались организованными станкостроением. Это в свою очередь привело к тому, что на станкостроительных заводах стали создаваться и проверяться на практике основные начала и руководящие принципы организации производства.

Эту организующую роль станкостроения понимают далеко не все наши работники в области планирования и промышленности, в большинстве склонные рассматривать станкостроение как один из рядовых участков машиностроения. Отчасти это объясняется тем, что в наших условиях станкостроение далеко еще не успело завоевать подобающей ему ведущей роли и все еще считается (фактически оно так и есть) одной из наиболее молодых машиностроительных отраслей. Получить какое-либо наследство или опыт от довоенной России по линии станкостроения советское государство не могло, поскольку в довоенный период машиностроение было развито очень слабо, а специализированных станкостроительных заводов совершенно не было. Производство станков в старой России не могло конкурировать с Европой, в силу чего вкладывать средства в станкостроительные заводы не было стимула ни у отечественных, ни у обосновавшихся в России иностранных капиталистов.

Несмотря на всю свою ограниченность, царское правительство, видя в этом определенную опасность, особенно на случай войны, пыталось повлиять на развитие в России станкостроения, запретить государственным заводам приобретать станки за границей. Но это ни к чему не привело, так как запретить приобретение станков за границей частной промышленности царское правительство не могло, а при возможности приобретения станков за границей частными заводами этим обстоятельством могли пользоваться и казенные заводы, осуществляя через них за известное комиссионное вознаграждение закупки иностранных станков.

Если не считать нерегулярных и случайных выпусков станков отдельными предприятиями, станкостроением в довоенной России в основном занимались лишь четыре завода, имевшие довольно пеструю номенклатуру машиностроительного производства.

Весь объем производства довоенного станкостроения составил в 1912 г. 2,8 млн. руб., а в 1913 г. — 3,3 млн. руб.¹. Для иллюстрации огромного разрывания станкостроения в послереволюционный период интересно сопоставить с этими цифрами цифры выпуска станков в конце первой пятилетки и за первые годы второго пятилетия:

1932 г.	— 80 млн. руб.	—	рост по отношению к 1913 г.	в 24 раза
1933 »	— 102 »	»	»	» 1913 » » 31 »
1934 »	— 124 »	»	»	» 1913 » » 38 »
1935 »	— 227 »	»	»	» 1913 » » 69 »

В свете этих цифр становится ясным, что станкостроение у нас создано при отсутствии сколько-нибудь ощутительной базы в довоенный период. На январском пленуме ЦК и ЦКК в 1933 г. т. Сталин сформулировал это положение словами: «У нас не было станкостроения, у нас оно есть теперь».

Создание советского станкостроения осуществилось не сразу после революции. Не только в период гражданской войны и интервенции, в условиях общего упадка промышленности, но и в последующий — восстановительный — период станкостроение двинулось вперед очень незначительно.

Бюллетень Гипромаша (№ 1—2 за 1930 г.) приводит соотношения между внутренним производством и импортом станков за годы восстановительного периода (в тыс. руб.):

Г о д ы	Внутреннее производство	Импорт	Удельный вес внутреннего производства (в %)
1925/26	2 500	9 800	20
1926/27	5 500	29 000	16
1927/28	8 500	31 400	21

Как видно из этих цифр, в 1925/26 г. производство станков в СССР стояло даже на более низком уровне, чем в 1912 и 1913 гг., и лишь начиная со следующего, 1926/27, года замечается перелом в развитии советского станкостроения. В то же время, несмотря на очевидный рост, станкостроение продолжало оставаться распыленным по отдельным машиностроительным заводам, входившим в различные промышленные организации. Это положение вещей сохранилось до 1929 г., когда впервые был создан Станкотрест.

В развертывании станкостроения приходилось иметь дело с вреди-

¹ Цифры взяты из работы И. М. М а р к о в а, Итоги выполнения первой пятилетки по станкостроению, ИПЭИ, 1934 г.

тельскими тенденциями, ставившими своей задачей затормозить развитие тяжелой индустрии и затянуть реконструкцию народного хозяйства.

В Станкотрест первоначально вошло всего лишь три завода: «Красный пролетарий» (Москва), им. Свердлова (Ленинград) и «Двигатель революции» (Горький). Эта сама по себе крайне недостаточная база была в скором времени ослаблена переходом завода «Двигатель революции» на дизелестроение и передачей его в 1930 г. в объединение «Союздизель». В результате этого перехода завод растерял станочные кадры. В настоящее время он производит лишь значительно устаревшие в конструктивном отношении колесотокарные станки. В то же время с целью расширения производственной базы станкостроения и в компенсацию за изъятие «Двигателя революции» состав Станкотреста в том же 1930 г. был пополнен следующими четырьмя небольшими предприятиями: заводом «Самоточка» в Москве, техникумом «Комсомолец» (Егорьевск, Московской обл.), заводом им. ЦК металлистов в Куйбышеве и заводом им. Ленина в Одессе.

Все эти заводы, за исключением «Красного пролетария», начавшего свою реконструкцию в 1925 г., и отчасти завода им. Свердлова, являлись предприятиями небольших размеров и устаревшего типа, располагающими при этом сильно изношенным оборудованием. Их коренная реконструкция в связи с переходом на станкостроение стала неотложной необходимостью. За исключением заводов «Красный пролетарий», «Комсомолец» и им. ЦК машиностроения, реконструкция которых к настоящему времени осуществлена в большей части (завод «Красный пролетарий», представлявший собой ранее полукустарные мастерские, превратился в один из крупнейших в мире станкостроительных заводов), реконструкция остальных из перечисленных выше заводов, начатая в конце первой пятилетки, еще далеко не закончена и к настоящему времени проведена менее чем на 40% (см. табл. на стр. 193).

Недостаточность производственной базы станкостроения привела к необходимости начать в первой пятилетке строительство трех крупнейших в мире станкостроительных заводов: фрезерных станков в Горьком, револьверных станков им. Орджоникидзе в Москве и радиально-сверлильных и шлифовальных станков в Харькове. Из них первые два, хотя их строительство и оборудование далеко еще не закончено, уже вступили в строй действующих заводов. В меньшей степени осуществлено строительство Харьковского завода, начатое в 1931 г., затем в 1932 г. законсервированное и вновь развернувшееся в 1933 г. Завод также уже дает продукцию, хотя официально он еще не введен в эксплуатацию. Наряду с этим в первой же пятилетке начато было и строительство центрального литейного завода в Москве для снабжения литьем группы московских заводов («Станколит»). Завод уже сдан в эксплуатацию, но еще во многом не закончил строительства. К объектам первого пятилетия надо добавить завод «Станкопатрон» им. Орджоникидзе в Муроме. Оборудование этого завода привезено из Германии, где оно составляло оснащение одного из механических заводов, и размещено в готовом здании бывшей фабрики в Муроме. Назначение завода — изготовление нормальных приспособлений (в том числе патронов) к станкам и выполнение роли центральной кузницы для станочных заводов.

Общая характеристика специализированных станкостроительных за-

водов, действующих и начатых строительством в первом и втором пятилетиях, видна из таблицы, приведенной на стр. 193.

При валсовом выпуске в 1935 г. в размере 170 млн. руб., а в 1937 г. (ориентировочно) в размере 295 млн. руб., при полной мощности эти заводы должны дать валовый выпуск свыше 500 млн. руб. Другим показателем их развертывания может служить количество рабочих: 18,5 тыс. в 1935 г. и 29 тыс. рабочих при полной мощности.

Выпуск специализированных станочных заводов в 1937 г. определяется в количестве 17 800 станков, в то время как установленная XVII съездом партии цифра выпуска в 1937 г. равна 40 тыс. станков. Отсюда следует, что значительную часть задания — 22 200 станков, или 55,5%, должны выполнить заводы, не входящие в систему Главстанкоинструмента. Эти заводы (общего и специального машиностроения) действительно играют в советском станкостроении очень большую роль, количественно превосходящую роль заводов Главстанкоинструмента. Это видно из следующих цифр:

Г о д ы	К о л и ч е с т в о с т а н к о в				В с е г о
	на заводах главка		на так называемых планируемых заводах (общего и специального машиностроения)		
	абс.	в %	абс.	в %	
1933.	7 838	41	11 273	59	19 111
1934.	8 304	42	11 269	58	19 573
1935 (план) . .	11 127	42,5	15 000	57,5	26 127

Роль так называемых прочих или «планируемых» заводов в выпуске станков оказывается весьма крупной. Термин «планируемые» утвердился в станкостроении в связи с тем, что станочная продукция предприятий, не входящих в систему Главстанкоинструмента, лишь планируется и распределяется по потребителям главком, вернее его филиалом — Станкоинструментсбытом, но выполнение этими заводами, подчиненными другим хозорганизациям, программы по станкам не регулируется главком. В 1934 г. таких «планируемых» заводов было 27, в 1935 г. — 46. Несомненно, что количество этих заводов может быть увеличено. В первой пятилетке «планируемые» заводы, превосходя специализированные станочные предприятия по количеству выпускаемых ими станков, значительно отставали от последних по квалификации продукции. За годы второго пятилетия эта разница в квалификации выпускаемых станков между обеими группами заводов становится еще более резкой, несмотря на то, что «планируемые» заводы нередко стали осваивать вполне современные машины, зачастую не уступающие продукции заводов главка. Это объясняется тем, что заводы главка должны на себя брать все более и более сложные задачи.

Из года в год развертывается советское станкостроение. Растет оно и ширится во второй пятилетке, как это мы видим по приведенным выше данным, росло оно и в годы первой пятилетки (см. табл. на стр. 194).

Характеристика специализированных станкостроительных заводов
(входящих в систему Главстанкоинструмента)

Заводы ¹	Местонахождение	Основная специальность (станки)	Число станков (в штуках)		Капиталовложения			
			при полной мощности	по плану 1935 г.	в 1937 г.	сметная стоимость в млн. р. ² (в млн. р.)	вложения до 1/1 1936 г. (в млн. р.)	% законченности
а) Реконструируемые								
Им. Свердлова	Ленинград	продольно - строгальн., расточные	700	300	450	27,6	9,8	35,4
«Красный пролетарий»	Москва	токарн., многорезцовые	3 500	2 716	3 000	27,0	20,7	76,6
«Самоточка»	»	строгальные, долбежные	1 700	891	1 500	22,4	8,2	36,6
«Комсомолец»	Егорьевск Моск. обл.	комбиниров., зуборезн.	700	422	650	10,1	6,3	62,4
Им. Ленина	Одесса	вертик. сверл. нарезн.	3 000	1 800	2 000	21,5	8,3	38,6
Им. ЦК машиностроения	Куйбышев	токарные, пилы	900	692	900	5,2	4,7	90,5
«Милыч»	Ленинград	заточные	900	925	900	1,0	0,5	50,0
Станкопатронный, им. Орджоникидзе	Муром	норм. приспособ. к станк.	—	—	—	20,0	7,8	39,0
б) Новые								
Револьв.-станковые, им. Орджоникидзе	Москва	револьвер. полуавтомат.	3 400	1 101	2 200	51,6	27,6	53,4
Фрезерных станков	Горький	фрезерные	5 100	1 200	2 700	78,1	30,4	39,0
«Станколит»	Москва	чугунное литье	30 тыс. шт.	22 тыс. шт.	30 тыс. шт.	46,3	30,2	65,3
«Центролит»	Ленинград	»	26 тыс. шт.	13 тыс. шт.	20 тыс. шт.	68,8	18,2	26,6
Радиально-сверлильн. и шлиф. станк.	Харьков	радиально-сверл., круг-лошлифов.	2 400	350	1 000	68,0	24,1	35,4
«Станкоконструкция»	Москва	опыт. модели, индив. зак.	250	50	200	9,9	7,3	74,0
Автоматы и п/автоматы	Киев	автоматы и п/автоматы	650	—	200	73,6	12,6	17,2
Зуборезных станков	Саратов	зуборезные	1 540	—	150	77,7	1,5	19,4
Шлифовальных станков	Воронеж	вдольшлифов. и внутрени. шлифовки	1 700	—	50	54,0	—	61,7
Малых агрегатных станков ^в	Свердловск	малые агрегатные	1 800	110	1 000	6,5	—	—
Прецизионных станков (инстр. з-ды им. Воскова и «Калибр»)	Сестрорецк и Москва	прецизионные	1 200	570	900	4,0	1,5	37,6
Всего	—	—	29 440	11 127	17 800	673,3	223,7	33,4

¹ Кроме перечисленных в составе станочных заводов фигурируют еще две небольших единицы: Тульский чугунолитейный завод, прикрепленный в качестве легкого цеха к Московскому заводу револьверных станков (валовой выпуск по плану 1936 г. 1,3 млн. руб., число рабочих—1 271 чел.), и Электроприбор-мастерские по изготовлению станочной электроаппаратуры, представляющие собой первичную ячею по развертыванию этого производства.

² Сметные стоимости взяты по исполнению Главстанкоинструмента.

^в В годовой план 1936 г. не включен.

Выпуск станков за первое пятилетие по Союзу¹
(в штуках и млн. руб. в ценах 1926/27 г.)

	1928/29 г.		1929/30 г.		Особый квартал 1930 г.		1931 г.		1932 г.		За 1-е пятилетие	
	штук	стоимость	штук	стоимость	штук	стоимость	штук	стоимость	штук	стоимость	штук	стоимость
Всего по СССР	6 377	14,7	7 113	20,0	2 500	6,6	16 485	33,7	17 556	79,6	50 031	154,6
В том числе:												
По заводам Главстанкоинструмента	2 560	7,0	4 843	14,0	1 608	4,5	8 963	18,5	7 311 ²	32,8	25 285	76,8
По планируемым заводам	3 817	7,7	2 270	6,0	892	2,1	7 522	15,2	10 245	46,8	24 746	77,8
Выпуск планируемых заводов в % к заводам Главка	150	110	47	43	53	47	75	82	140	142	97	102
Рост выпуска в % к 1928/29 г.	100	100	112	136	—	—	258	259	276	540 ³	—	—

Насколько велики успехи советского станкостроения, видно из сопоставления стоимости выпущенных станков у нас и в капиталистических странах.

Стоимость выпущенных станков
(в млн. руб. в ценах 1926/27 г.).

Страны	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
США	259	129	75	56	45
Германия	155	133	90	70	—
Англия	35	37,5	30	—	—
СССР	14,7	20,0	33,7	79,6	102

Таким образом советское станкостроение идет сейчас на первом месте.

¹ На основе данных НКТП и Станкоинструментсбыта. В таблицу вошли лишь станки, реализуемые на сторону. Станки, изготовленные в индивидуальном порядке для собственных надобностей, цифрами таблицы не отражены. То же относится и ко всем последующим цифрам выпуска по Союзу.

² Падение количественного выпуска в 1932 г. (стоимость станков, как видно из сравнения с предыдущим годом, значительно возрастает) объясняется резким переломом в сторону повышения квалификации выпускаемых станков.

³ Как видно из приведенных цифр, качественный рост станкостроения (показатель — средняя стоимость станка) значительно обгоняет количественный. Так например, если количественный рост за годы первой пятилетки увеличился приблизительно в 3 раза, стоимость выпущенных станков возросла приблизительно в 5¹/₂ раз. Возрастание стоимости среднего станка по годам видно из следующих цифр (в тыс. руб.):

1928/29 г.	1929/30 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
2,3	2,8	4,5	5,5	6,3	8,7	9,2	10,1

(1936 и 1937 гг. приведены ориентировочно).

II

Несмотря однако на огромные успехи советского станкостроения, выросшего из ничтожной довоенной величины в передовую отрасль, несмотря на его крупнейшие качественные сдвиги, проблема советского станкостроения пока еще решена лишь в основном. Для ее полного разрешения должна быть проделана еще громадная работа.

Количественно мы далеко еще не удовлетворяем потребностей народного хозяйства в металлорежущих станках и по существу держим ответственные отрасли народного хозяйства на голодном пайке.

Удовлетворение потребности в металлорежущих станках отечественным производством

Г о д ы	Уточненная потребность (в штуках)	Фактическое удовлетворение станками отечественного производства (в штуках)	% удовлетворения
1931	48 300	16 500	34,0
1932	86 200	17 600	20,4
1933	54 600	19 100	35,0
1934	48 300	19 600	40,6
1935	48 100	26 000 (план)	54,0

Как указывает в своей статье «Задачи станкостроения» («З. И.» от 1/VIII) зам. наркома тяжелой промышленности т. М. М. Каганович, восполнение недостаточного производства наших заводов путем импорта встречает ряд затруднений: «Цены значительно повышаются, сроки выпуска станков, предложенные многими иностранными фирмами, совершенно неприемлемы для нас, условия раслаты далеко выходят за рамки установившейся практики». «Все это диктует настоятельную необходимость усилить и развить наше станкостроение до таких размеров, чтобы мы продукцией наших заводов смогли перекрыть всю нашу потребность. Мы обязаны и на фронте станкостроения на все 100 процентов освободиться от иностранной зависимости».

Наше станкостроение еще сильно отстает от современных требований не только по качеству выпускаемых станков, о чем будет сказано далее, но и по соответствию конструкций станков современным техническим требованиям. Как отмечает в своей статье т. М. М. Каганович, скорости станков у нас ниже зарубежных, что лишает нас возможности эффективно применять сверхтвердые сплавы. «В области автоматизации, — отмечает далее т. Каганович, — мы далеко еще не овладели теми достижениями, какие имеются за границей (сложное автоматическое управление, гидравлические подачи). Мы пока еще не имеем автоматических аппаратов для определения точности изделия во время работы».

Из 147 типов станков, изготовляемых по плану 1935 г., всего лишь 67 типов современных. Таким образом большая половина выпускаемых у нас станков не может быть отнесена к категории современных. 34 типа, или 23,1%, могут быть охарактеризованы как находящиеся

посредине между современными и отсталыми станками, 35 типов, или 23,8%, относятся к категории отсталых и 11 типов, или 7,5%, — очень отсталых. Уже одно это говорит о необходимости промадной работы в области конструирования станков.

Это уже сейчас чувствуется станкостроителями. Недавно изданный приказ НКТП предписывает снять с производства как устаревшие целый ряд станков и заменить их другими типами, более совершенными и современными. Знаменательно, что в это число попадают и те станки, которые еще недавно считались «передовыми», например «Дип», многолезцовые типа «санстренд» зубрезные станки завода «Комсомолец», лишь недавно освоенные радиально-сверлильные станки и др. По мысли приказа заводы Главстанкоинструмента становятся очагами передового станкостроения, осваивая современные типы и передавая на «планируемые» заводы станки менее современные, но еще могущие исполнять свое назначение на определенных участках производства. В результате некоторые заводы главка почти целиком переходят с 1936 г. на новые типы.

Необходимо отметить, что мы очень неровно производим отдельные виды металлорежущих станков. Из многочисленной номенклатуры металлорежущих станков у нас до недавнего времени главная часть выпуска падала на токарные и сверлильные станки. Зато очень слабо были представлены в производстве шлифовальные, фрезерные, револьверные станки, совершенно отсутствовали карусельные, протяжные, распиловочные, тяжелые, радиально-сверлильные.

Группы токарных и сверлильных станков в среднем за первое пятилетие составляли 75% всего производства, а за последний год пятилетки — 68,5%. При этом обе группы состояли из простых, мало квалифицированных и не отвечающих уровню современных требований станков. Остальные группы состояли из станков или низкой или пониженной квалификации. Значительная же часть станочной номенклатуры еще не была освоена в производстве. Например совершенно отсутствовали в выпуске первой пятилетки зуборезные, карусельные, радиально-сверлильные, тяжелые, прецизионные станки, автоматы и полуавтоматы, пилы для металла и ряд других. Техническая политика нашего станкостроения стремилась выправить эти недочеты, но сталкивалась с большими трудностями: с отсутствием квалифицированных конструкторов, недостатком в инженерах-производственниках и квалифицированных рабочих, отсутствием производственного опыта и недостаточностью производственно-технической базы. Каждый год приносил в этом отношении заметные сдвиги в сторону улучшения, но все же темпы освоения оказались более медленными, чем того требовала развертывающаяся социалистическая промышленность. Первый год второго пятилетия принес определенные улучшения, но еще далеко недостаточные.

Первое, что следует отметить как улучшение по сравнению с 1932 г., — это снижение удельного веса токарной и сверлильной групп — 52,9% против 75% за первую пятилетку в целом и 68,5% в предыдущем году. Возрастает удельный вес фрезерных станков (6,5 против 3,8%) и револьверных (5,5 против 4,5%). Впервые появляются в производстве автоматы, зуборезные станки, пилы. Но в то же время номенклатура производства остается далеко неполной и соотношения между группами еще очень далеки от нормальных.

При крайне слабом развитии производства автоматов и полуавтоматов, полном отсутствии карусельных и недостаточном выпуске ре-

вольверных станков токарная группа все же имеет преувеличенный вес, что создается исключительно за счет малоквалифицированных токарных станков. Повышенный удельный вес строгальных и долбежных станков создается исключительно за счет шепингов малой квалификации. В группе сверлильных и расточных станков удельный вес расточных совершенно скрадывается сверлильными станками малой квалификации. Удельный вес расточных станков вообще невелик. При большем масштабе производства это явление было бы не так чувствительно, но при существующем положении вещей расточные станки очень дефицитны. Удельный вес фрезерных и зуборезных станков (особенно последних) более чем недостаточен. Крайне недостаточен удельный вес шлифовальных и заточных станков. Шлифовальные станки играют тем большую роль, чем больше повышается точность обработки. Поэтому в современной металлообработке с ее повышенными требованиями к допускам особо ответственна роль шлифовки, позволяющей автоматически достигать определенной точности в снятии соответствующего слоя металла. В номенклатуре же 1933 г., помимо того что удельный вес шлифовальных станков заслоняется простыми заточными, выпускаемыми в большом количестве, существуют большие пробелы в самом ассортименте шлифовальных станков. Выпускаются почти исключительно малосовременные круглошлифовальные станки и почти отсутствуют остальные виды шлифовальных станков (плоскошлифовальные и станки для внутренней шлифовки).

План 1934 г. перевыполнен по токарным станкам за счет несложных и остальных типов, что в одинаковой степени относится и к заводам Главстанкоинструмента и к «планируемым» заводам. Перевыполнение по строгальным станкам имело место за счет шепингов, по шлифовальным — за счет наименее квалифицированных видов. То же нужно отнести и к заточным станкам. Недовыполненными оказались наиболее ответственные позиции плана по новым сложным станкам (автоматы и полуавтоматы, фрезерные, зуборезные).

Но все же положительным явлением здесь оказывается возрастание удельного веса револьверных станков, автоматов и полуавтоматов. Далее надо отметить возрастание удельного веса группы шлифовальных и заточных станков (8 против 5% в предыдущем году) за счет роста выпуска шлифовальных станков. Удельный вес зуборезных станков возрастает в 9 раз (0,9 против 0,1% в 1933 г.), а доля всей группы фрезерных и зуборезных станков в целом также увеличивается (7,5 против 6,6%). Положительным явлением оказывается и падение удельного веса группы сверлильных станков (12,3 против 16,7%) вследствие вывода из производства наиболее устаревших, примитивных типов.

Перевыполнение плана по шепингам повысило удельный вес всей группы строгальных и долбежных станков, но, поскольку это произошло за счет падения удельного веса сверлильных станков, в нем нет ничего угрожающего.

План 1935 г. вносит дальнейшие улучшения в профиль станочного производства.

При падении удельного веса токарных станков в плане 1935 г. виден определенный рост удельного веса фрезерных (8,5 против 6,6%), шлифовальных (4,9 против 3,5%), зуборезных (2,0 против 0,9%), автоматов и полуавтоматов (1,2 против 0,6%) и револьверных станков (8,2 против 7,9%).

Особый интерес приобретает характеристика профиля производства в крупнейших промышленных странах и в первую очередь в США, где производство станков в период так называемого «просперити» по своим масштабам далеко обогнало производство в других странах. При сравнении американского профиля производства станков с нашим надо иметь в виду, что между ними нельзя проводить полной сопоставимости и что американские соотношения между группами станков не могут быть целиком перенесены в наши условия. Различия сказываются в том, что американские заводы даже в годы наибольшего «процветания» работали со значительными резервами производственной мощности, в результате чего большинство предприятий работало в одну смену, в то время как у нас предприятия работают в две и в три смены. Это различие в режиме сменности отражается на использовании станочного парка предприятий и вносит некоторые поправки в соотношения между группами станков.

Другое различие сказывается в том, что американская станкостроительная промышленность в годы «просперити» в значительной степени работала на экспорт, который обычно идет по линии высококвалифицированных и наиболее производительных станков, тем самым повышая их удельный вес в производстве.

Учитывая эти различия, мы тем не менее при сравнении можем довольно ясно увидеть, что наш профиль станочного производства постепенно приближается к американскому:

Группы станков	США 1929 г.	СССР 1933 г.	СССР 1934 г.	СССР 1935 г. (план)	
	в % к итогу	в % к итогу	в % к итогу	абс.	в % к итогу
Токарные	38,4	42,2	45,4	9775	39,4
Строгальные и долбежные	3,4	4,2	5,6	1362	5,5
Сверлильные и расточные	18,6	16,7	12,3	4 080	16,5
Фрезерные и зуборезные	12,6	6,6	7,5	2 609	10,5
Шлифовальные и заточные	15,2	5,0	8,0	2 407	9,7
Прочие	11,8	25,3	21,2	4 576	18,4
В с е г о	100,0	100,0	100,0	24 809¹	100,0

В плане 1935 г. соотношения между группами станков уже начинают приближаться к американским, хотя, если исключить токарную группу, еще отличаются от них.

В особенности близко подходит токарная группа. Надо конечно отметить, что это все же внешнее сходство. Для внутреннего сходства необходимо было бы значительно повысить удельный вес автоматов, карусельных и револьверных станков при снижении собственно токарных. Рост удельного веса шлифовальной группы тем показателен, что наряду с круглошлифовальными станками появляются плоскошлифовальные и станки для внутренней шлифовки. Повышается класс заточных станков. Впервые появляются в программе совет-

¹ В итог не включены некоторые станки.

ского станкостроения карусельные и тяжелые станки. Наша борьба за передовую технику, победы, одерживаемые в этой борьбе, не оставляют сомнений в том, что в дальнейшем профиль производства станков будет видоизменяться в сторону повышения удельного веса шлифовальных, фрезерных и зуборезных станков.

III

Подсчет потребности в станках на второе пятилетие, произведенный различными методами (по перерабатываемому на станках металлу, по капиталовложениям, по скорректированным заявкам потребителей), определил требуемую величину производства металлорежущих станков за период 1933—1937 гг. в количестве 202—203 тыс. шт. Этот подсчет произведен довольно жестко, что можно заметить по приведенным ранее цифрам уточненной потребности в станках, которые показали за период 1931—1935 гг., т. е. за 5 лет, потребность в 285 тыс. станков, или около 50 тыс. станков в среднем за год, если не считаться с повышенной потребностью 1932 г. На этом основании можно было бы заключить, что потребность за 5 лет составляет свыше 250 тыс. станков. Но при этом надо учесть, что корректируемая, или так называемая «уточненная», потребность каждого года включает в себя неудовлетворение предыдущих лет.

Развертывание производства в период первой пятилетки было приведено выше. Производство во втором пятилетии, в котором мы имеем уже два с половиной года отчетных, разворачивается в следующем виде (см. табл. на стр. 200).

Как видим, квалификация станков повышается быстрее количественного роста выпуска. В то время как количественный выпуск за второе пятилетие возрастает в 2,3 раза, стоимость выпуска увеличивается за тот же период в 5 раз. Как уже отмечалось в связи с анализом цифр по выпуску станков за первое пятилетие, заводы главка по квалификации выпускаемых станков значительно опережают «планируемые» заводы, что вполне соответствует их усиливающейся специализации и довооружению.

Однако и во втором пятилетии приходится констатировать наличие большого неудовлетворения потребности в станках: потребность — 200 тыс. станков, возможное покрытие — 137 тыс.

Свою программу станкостроительные заводы недовыполняют. Так, по заводам Главстанкоинструмента за первые два с половиной года второй пятилетки мы имеем следующую картину:

Г о д ы	План	Выполне-	% выпол-
		ние	нения
		(в ш т у к а х)	
1933	8 282	7 838	94,6
1934	8 960	8 304	93,0
1935 (1-е полугодие) .	5 188	4 534	87,4

По всему союзному станкостроению в целом за первое полугодие 1935 г. выявился еще более низкий процент выполнения плана: план — 12 275 станков, выполнение — 10 510 станков, или 85,8%. Эти показатели получаются при перевыполнении плана по старым, освоенным ранее станкам и недовыполнении по новым, вновь осваиваемым типам.

Вот несколько примеров по заводам Главстанкоинструмента (см. табл. на стр. 201).

Производство станков во втором пятилетии
(в штуках и в млн. руб. в ценах 1926/27 г.)

	1932 г.		1933 г. (отчетные данные)		1934 г. (отчетные данные)		1935 г. (план)		1936 г. (оператив- ная намет- ка)		1937 г. (по пяти- летнему плану)		За 5 лет	
	штуки	стоимость	штуки	стоимость	штуки	стоимость	штуки	стоимость	штуки	стоимость	штуки	стоимость	штуки	стоимость
Всего по СССР	17 556	79,6	19 111	102,2	19 573	124,2	26 127	226,8	32 000	293,0	40 000	404,0	136 811	1 150,0
В т. ч. по заводам:														
Главстанкоинструмента	7 311	32,8	7 838	47,4	8 304	66,0	11 127	123,6	14 000	163,0	17 800	234,0	69 069	634,0
По «планируемым» заводам	10 245	46,8	11 273	54,8	11 269	58,2	15 000	103,2	18 000	130,0	22 200	170,0	77 742	516,0
Производство «планируемых» заводов в % к производству заводов гласка	140,0	142,0	144,0	116,0	136,0	88,0	135,0	83,5	129,0	80,0	125,0	72,5	—	—
Рост к 1932 г. (в % по СССР в целом)	100,0	100,0	109,0	129,0	112,0	156,0	149,0	285,0	183,0	368,0	228,0	506,0	—	—

а) Старые или освоенные ранее станки

Виды станков	План 1-го полугодия	Выполнение	% выполнения
Токарно-винторезный ТН - 20, завода «Красный пролетарий»	400	405	101,0
Вертикально-сверлильные 18-мм, завода им. Ленина в Одессе .	150	168	112,0
Болторезный 1 1/2 мм того же завода	450	546	121,0
Горизонтально-фрезерные станки Горьковского завода . . .	102	154	151,0
Токарно-винторезный типа «Мюн-текель» завода «Комсомолец» .	12	35	292,0

Небезынтересно при этом отметить, что все эти станки, кроме горизонтально-фрезерных Горьковского завода, по приказу НКТП, о котором уже упоминалось, подлежат снятию с производства как устаревшие.

б) Новые станки

Виды станков	План 1-го полугодия 1935 г.	Выполнение за 1-е полугодие.	% выполнения
Вертикально-фрезерный 612 Горьковского завода фрезерных станков	65	7	10,8
Радиально - сверлильные станки Харьковского строящегося завода	34	10	29,4
Круглошлифовальные станки того же завода	62	24	38,7
Болторезные 3/4 завода им. Ленина	75	0	0

Наряду с борьбой за выполнение плана необходимо развернуть широкую кампанию за ликвидацию брака, достигавшего в первом квартале 1935 г. по станочным заводам Главстанкоинструмента 14,8%, а за 5 месяцев текущего года — 13%. По отдельным заводам (как например чугунолитейный завод «Станколит») брак достигал в первом квартале текущего года 35,7% по стоимости к валовому выпуску. Наряду с этим надо отметить такие факты, как возврат потребителем обратно и необходимость переделки заново 50 станков, изготовленных заводом им. ЦК машиностроения, причем часть станков почти целиком пошла в вагранку. Возвращены обратно заводу «Комсомолец» и зуборезные станки типа «Пфаутер», сданные им автопромышленности. В июне текущего года из 240 станков, изготовленных заводом «Красный пролетарий», представителем главка по качеству продукции пропущено лишь 72 станка.

Все это говорит о плохой работе отдельных заводов, но в то же время подчеркивает и трудности, стоящие перед развитием станкостроения. Для преодоления этих трудностей нашим станкостроителям предстоит разрешить ряд довольно сложных задач, содержание которых может быть сведено к следующему.

В области конструирования необходимо изжить недостаточное развитие самостоятельных технических идей. Отказавшись от слепого копирования заграничных образцов, заимствуя лишь действительно ценные достижения заграничного станкостроения, мы тем не менее должны «переводить» их на советский язык в соответствии с условиями работы социалистической промышленности. Значительное препятствие в области конструирования составляет слабость экспериментальной базы по проверке опытных конструкций. Еще большее значение имеют отрыв конструкторов от производства и слабость конструкторских бюро на заводах. Слабость конструкторских сил, которыми мы располагаем, не только количественная, но и качественная. За границей конструкторы на заводах имеют стаж в 10—15 и более лет, у нас стаж в 3—4 года является уже заметным, ибо большинство конструкторов не располагает и таким стажем. Отрыв конструкторов от производства, недостаточное знание конструкторами особенностей технологического процесса, режима работ, условий применения инструмента и приспособлений в значительной степени сказываются на успешности нашего самостоятельного конструирования.

В области технологии необходимо разработать типовые технологические процессы (в литье, в механической обработке, в сборке) и доработать их внедрения в производство вместе с соответствующим режимом работ. Это сразу сказывается на увеличении выпуска и на улучшении его качественной стороны. Вследствие слабого знания фактических мощностей оборудования последнее недостаточно используется. Отражаются на количественной и качественной стороне выпуска недостаточное внедрение приспособлений и специального инструмента, недооценка роли инструментального хозяйства (в том числе калибрового), отсутствие единого твердого режима в допусках и посадках, слабое внедрение термообработки и неумение обрабатывать ведущие детали станков (шестерни, коробки, винты и т. д.). Громадное значение имеет для количественной и качественной стороны выпуска и правильная постановка литейного дела. Здесь необходимо отметить недостаточное знание нашими станочниками-литейщиками особенностей литейного дела в станкостроении и их полное незнание с заграничным опытом в этой области. В то время как за границей очень внимательно относятся к выбору песков и земли, подбору чугунов и составу шихты, у нас всему этому достаточного внимания не уделяют.

В области организации производства. Здесь надо отметить в первую очередь несоответствие планирования загрузки оборудования наиболее выгодному технологическому процессу. При общих неувязках в планировании работ, высоком удельном весе ручного труда, слабости обслуживающего хозяйства (лабораторий, измерительного инструмента) и неупорядоченности складского хозяйства нельзя ожидать максимального использования мощности оборудования. К этому надо добавить отсутствие ясных и четких установок в деле приемки качества станков и контрольно-приемочном деле в целом. Наконец немалое влияние оказывают консерватизм, препятствующий расстановке оборудования в соответствии с потоком производства, и отсутствие установленного режима в области планово-предупредительного ремонта оборудования.

В области оснащения станков. Необеспеченность выпускаемых станков шарикоподшипниками, электроаппаратурой (кнопочные и пусковые устройства), так называемой гарнитурой (гибкие ру-

кава и др.), отсутствие хорошей краски, что весьма важно не только для внешнего вида, но и для сохранности станка, — все это очень сильно отражается как на общем качестве выпускаемых станочными заводами изделий, так и на степени их «культурности».

Устранение дефектов в области снабжения и недочетов в области кадров также составит немалую заботу для станкостроителей.

Над разрешением всех этих задач нашим станкостроителям придется основательно поработать.

IV

Крупным достижением является то, что выполнение плана по освоению новых типоразмеров станков идет впереди заданий пятилетнего плана, который по станкостроению был установлен в соответствии с приказом НКТП в следующем виде:

Количество новых типов станков, предполагаемых к производству во втором пятилетии ¹

Группы станков	Г о д ы						Всего
	До 1933 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	
Токарные (в т. ч. токарные, карусельные, револьверные, автоматы и полуавтоматы)	$\frac{17}{8}$	$\frac{16}{8}$	$\frac{22}{11}$	$\frac{14}{12}$	—	—	$\frac{69}{39}$
Строгальные и долбежные	$\frac{3}{3}$	$\frac{2}{2}$	$\frac{2}{2}$	$\frac{6}{6}$	—	—	$\frac{13}{13}$
Фрезерные и зуборезные	$\frac{3}{2}$	$\frac{5}{4}$	$\frac{15}{11}$	$\frac{7}{7}$	$\frac{1}{1}$	—	$\frac{31}{25}$
Шлифовальные и заточные	$\frac{7}{0}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{13}{1}$	$\frac{4}{3}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{2}{2}$	$\frac{28}{8}$
Сверлильные и расточные	$\frac{8}{4}$	$\frac{2}{1}$	$\frac{6}{3}$	$\frac{7}{6}$	—	—	$\frac{23}{14}$
Прочие и нерасшифрованные	$\frac{2}{2}$	$\frac{3}{2}$	$\frac{5}{2}$	$\frac{3}{1}$	$\frac{33}{23}$	$\frac{40}{30}$	$\frac{86}{60}$
В с е г о	$\frac{40}{19}$	$\frac{29}{18}$	$\frac{63}{30}$	$\frac{41}{35}$	$\frac{35}{25}$	$\frac{42}{32}$	$\frac{250}{159}$

Фактически в производстве 1933 г. было 80 типоразмеров, в производстве 1934 г. — 151, а по плану 1935 г. — 214 типоразмеров.

Таким образом итоговые цифры данной таблицы должны были бы быть перестроены следующим образом:

Годы	
1933	29—40 типоразмеров
1934	63—71 »
1935	41—63 »

¹ Числитель — по всем заводам, знаменатель — по заводам Главстанкоинструмента.

Мировое станкостроение имеет в производстве около 900 основных типоразмеров (кроме специальных). Но их значительная часть порождается конкуренцией капиталистических фирм, которые стремятся заинтересовать рынок «новинками», и необходимостью обхода патентов. Отсюда нередко возникают неоправдываемые необходимостью модификации станков, не компенсируемые соответствующей эффективностью конструктивные усложнения, а также излишняя универсальность конструкций. Советское станкостроение может и должно идти по линии целесообразного упрощения конструкций и возможной специализации станков в соответствии с технологией в первую очередь крупных потребителей.

Наше станкостроение стало на путь самостоятельного конструирования. Уже к началу 1934 г. мы имели ряд значительных достижений в этой области. Сюда можно отнести автомат изобретателя Самородского, затылочный станок Акифьева, шлицовый автомат Максимовича, резьбо-шлифовальный станок изобретателя Глухова, горизонтально-расточный для инструментальных мастерских завода им. Свердлова, продольно-фрезерный станок типа «дуплекс» оригинальной конструкции Горьковского завода фрезерных станков, специальный многолезцовый станок с пневматической подачей суппорта — Киевского машиностроительного института, зуборезный станок инженеров Тарасова и Ирда (Экспериментальный научно-исследовательский институт станкоинструментальной промышленности — ЭНИМС), карусельный станок с унифицированными коробкой скоростей и коробкой подачи для целого ряда размеров (ЭНИМС) и т. д. Произведенный ЭНИМС технический анализ советского станкостроения показал возможность выделить и конструктивно усовершенствовать ряд узлов: коробки скоростей, коробки подач, суппорта, расточной бабки, сверлильной головки и т. д. Производство этих узлов в виде отдельных агрегатов в крупносерийном порядке может способствовать изготовлению различных типов станков путем комбинирования, в том числе и станков, легко превращаемых в узко специальные или операционные, получивших в последнее время в связи с развитием массового и крупносерийного производства большое распространение (иногда эти специальные станки являются сложнейшими техническими агрегатами, например многошпиндельный сверлильный станок Натко, барабанно-универсальный станок Ньютона и др.).

Разработанный в этом направлении ЭНИМС план унификации основных узлов — станин, коробки скоростей, коробки подач, фартуха суппорта, фартуха револьверной головки — для производства станков на Ижевском заводе позволяет путем комбинирования этих узлов получить пять типов станков: токарно-винторезный, токарный упрощенный, токарный быстросходный для работы с резцами «победит», револьверный станок с вертикальной головкой и револьверный станок с горизонтальной головкой.

Та же работа проделана ЭНИМС и для мелких фрезерных станков (универсальных, горизонтальных и вертикальных), причем путем небольших конструктивных изменений эти станки легко превращаются в операционные для массового производства. Это должно дать выигрыш по двум линиям: сокращение подлежащего освоению огромного типажа металлорежущих станков и увеличение пропускной способности заводов, что является особо важным, учитывая острую потребность в станках и разрыв между выявившейся потребностью и запроектированными размерами производства.

Вместе с тем из всего сказанного следует вывод о необходимости максимально развернуть научно-исследовательскую и конструкторскую работу, что может ускоренными темпами двинуть вперед развитие советского станкостроения, сэкономив при этом массу времени и средств, повысить эффективность станочного парка и уменьшить разрыв между потребностью в станках и ее удовлетворением.

К концу второго пятилетия советское станкостроение охватит всю основную номенклатуру станков и достигнет наибольшей комплектности в снабжении автотракторной и авиационной промышленности, общего машиностроения и ж.-д. транспорта. Невосполненной останется потребность в индивидуальных станках, если не считать станков среднего размера, которые в известной части будут выполняться строящимся в Москве заводом «Станкоконструкция», основное назначение которого в качестве экспериментального отдела ЭНИМС—изготовление опытных моделей.

Уже 1934 год обнаружил сдвиг в переходе от выпуска обезличенных станков, изготавливаемых «на рынок», к производству станков, изготавливаемых по специальному назначению, в соответствии с технологическим процессом потребителя. Таковы например многорезцовые станки типа «санстренд», применяемые в автотракторной промышленности для обработки ступенчатых валиков, центральные двусторонние станки типа «санстренд», изготовленные по заказу автотракторной промышленности, полуавтоматы типа «шой», специально изготовленные для обработки продукции Госшарикоподшипника, и др. Удельный вес специальных станков в программе 1935 г. достигает довольно значительной величины — 5,3%.

Открытым остается вопрос о специальных приспособлениях. Производство их с целью усилить эффективность действующего станочного парка и перестройки универсальных станков на специальные операции могло бы сильно содействовать смягчению остроты в области недостаточного удовлетворения потребности. Идея создания основного завода специальных приспособлений и ряда районных баз при станкостроительных заводах в виде цехов, обслуживающих специальными приспособлениями районные станочные парки, пока еще не получила отражения в существующих проектировках.

Необходимо далее проводить максимально активное внедрение индивидуального электропривода, не только дающего возможность рационально расходовать электроэнергию и разгружающего помещение от приводов и трансмиссий, но и допускающего в связи с заменой механической энергии электрической значительное упрощение конструкции станка, не говоря уже о более легких возможностях перепланировки оборудования. Внедрение индивидуального электропривода должно идти параллельно с разрешением проблемы электрификации и наконец автоматизации станка. Одновременно должна решаться и задача внедрения гидравлического привода с рядом его преимуществ.

Огромную роль в станкостроении должна сыграть сварка, особенно в замене литых станин сварными, что даст преимущества большей жесткости, большей легкости изготовления, большей свободы форм, возможности смены снашивающихся частей и т. д. Замена металлов пластмассами, диабазом, гагатом, бетоном, деревом также принадлежит к актуальным проблемам в станкостроении на предстоящий период времени. Существенной является для станкостроения и проблема искусственного старения литых станин. После заливки формы охлаж-

дение различных частей отливки происходит неравномерно. Вследствие этого возникают внутренние напряжения в различных частях отливки и деформация литой станины. Снятие же верхних слоев металла путем строгания способствует усиленной работе внутренних сил и как следствие этого выгибанию, короблению станин и тем самым конечно потере станком точности. Возникает поэтому необходимость вылеживания станин, что связано с затяжкой производственного процесса и замедлением оборачиваемости капитала. Отсюда — проблема искусственного старения станин путем их соответствующей термической обработки.

Стандартизация деталей и узлов является в станкостроении, так же как и в машиностроении вообще, залогом ускорения производства, взаимозаменяемости деталей и уменьшения себестоимости продукции. Но возможность собирания из стандартных деталей и узлов различных станков должна сыграть в станкостроении с его огромным типажом особую роль.

Актуально должен быть поставлен вопрос конструирования по принципу одевания и раздевания станков, что может дать весьма эффективный результат.

Наконец доведение станка до потребителя, монтаж на месте, инструктирование, наладка станков на определенные технологические процессы — подобно тому как это имеет место в США — все это должно составить одну из важнейших задач станкостроения на ближайшее время.

Сказанное не исчерпывает первоочередных проблем в технике и технологии станкостроения. Их разработка и разрешение составляют ответственную задачу научно-исследовательской и конструкторской мысли, делающей сейчас первые шаги на пути разрешения сложнейших проблем советского станкостроения.

Содержание

К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

Д. Розенберг — Развитие экономических взглядов Энгельса	5
М. Смит — Энгельс о положении рабочего класса в Англии	20
М. Азарин — Энгельс и аграрно-крестьянский вопрос	31
М. Кривицкий — Энгельс и жилищный вопрос	44
<hr/>	
Л. Гатовский — О советском рубле и советской торговле	52
А. Пашков — К теории товара	78
С. Гиммельфарб и И. Дольников — Освоение и резервы производственной мощности	95
С. Мацкевич — МТС на этапе завершения в основном механизации колхозов .	112

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

М. Розман — Капиталистическая рационализация в годы кризиса и положение рабочего класса	128
Л. Иванов — Упадок мировой судостроительной промышленности и гонка морских вооружений	142

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Э. Атлас — Об одной „поправке“ Каутского к теории денег Маркса	157
Я. Сегалл — Институциональная школа и ее представитель Джон Коммонс .	166

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

С. Хейнман — [Победа ленинской национальной политики	178
И. Пивоваров — Советское станкостроение	189

Сдано в производство 4—19/VIII 1935 г.
Подписано к печати 23/IX 1935 г.
Уполн. Главлита В—13201
Формат 72 × 105/16—Союзгиз № 50 (п)
Знак типографии № 2069
Объем 13 п. л.; 67.000 п. зн. в п. л.
Тираж—13100
Выпускающий А. Налимов

РЕДАКЦИЯ { Г. И. Крумин (отв. редактор)
Э. И. Квиринг
М. М. Кривицкий
Л. М. Гатовский
В. М. Шурыгин

ОГИЗ — ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ежемесячный журнал

ИСТОРИК-МАРКСИСТ

ОРГАН ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. М. ЛУКИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*М. С. ЗОРКИЙ (зам. отв. редактора),
Х. Г. ЛУРЬЕ, А. М. ПАНКРАТОВА,
И. В. ФРОЛОВ, Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ*

ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ

дать марксистско-ленинскую разработку конкретных вопросов истории различных эпох, ее методологии, вопросов преподавания исторических дисциплин в вузах на основе указаний товарища Сталина и постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании истории; освещать историю большевистской партии и Коммунистического Интернационала, историю Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства в СССР; вести борьбу за чистоту учения Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, за большевистскую партийность в исторической науке, против всех извращений марксизма-ленинизма в области истории.

ЖУРНАЛ ОСВЕЩАЕТ

вопросы развития исторической науки в СССР и за рубежом, систематически дает списки и обзоры новой советской и иностранной исторической литературы. Журнал дает хронику работ научно-исследовательских учреждений по истории в СССР и за рубежом.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН

на историков, занятых научной и педагогической работой, на аспирантов и студентов вузов и комвузов, на партийные кадры, работающие над повышением уровня своей теоретической подготовки, на научные организации и библиотеки.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Статьи. Доклады и сообщения. Документы. Преподавание истории. Критические статьи и обзоры. Рецензии. Библиография. Хроника.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И:

на 12 месяцев 21 руб. — кол.
» 6 » 10 » 60 »
» 3 » 5 » 25 »

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И: Москва, Волхонка 14, тел. 3-96-55

ОГИЗ—ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗД-ВО

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Ж У Р Н А Л**

МИРОВОЕ **ХОЗЯЙСТВО** **И** **МИРОВАЯ** **ПОЛИТИКА**

Ответств. редактор Е. ВАРГА

**НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА МИРОВОГО
ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

Ж У Р Н А Л Д А Е Т:

марксистское освещение актуальных вопросов мирового хозяйства и мировой политики, теоретические статьи по вопросам мирового хозяйства, обзоры политики и хозяйства главных стран.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Статьи. Обзоры. Конъюнктура мирового хозяйства. Критика и библиография. Аннотация иностранных книг.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН:

на научных работников, журналистов, вузовцев, пропагандистов, руководителей кружков и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес. — 24 руб.

„ 6 „ — 12 „

„ 3 „ — 6 „

12 номеров в год

Цена отдельного номера 2 руб.

Год издания 10-й

3 рубля

ОГИЗ — Государственное социально-экономическое изд-во

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

**ГОД
ИЗДАНИЯ
7-й**

**О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОМАКАДЕМИИ
Ответственный редактор
Г. И. КРУМИН**

**6
НОМЕРОВ
В ГОД**

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА

1. Теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, итогов первой и задач второй пятилетки.
2. Теоретическое освещение проблем современной фазы империализма, мирового экономического кризиса и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами.
3. Борьба со всякими течениями, пытающимися подрвать разветывание социалистического строительства, с буржуазными и оппортунистическими теориями, извращающими сущность процессов, происходящих в СССР и в капиталистическом обществе.
4. Теоретическая разработка проблем марксистско-ленинской политэкономии на конкретном материале современности.
5. Журнал рассчитан на экономистов, учащихся высших учебных заведений и руководящий партийный актив.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
на 12 мес. — 18 руб.
" 6 " 9 "

Цена
отдельного номера
3 рубля

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех отделениях, магазинах и киосках Книготоргового объединения государственных издательств и его уполномоченными, всюду на почте и письмомносцами.